

Вячеслав Митяшов

ИГРЫ В ГЕРОЕВ

Воля свыше. Часть первая

Вячеслав Митяшов

**Игры в героев. Воля
свыше. Часть первая**

«Издательские решения»

Митяшов В.

Игры в героев. Воля свыше. Часть первая / В. Митяшов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931874-9

К чему приводят сны? Быть может, к визиту в кабинет психотерапевта?
Или это начало совершенно невероятных приключений, увлекательной, но
смертельно опасной игры? Волею случая главный герой попадает в незнакомый
ему мир в период раздора и смуты. Для его игры в героев там будет все:
друзья, враги, жестокие сражения, тайны. И когда в конце игры придется
делать выбор — он сделает его без страха и колебаний.

ISBN 978-5-44-931874-9

© Митяшов В.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Игроки	6
1	6
2	10
3	14
4	18
5	23
6	26
7	32
8	36
9	39
10	42
11	46
12	50
13	55
14	59
15	63
16	65
17	71
18	75
19	81
20	87
21	93
22	97
23	102
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Игры в героев Воля свыше. Часть первая

Вячеслав Митяшов

© Вячеслав Митяшов, 2018

ISBN 978-5-4493-1874-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Игроки

1

Дверь открылась, впустив на мгновение неясный гул расположенной за домами улицы и разбавивший пресный, кондиционированный воздух офиса аромат цветов с клумбы у входа. В холл вошёл молодой, крепко сложенный мужчина ростом чуть выше среднего и негромко, робко поздоровался с девушкой-секретарем, коротавшей рабочий день в сети. Она нехотя оторвала свой взгляд от экрана ноутбука, окинула вошедшего оценивающим взглядом и спросила:

– Здравствуйте. Вы на приём? По записи?

– Да, я звонил вам вчера, меня зовут Давыдов Александр.

– А... – девушка на мгновение задумалась, скосив взгляд на раскрытый ежедневник, лежавший рядом на стопке каких-то папок, – вы к Ивану Сергеевичу. Верно?

– К нему... Мне подождать? У вас тут, правда, не многолюдно, – Александр, осмотрев пустой холл, натянуто улыбнулся.

– Отпуска, – секретарша вздохнула, однако в её вздохе печали не было ни капли. – Сейчас спрошу, не занят ли.

Она подняла трубку, набрала несколько цифр внутреннего номера.

– Иван Сергеевич, к вам посетитель подошёл... Да, по записи... Александр, проходите, пожалуйста.

И девушка показала на первую из четырёх дверей слева от неё, с небольшой пластиковой табличкой «Психиатр».

Посетитель медленно, словно тянул время, подошёл к двери, поднял руку, чтобы постучать, но лишь нерешительно коснулся костяшками пальцев лаковой поверхности дверного полотна. В какой-то миг провожавшей его взглядом секретарше показалось, что он сейчас просто развернётся и уйдёт, но Александр решительно потянул за ручку и скрылся в кабинете.

Внутри было уютно. С первого взгляда показалось, что хозяин этого помещения проводит здесь гораздо больше времени, чем дома, и поэтому обстановка кабинета была подобрана с особой тщательностью. Слева вдоль стены находились высокие книжные шкафы. Не какие-нибудь, купленные по каталогу офисной мебели, а самые настоящие антикварные. Рядом с окном, задёрнутым тяжёлыми шторами, стоял дорогой тёмно-коричневый кожаный диван в виде буквы П, внутри которой находился небольшой журнальный столик. Справа почти всё место занимал огромный стол из тёмного дерева, по всей видимости ровесник шкафов напротив. Оклеенные дорогими скандинавскими обоями стены большей частью были завешаны различными фотографиями и репродукциями.

В воздухе витал успокаивающий сладковатый, пряный запах отгоревшей ароматической свечи, отчего волнение, преследовавшее Александра от самого дома разом сошло на нет. Он посмотрел на приподнявшегося из-за стола человека, пытаюсь понять, кто же он такой, этот Иван Сергеевич. Возраст врача угадать было непросто – на гладком, моложавом лице растянулись в легкой улыбке пунцовые, почти юношеские губы, окаймлённые аккуратной бородкой в которой, правда, прослеживалась седина. Седые нити белели и в коротких, тщательно причёсанных волосах. Он едва заметно кивнул, и заговорил негромким, мягким голосом с едва различимой хрипотцой:

– Позвольте представится. Стрижевский Иван Сергеевич, психоаналитик. Сразу хочу спросить у вас разрешения на запись нашей беседы, чтобы в дальнейшем у меня был материал для работы. Заверяю вас, всё сказанное останется между нами.

– Хорошо, – плечи Александра неловко дёрнулись, что не скрылось от внимательного взгляда собеседника.

– Не волнуйтесь, Александр Денисович. Давайте присядем на диван. Так вам будет удобнее.

Врач вышел из-за стола, взял посетителя за локоть и проводил к дивану. Они сели друг напротив друга. Стрижевский положил на журнальный столик небольшой, похожий на брелок диктофон и нажал запись.

– Итак, начнём.

Александр откинулся на спинку. Утопая в мягких подушках, он забыл о волнении, стало легко и спокойно.

– Мои сны... Всё дело в моих снах... – он начал несколько неуверенно, пытаясь подобрать правильные, более точные слова, но ощутив на себе сочувствующий взгляд, продолжил. – Они пугают меня. Но это вовсе не кошмары... Сколько себя помню, не припоминаю, чтобы мне приснился хотя бы один кошмар. Лет примерно с пятнадцати мне снится один и тот же сон. Впрочем, я немного неправильно выразился – сны разные, но я вижу их так, словно смотрю сериал. Когда наступает ночь, я знаю, что увижу продолжение того, что видел прошлой ночью. Кому-то, возможно, это покажется интересным. Каждый мечтал досмотреть интересный сон. И мне так казалось поначалу. Но теперь начало пугать. Я не сумасшедший и прекрасно понимаю, что происходящее со мной выходит за рамки нормального. Это первая причина. А вторая – с каждым разом сон всё больше напоминает реальность. Все запахи, вкусы, ощущения – всё как на самом деле.

– И, что же вам снится? – спросил Иван Сергеевич, воспользовавшись паузой.

– Что снится... Я упущу подробности, иначе рассказ займёт не один день. Попробую описать основное. Мне снится, будто я живу в далёком прошлом, или... не знаю, может это какой-то несуществующий мир, плод моего воображения. Всё началось с того, что я еду в повозке по лесной дороге. Лошадьми правит человек, которого я называю отцом, рядом сидит женщина – мать. Она угощает меня мёдом из небольшого горшочка. Этот вкус помню до сих пор. Тогда впервые поразился таким сильным, реалистичным ощущениям во сне. Спереди и сзади ещё несколько повозок с людьми и их пожитками. Каждого из этих людей я знал по имени, знал, кем они были, словно прожил с ними много лет. Дети сидят молча, внимательно слушая взрослых. Взрослые говорят о войне, которая заставила их покинуть родной посёлок и искать защиты за каменными стенами города. А потом вдруг послышался топот множества копыт, крики, лязг оружия. Отец сбрасывает меня с повозки в кусты, рядом с которыми мы как-раз проезжали, кричит, чтобы я прятался, а сам берётся за копьё, – Александр на мгновение прервал рассказ, глубоко вздохнул, пытаясь справиться с нахлынувшими эмоциями, и продолжил. – Я заплутал в лесу, долго искал потом это место... Когда вернулся на дорогу, нашёл лишь пару перевернутых повозок, осколки разбитой посуды и несколько пятен крови. Куда пропали люди – не знаю.

– Что же потом? – неожиданно вырвалось у Стрижевского.

– Пошёл, куда глаза глядят. К ночи дошёл до деревни; до сих пор помню название – Сегитал. А рядом с ней был воинский лагерь. Подумал, может там что знают о моих близких, но увы. Солдаты приютили меня. Так я и прожил с ними около месяца. А когда наступило перемирие, один из них, который всё это время заботился о найдёныше, забрал меня с собой. Он покидал службу и возвращался домой, а я уже потерял надежду найти кого-то из родных. Вот и снится мне теперь жизнь в его доме. Занимаюсь охотой, рыбалкой, работаю в огороде. А по вечерам мой воспитатель учит меня обращаться с копьём и мечом. А я постоянно пытаюсь отлынить от занятий, чтоб погулять с подружкой по берегу реки...

– И это снится каждую ночь с пятнадцати лет? – Иван Сергеевич поднялся с кресла и прошёлся по кабинету. По правде говоря, это указывало на довольно сильное волнение, что с ним

бывало нечасто. – Если бы я не видел эмоции на вашем лице, то подумал бы, что это розыгрыш. Но почему вы или ваши родители не обратились к врачу раньше? Думаю, что мама с папой не были в курсе, но вы сами уже достаточно взрослый человек, чтобы обратиться за помощью, скажем, лет пять назад. Почему именно сейчас? Случилось нечто такое, отчего стало страшно? И тут ещё, как вы сами сказали, с каждым разом ощущения всё больше и больше приближаются к реальным. Могу предположить, что это снова какое-нибудь сражение.

– Почему только сейчас? До сегодняшней ночи мои сны меня вполне устраивали. Сегодня же я проснулся в холодном поту, – Александр посмотрел на Стрижевского, и тот увидел в глазах посетителя страх. – Это сложно назвать сражением... Это... Снова началась война. Жители нашего посёлка собрались на совет, чтобы решить – остаться, спрятавшись в приготовленных в лесу землянках, или идти в город. Собрались все – мужчины, женщины, старики, дети. И никто не подозревал, что враг может быть близко. Разведка это была или авангард какого-то отряда... Кто его знает. Конница врубилась в толпу на полном скаку. Я видел, как людей рубили мечами. Я слышал крики, я чувствовал запах льющейся крови. И это было не как в кино, это был не сон. Это всё происходило словно наяву. Я чудом выбрался оттуда. Мне тоже пришлось сражаться, пришлось убить врага, чтобы спасти свою жизнь... Когда я проснулся, пододеяльник и простынь были порваны в клочья.

Стрижевский подождал мгновение, чтобы удостовериться, что Александр закончил свой рассказ. Тот молчал, склонив голову и подперев лоб рукой. Доктор задумчиво почесал подбородок большим пальцем и заговорил:

– Честно говоря, первый раз слышу о чём-то подобном. На кошмары мне жаловались неоднократно, жаловались на повторяющийся сон. Как сейчас помню эту женщину – ходила по кабинету из угла в угол и требовала прекратить её навязчивый сон. Вопрос решил банальный приём таблеток. Но такое... Тут понять бы, с чем конкретно мы имеем дело. Или вы меня всё-таки умело разыгрываете, или мы имеем дело с чем-то уникальным.

– Я не разыгрываю вас, – посетитель поднял взгляд, и в глазах его сверкнула обида.

– Ну-ну, не обижайтесь. Поймите меня правильно – случай невероятный, и я в праве сомневаться.

– Если бы я мог вам это доказать – доказал. К сожалению, не слышал, что можно увидеть чужие сны на экране телевизора.

– Хорошо. Предположим, вы не врёт. Позвольте я задам несколько вопросов?

– Пожалуйста.

– Александр, вы много читаете?

– Достаточно много, но больше специальную литературу, по работе. Из художественной – люблю детективы, но времени на них почти не остаётся.

– А какие предпочитаете фильмы? Случаем не что-нибудь красочное, историческое, где много сражений, храбрых рыцарей и прекрасных дев.

– Ну, я конечно не прочь посмотреть такое, но если есть выбор, предпочту детективный триллер, боевик или комедию.

Доктор задумался, поднялся с дивана, прошёлся до окна, вернулся и присел на подлокотник. Бросив взгляд на наручные часы – Александр ни сколько не удивился, заметив на циферблате с римскими цифрами эмблему «Омега» – он вновь задумчиво почесал подбородок.

– Хорошо. По всей видимости, наше общение не ограничится одним приёмом. Случай интересный и требует обстоятельного обследования. Если не врёт – оба станем знаменитыми, о нас напишут в медицинских альманахах. Если повезёт, даже заработаем на этом. В этом случае денег с вас не возьму. Но если вы мне наврали – разоритесь на оплате моих услуг. Согласны?

– Согласен.

– Вот и хорошо. Тогда не буду вас больше задерживать, жду через два дня. Вы только предварительно позвоните мне утром.

Александр нехотя поднялся с мягких подушек, ещё раз пробежался взглядом по обстановке кабинета и спросил:

– Сколько я вам сейчас должен?

– Забудьте, – Стрижевский, улыбнувшись, поднялся с дивана и протянул ладонь.

Посетитель, ответив искренней улыбкой, пожал руку доктора и вышел из кабинета. Иван Сергеевич проводил его взглядом и, неспешно подойдя к книжным полкам, взял первую попавшуюся на глаза книгу – Герман Вейс, «История цивилизации» – полистал её, даже не всматриваясь в строки. В голове по-прежнему прокручивался рассказ посетителя, отображавшийся в это время на его лице эмоции. Стрижевский всегда считал себя хорошим специалистом и человеком, прекрасно разбирающимся в людях. Понять, врёт человек или нет, он мог по жестикуляции и мимике. И чем дальше он анализировал Александра, тем больше росла в нём уверенность в том, что его не пытаются разыграть. Остаётся лишь понять, психотическое ли это расстройство или нечто уникальное.

– Леночка, ко мне ещё кто-то на сегодня записан? – Стрижевский выглянул в холл, отметив про себя, что там на редкость пустынно.

Девушка полистала ежедневник.

– Да, через два часа Ирина Валерьевна.

– Эээ... Позвони ей, скажи, что доктор Стрижевский дико извиняется, но не сможет принять её ни сегодня, ни в ближайшие пару недель.

– Хотите, чтобы она пришла и устроила скандал? С неё станется и мужу бывшему позвонить, а он у неё...

– Да знаю я её мужа, он со мной не станет ругаться.

– Она потребует номер вашего мобильного.

– А ты не давай. И, если что, я на самом деле очень занят. Мне нужно обзвонить коллег. У нас есть интересный случай.

2

Эйнар проснулся в холодном поту. Не хватало воздуха, в горле что-то хрипело и булькало, словно в котле с похлёбкой. Он откашлялся, скинул с себя шерстяное одеяло, сел, прильнув спиной к срубам. У стола, стоявшего в центре большой и единственной в доме комнаты хлопотал среднего роста жилистый мужчина, увенчанный шевелюрой совершенно седых, белых, словно снег, волос – Сокс. Было ранее утро, через окна, затянутые бычьим пузырьком и через открытую настежь дверь мягко светило утреннее солнце. В лесу выводили свои трели птицы – всё спокойно, опасности нет, чужих рядом нет. Птахи привыкли к жителям этого поселка, и продолжали свои песни, нисколько не боясь живущих по соседству людей. Но стоит появиться чужакам, птицы замолкали, предупреждая посёлок о возможной опасности.

– Ты не заболел, сынок? – спросил его Сокс, подсев рядом. – Как-то плохо выглядишь.

– Нет, всё в порядке.

Сокс уже выставил на стол нехитрый завтрак из парного козьего молока и ржанных лепёшек – съестное принесла равнодушная к старому солдату соседка. Лепёшки были ещё горячими и распространяли по дому дразнящий, щекочущий ноздри запах. Эйнар встал с набитого душистым сеном тюфяка, умылся из стоящей в углу бочки, пригладил пятернёй копну взъерошенных русых волос и сел за стол,

– Сон дурной приснился?

Парень кивнул и, отправив в рот кусок лепёшки, запил молоком.

– Эй, хозяйка. Вы уже проснулись? – послышался с улицы голос.

– Заходи, Бирнезий, – позвал Сокс.

В дверном проёме появился мужчина лет сорока. Он отстегнул от кожаного пояса ножны с длинным мечом и, прислонив их к стене – пусть ненадолго зашёл, а неже с оружием к друзьям за стол садиться – и подсел рядом.

– Угощайся, – хозяин указал на лепёшки и молоко.

– Спасибо, я завтракал. Почти все собрались, только вас ждём.

– Сейчас, вон, доест, и пойдём.

Эйнар быстро проглотил свой завтрак, поднялся и сунул босые ноги в стоявшие у стены старые сапоги. Надев на лёгкую домотканую рубаху кожаную безрукавку, он опоясался поясом, на котором висели ножны со средних размеров кинжалом, взял, на всякий случай, свою испытанную на охоте рогатину. Сокс повесил через плечо перевязь с ножнами, хранившими старый, испытанный клинок, а Бирнезий подобрал оставленный в углу меч. Заплечные мешки с приготовленными вещами остались пока висеть на вбитых в стену крюках. Переглянувшись напоследок, трое мужчин вышли из дома. Утопающий в зелени леса посёлок – три десятка дворов – располагался рядом с небольшой лесной речушкой, которая огибала его дугой, защищая с трёх сторон. Стоящие на берегу вёглы надёжно скрывали его от взгляда с противоположного берега. И лишь по едва заметным среди камыша лодкам можно было догадаться о присутствии здесь человека.

Огромный старый дуб, росший на невольно возникшем в центре деревни пустыре, сделал его центральной площадью. Именно здесь жители Феринола всегда собирались либо на праздники, либо проводить усопшего. Или, как сейчас – для решения вопросов, касающихся судьбы всех его обитателей. И стар и млад обступили дерево полукругом. Взрослые терпеливо ждали того, чьё мнение всегда выслушивали, кого считали старейшиной – Сокса. Какое бы он ни принял решение, редко кто возражал, и всегда поступали по сказанному. Хотя и любили сначала поспорить, пошуметь. Вот и сейчас все шушукались меж собой, обсуждали предложенное старейшиной ещё вчера. «Идёт, идёт», – пронёсся шёпот по толпе, когда Сокс в сопровождении своего воспитанника и Бирнезия появился на площади. Все расступились, пропуская его

к дереву. Старейшина влез на причудливо выпирающий из земли корень – так он возвышался над всеми на три головы, и его видели даже те, кто стоял с краю.

– У нас есть два пути, – заговорил он, когда утихли разговоры в толпе. – Укрыться в лесу, в землянках, либо бежать в столицу. Я надеюсь, все вы приняли решение, второй день это обсуждаем. А вот теперь времени на пустые разговоры нет, враг близко. Бортник на восходе видел в лесу конный разъезд. Нам нужно собираться и уходить. Немедленно.

Толпа снова зашумела. Одни вновь настаивали на первом, другие на втором, спор разгорался, грозя затянуться, как вчера, до позднего вечера. Сокс, слушая этот гвалт, тяжело вздохнул, утёр пот со лба. Пора бы это прекращать.

– В столице нечего делать, – заорал кто-то. – Неизвестно, что там случится, может её осадят на полгода. Что тогда будет с нашими домами. Придём, а здесь всё разграбят свои же. Да и не сунутся сюда талланцы, что им здесь делать, в лесной глуши, коли столица в двух шагах.

– Не сунутся? – послышался другой голос, уже женский. – Знаю я этих сволочей-южан. Всё здесь перероят, как только тропинку в сторону от тракта заметят. И деревню найдут, и нас найдут.

– Да что ты понимаешь! Нужны им твои горшки. Серебришко то, небось, в малиннике уже закопала.

– А что ты моё серебро считаешь?! Сначала на себя посмотри. Вместо того, чтобы деревню защищать, хвост поджал, в нору забиться хочешь.

– Вот бери свой ухват и вставай с Бирнезией и Соксом. Кроме их двоих никто и не воевал. Какая польза от меня будет, если первым ударом к праотцам отправят.

Сокс поднял руку, стараясь остановить начинавшуюся перебранку, но народ, не обращая внимания на старейшину, уже сцепился друг с другом, вспомнив ещё и старые обиды.

– Да угомонитесь вы! Люди! – кричал он, но его не слушали.

Этот спор мог продолжаться ещё долго. Никто не заметил, как в лесу стало тихо – птицы смолкли, лишь какая-то сорока сердито закричала, словно предупреждала всех об опасности. Сельчане опомнились лишь тогда, когда конная сотня с гиканьем и свистом ворвалась в посёлок. Женщины закричали, бросились ловить бегущих в толпе детей, мешая мужчинам дать отпор нагрянувшему врагу. Люди кидались из стороны в сторону, сбивая друг друга с ног. А конница, собравшись в плотный клин, ударила в самый центр, сея боль и смерть.

– Держись рядом! – крикнул Сокс, но Эйнара уже отбросило в сторону метавшимися в панике людьми.

Как он очутился на берегу реки среди деревьев, не понял и сам. Увёртываясь от прорезавших толпу боевых коней, от стремительно жалящих копий, Эйнар выбрался из давки и, только здесь смог отдышаться и оглядеться. Заметили его или нет, он не знал, хотя и догадывался, что талланцам сейчас точно не до него – им хватало забот и в посёлке. Одни, ловко бросая арканы, ловили девушек и женщин помоложе, другие переворачивали всё в домах вверх дном, забирали ценное и поджигали крытые соломой и дранкой крыши. Третьи били мечами и копьями пытавшихся сопротивляться мужчин. Ни Сокса, ни Бирнезия видно не было, но не смолкавший звон оружия питал надежду, что они ещё живы. Эйнар перехватил покрепче рогатину, собрался с духом, и сделал шаг туда, где кипело сражение. Но раздавшийся рядом испуганный девчачий визг остановил его, и он увидел бежавшую к нему вдоль берега Валею – симпатичную веснушчатую дочку бортника. Следом за ней, раскручивая над головой арканы и мерзко гогоча над своими недвусмысленными шутками, поспевали двое талланцев на здоровенных, сытых жеребцах.

– Эйнар! – завизжала она и, собрав последние силы, прибавила ходу.

Но в этот момент в воздухе мелькнула ременная петля и опустилась на плечи девчонки. Всадник осадил коня, верёвка натянулась, опрокинув беглянку на спину с такой силой, что она стукнулась головой о землю и замерла в беспмятстве.

– Прибей щенка, – сказал тот второму и, подняв Валею сильной рукой, положил её поперёк седла и усакал прочь.

Второй растянул губы в кровожадной улыбке. Свернув аркан, он повесил его у седла и достал из ножен меч. Эйнар же пригнулся, сжался в напряжённый комок мышц и сухожилий и выставил перед собой рогатину, уперев её в корень. В ответ раздался злорадный смех, враг ударил шпорами коня и помчался на свою жертву. Эйнар ещё крепче сжал толстое древко рогатины. Сердце колотилось так, словно готово было выскочить из груди, но он стоял, как будто врос ногами в землю. На какое-то мгновение показалось, что время замерло. Всадник медленно приближался по дуге, стараясь, чтобы удар рогатины пришёлся вскользь. Сверкающее на солнце лезвие его меча было направлено в грудь жертвы. Ещё мгновение, и конь минует остриё. И тогда смерть. Каким-то невероятным усилием юноша повернул наконечник правее, и время в тот же миг обрело обычный ход.

Громадный конь рванулся на остриё, Эйнар прыгнул в сторону, пока его не смели, словно пушинку. В тот же миг раздался громкий треск сломавшегося древка, шум падения и отборная ругань вылетевшего из седла человека. Эйнар же ловко перекатился по траве и вскочил на ноги, выхватив из ножен кинжал. Конь лежал перед ним, слабо хрипя, скосив мутнеющий взгляд на окровавленный обломок копья в шее. Юноша почувствовал мимолётный укол жалости к несчастному животному, оцепенел на мгновение, обдумывая мысль прекратить его мучения, но вновь раздавшаяся громкая ругань врага заставила встрепенуться. Тот пытался встать, прижимая к груди сломанную левую руку, уже поднялся на колени, но бросившийся Эйнар повалил его на спину. Затем прижал к земле, надавив коленом на живот, и изо всех сил ударил талланца кинжалом в грудь. Лезвие со скрежетом пробило кольчугу и застряло там. Тонкая струйка крови брызнула из раны, окрасив воронёные кольца брони в бордово-красный. Человек дёрнулся и затих, устремив стекленеющий взгляд в голубое небо.

Эйнар отпрянул назад, повалился в бок и тут же вскочил. От вида крови и от осознания того, что он сделал его мутило – этот неизвестный, пусть даже и был врагом, стал первым им убитым. И никакие увещания в душе не могли успокоить, скорее наоборот. Голова кружилась, кровь тяжёлыми ударами била в виски. Ноги, словно сами, сделали несколько шагов прочь, в сторону спасительных зарослей. И, забыв обо всём, Эйнар бросился в лес. Он бежал в сторону города, бежал так быстро, как только мог. По лицу хлестали ветки, корни цепляли за ноги, казалось, что всё в этом лесу хочет вернуть его обратно. Но беглец не останавливался, он бежал до тех пор, пока совсем не выбился из сил. И только тогда, когда ноги перестали слушаться, упал на землю. Его вытошнило; было такое ощущение, словно все внутренности сейчас вывернет наружу. Когда же это прошло, он откинулся к стволу дерева, закрыл глаза и, не в силах побороть усталость, забылся в тяжёлом, полном кошмаров сне.

Сон прошёл так же внезапно, как и наступил. Не хватало воздуха, и юноша дышал, словно вынырнувший из бездны ныряльщик. Что-то сжимало грудь, и было такое чувство, что некто душит его. Пот ручьём тёк по лицу, оставляя светлые дорожки на покрытых серой пылью висках. ек по лицу. ой крышине сапоги

– Проснулся? – услышал Эйнар рядом с собой голос и повернулся на него. Сердце ёкнуло в груди от предчувствия опасности.

Но рядом сидел лишь Бирнезий. Слегка морщась, он зажимал рукой левое плечо. На рубашке виднелись уже засохшие пятна крови.

– Зацепили немного. Ничего страшного.

– Как ты меня нашёл?

– Никак, наткнулся случайно.

Он не стал упрекать Эйнара за малодушие, прекрасно понимая, насколько тяжёл первый бой, да ещё, такой как этот. И лишь горько сказал:

– Мало кто спасся. Кто погиб, кого на арканах утащили. А посёлок сгорел, ничего не уцелело.

– А... а Сокс?

– Погиб. Ладно, вставай, Эйнар. В город засветло успеть нужно, чтобы в лесу не ночевать.

– Идём, – прошептал тот, с трудом сдержав подкатившие слёзы.

Расстояние до столицы, по местным меркам, считалось небольшим, но беглецы добрались до неё лишь поздним вечером. Перешли через реку по добротному деревянному мосту, опиравшемуся на едва заметных в воде каменных быков и, завидя, как в ворота заходят последние повозки и люди, прибавили шагу. Серая полоса крепостных стен с редко стоящими, одинаковыми, словно близнецы, башнями, приближалась немыслимо медленно. Уже возникло опасение, что ночевать придётся в поле у стены, но начавшие закрывать ворота стражники заметили двоих бегущих, и, сжавшись, дождались их.

– Кто такие? – спросил начальник караула, затем, заметив кровь на их одежде, добавил, – Беженцы? Откуда?

– Мы из Феринола, – ответил Бирнезий. – Сегодня на нас напали. Кого порубили, кого в плен увели. Мало кто спасся, да и те разбежались, кто куда.

– Не может быть! Они пробрались так близко к столице! – солдат в сердцах стукнул кулаком по воротам, да так, что обитое железом дерево створок загудело. – Что делать то собираетесь? Я вижу, вы совсем налегке, наверняка ни еды, ни денег.

– Скажи мне, добровольцев в этот раз собирают? Не попрошайничать же нам у ворот.

– Хочешь делом заняться? Похвально. Я помогу вам. Собирают жадных до драки, и вас, наверняка, возьмут. Сыты будете, одеты, денег заработайте, если выживите, – стражник хохотнул. – Могу дать человека, он вас проводит. Эй! Каллист! Сюда живо.

Из караулки выбежал тщедушный, невысокого роста, солдат.

– Проводишь их к Эллирию. И если этот пьяница будет что-нибудь вякнет против, скажешь, от меня парни. Понял?

– Понял, бегу, – Каллист шёпотом выругался – видимо, его оторвали от более интересного занятия.

Он оглядел Эйнара и Бирнезия с ног до головы, презрительно сплюнул и процедил сквозь зубы:

– Идёмте.

3

Ровно в два часа дня Александр вошёл в уже знакомый ему холл клиники. Секретарша тот час узнала его, вскочила с места и открыла перед ним дверь со словами: «А вас уже все ждут». Не обращая внимания на удивлённые взгляды стоявших у окна двух посетителей, он прошёл в кабинет.

– Приветствую вас, друг мой, – Стрижевский тот час шагнул навстречу и, широко улыбаясь, протянул руку.

Александр ответил на рукопожатие, не сводя глаз и сидевших в кресле четверых мужчин и молодой женщины. Они спокойно, бесстрастно смотрели на него, словно семья удавов на кролика. Стало немного неуютно, но по губам женщины вдруг скользнула лёгкая, тёплая улыбка, растопившая его неуверенность.

– Позвольте представить моих коллег, – Иван Сергеевич не стал затягивать со знакомством, тем более гость уже с интересом смотрел на них. – Андрей Николаевич Русаков.

Сидевший с краю добродушный на вид толстяк лет пятидесяти кивнул, улыбнувшись сквозь пышные усы широкой улыбкой.

– Алексей Сергеевич и Николай Сартаковы.

Отец и сын не были похожи друг на друга. Первый – хрупкий старик с аристократическим лицом, одетый в классическую тройку, второй – крепкий, спортивного телосложения мужчина, немногим постарше Александра. Оба так же приветствовали гостя улыбками.

– Дмитрий Топосов.

На вид лет сорок пять, короткая стрижка, гладко выбритый волевой подбородок – этому больше подошёл бы камуфляж и снайперская винтовка, а не халат врача. Он и смотрел на посетителя, словно через прицел – пристально, слегка прищутив левый глаз и затаив дыхание.

– Анна Селвина – моя ученица и помощница.

Она поправила непослушную, спадающую на глаза, прядь тёмно-каштановых волос и ещё раз тепло улыбнулась.

Александр поздоровался с каждым и сел в кресло напротив.

– Итак, будем считать, что начало нашим исследованиям положено, – Стрижевский довольно потёр руки и встал рядом с журнальным столиком. – Я уже ввёл коллег в курс дела. Всё это чрезвычайно заинтересовало их, но, само собой, были и сомнения – уж не обессудьте. Однако желание разобраться в вашем случае пересилило весь наш скептицизм. И, посему, пара слов о том, что нам предстоит. Во-первых, это регулярное психологическое тестирование, во-вторых – ежедневный анализ крови. И в-третьих – ближайшие несколько ночей вы будете спать в лаборатории. Мы прикрепим к телу и голове ряд датчиков, так что придётся потерпеть неудобства.

– Надеюсь, током бить не будете? – усмехнулся Давыдов. – Если так, я готов.

– Ну, друг мой. Наши методы безопасны и гуманны. Это учёные порезали бы мозг на тонкие ломтики, чтобы изучать под микроскопом. А мы при помощи высокочувствительных датчиков снимем сигналы с коры головного мозга, проанализируем их. У нас есть даже экспериментальное оборудование, которое позволит, как мы надеемся, увидеть ваши сны.

– Разве такое возможно?

– Отчасти. Это будет далеко не голливудское качество. В лучшем случае – нечёткие, обрывочные образы. Возможно что-то получится понять из них. А теперь план действий на сегодня, – доктор присел на край дивана. – Первым делом проведём анкетирование и тесты, затем пройдем в лабораторию и опробуем нашу аппаратуру, поспим пару часиков.

– Думаете, я смогу уснуть? Разве что наркоз дадите.

– Постараемся обойтись без этого, друг мой. Для чистоты эксперимента не хотелось бы прибегать к медикаментам. Приятная музыка и сигнал на электроды подействуют ничуть не хуже.

– Вам виднее, доктор.

– Вот и замечательно. Приступим.

Стрижевский поднялся и подошёл к столу, достал из ящика небольшой пластиковый чемоданчик, взял ноутбук. Поставив его на журнальный столик, он достал из чемоданчика какой-то прибор с присоединенной к нему манжетой для измерения давления и пульсоксиметром и подключил его к компьютеру.

– Не возражаете, если мы запишем беседу? – спросил Иван Сергеевич, закрепляя на экране веб-камеру. Александр кивнул. – А это у нас нечто вроде полиграфа, – врач надел на левую руку пациента манжету и пульсоксиметр на палец, – Надеюсь, против этого тоже не возражаете? Если, конечно, не хотите скрыть что-то.

– Я согласен и полностью в вашем распоряжении.

– Учтите, прибор трудно обмануть, – ехидно улыбнувшись, добавил Топосов.

– И в мыслях не было этого делать.

Ноутбук негромко загудел. Стрижевский коснулся пальцами сенсорной панели и, загрузив нужные программы, внимательно посмотрел на Александра, улыбнулся и сказал:

– Итак, начнём. Назовите ваше имя и возраст.

– Давыдов Александр. Двадцать шесть лет.

– Где вы работаете?

– Банковский служащий, работаю с ценными бумагами.

– Какой у вас цвет волос?

– У меня... я шатен.

– Цвет глаз?

– Серые.

– Расскажите о ваших увлечениях. Чему вы посвящаете свободное от работы время, где, скажем, проводите отпуск?

– Зимой выезжаю за город покататься на лыжах, летом – велосипед. Предпочитаю проводить время активно.

– Ваш размер обуви?

– Двадцать седьмой.

– Вы женаты?

– Нет.

– Употребляете наркотики или сильнодействующие лекарственные препараты?

– Нет.

– Ваше отношение к алкоголю?

– Могу позволить себе немного по праздникам, бывает, захожу в бар попить пива.

– Ваши предпочтения в литературе и кино?

– Из книг в основном детективы, кино – комедии.

– В вашем роду или у вас самого были заболевания нервной системы или психические расстройства?

– Нет, не слышал ни о чём подобном.

– Помните ли вы, когда начались эти сны? Что, по вашему мнению, могло стать причиной их появления? Или всё это произошло без видимых причин?

– Мне было около пятнадцати, когда начались сны, – Александр замолчал, задумавшись, затем продолжил, но голос его изменился, стал глухим. – Не знаю, было ли это причиной, или просто совпадение, но сны начались после... У меня был школьный товарищ. Хороший товарищ. Вместе гуляли, ходили к подружкам. Любили в парке по штольням гулять. Знаете

наверное – внизу в откосе, видимо, для водоотведения сделаны, чтобы не было оползней. Ну и как-то раз забрались в одну ещё с парой мальчишек, дошли до развилки. Не знаю, что на него нашло, все пошли налево, а он вдруг направо рванул. Ничего страшного, конечно. Лабиринтов там нет, бетонные подпорки стоят – разве что руку между ними просунешь. Вот только он пропал. Сначала мы сами, потом спасатели прошли по его следам. Они вели вглубь штольни и заканчивались там же, где заканчивался коридор. И никаких обратных следов, ничего, что позволило бы понять, куда он подевался. И в ту же ночь мне приснился сон.

– И в этих снах, наверное, являлся друг или кто-то в его образе?

– Нет, за все эти годы он мне ни разу не приснился. Я вижу совершенно других людей, другой мир.

– И всё же, можно сказать однозначно – была ли эта трагедия причиной появления снов или нет? Никогда всерьёз не задумывались?

– Мне кажется, нет.

– Ну, для начала, пожалуй хватит, – Стрижевский остановил запись. – Анечка, теперь твоя очередь.

Девушка открыла небольшой пластиковый портфель для документов и, достав из него несколько скреплённых степлером листов бумаги, протянула их Александру.

– Здесь вопросы, для каждого есть варианты ответов. И огромная просьба – читайте внимательно, не торопитесь.

– А это обязательно? – Давыдов бегло просмотрел листы бумаги с едва ли не сотней вопросов и скорчил кислую мину. – Это же всё так... субъективно.

– Обязательно, – Анна ответила ехидной улыбкой и протянула ему карандаш с полустёртым ластиком на конце. – И не спешите. Один у нас как-то поспешил, понаставил крестиков где попало, так чуть на принудительное лечение не попал.

– Дорогуша, – засмеялся Русаков. – Не пугайте бедного юношу. Пусть спокойно отвечает на вопросы, а мы пока устроим кофе-брейк.

На ответы ушло больше часа. Александр решил ответить на всё добросовестно, хотя и было огромное желание заполнить анкету наугад. Но, в конце концов всё это нужно ему самому, и не в его компетенции ставить под сомнение применяемые методы. Аня, всё-таки, сжалилась над ним и принесла большую чашку ароматного кофе со сливками и сахаром, и даже присела рядом, подглядывая через плечо за тем, как кончик карандаша неспешно путешествует от одного напечатанного на бумаге квадрата к другому. Будь на её месте любой из докторов-мужчин, Александру точно не понравилась бы такая бесцеремонность. Но от её общества отказываться вовсе не хотелось.

– Готово, – он выдохнул, отложил анкеты и потёр затёкшие от карандаша пальцы правой руки.

– Замечательно, – Анна собрала листки и, положила обратно в портфель.

– Даже не посмотрите?

– Всему своё время, – Стрижевский подсел с другой стороны, энергично размешивая сахар ложкой в третьей по-счёту чашке кофе. – А сейчас пройдемте в лабораторию?

Лабораторией оказалась самая обычная комната, служившая до сегодняшнего дня комнатой отдыха, вход в которую скрывался за одним из шкафов. Несмотря на свой вес, этот предмет обстановки легко поворачивался на шарнире, словно обычная дверь.

– Не подумайте, что я там что-то прячу, – поспешил пояснить Иван Сергеевич. – Дизайнер предложил.

– А чёрный потолок тоже его идея? – хмыкнул Топосов. – Что-то мне подсказывает, не просто так сюда дизайнер приходил.

– Ты просто не видишь всей гениальности его задумки.

Из бывшей комнаты отдыха было убрано всё лишнее, вместо чего теперь в центре стояла застеленная свежим бельём кровать, рядом с ней ширма для переодевания, а с другой стороны стол с медицинским оборудованием и парой ноутбуков.

Стрижевский взял стоявший на стуле бумажный пакет с эмблемой магазина одежды, достал из него пижаму и протянул пациенту.

– Прошу, переодевайтесь.

Тот скептически посмотрел на украшавших одежду африканских животных, усмехнулся и скрылся за ширмой – доктора, тем временем, заняли стоявшие у столика кресла. Быстро переодевшись, Александр босиком прошёл по мягкому ковру и лёг в кровать.

– Я готов.

Свет начал постепенно гаснуть, и только сейчас он заметил, что высокий потолок был не совсем обычным. На чёрном фоне зажглись похожие на звёзды крохотные лампочки, глаза сразу нашли знакомый всем с детства ковш Большой Медведицы, а затем и Полярную звезду. До слуха донеслась тихая, успокаивающая музыка, и он зевнул. Все волнения остались позади, ему стало хорошо и спокойно. И даже когда чьи-то руки аккуратно прикрепили к голове датчики, Александр не обратил на это внимания. Сон пришёл легко и незаметно.

4

Город встретил запахом подворотен, где неделями копились горы мусора, шумом улиц и постоянных дворов. На узких улочках, зажатых между каменными громадами трёхэтажных домов, быстро смеркалось. Лучи заходящего солнца не могли проникнуть в эти закоулки, и в них стремительно сгушался мрак. Кто-то из горожан спешил возвратиться домой, к домашнему очагу; иные, наоборот, только-только покидали свои пристанища, чтобы скоротать вечер, а то и ночь с компанией весёлых девиц в какой-нибудь забегаловке. А Эйнар и Бирнезий послушно плелись следом за Каллистом, провожая взглядами встречавшихся по пути женщин в ярких, украшенных выдающими профессию алыми бантами, платьях с глубоким декольте. Солдат петлял то влево, то вправо, заглядывал в попадавшиеся по пути трактиры, выискивая знакомых. Порой он просил немного его подождать, а когда выходил, запах дешёвого вина от его раскрасневшейся физиономии становился сильнее и сильнее.

– Квартал здесь хороший, – проговорил, наконец, он после очередного возлияния. – В лесу вашем домов таких небось и в помине нет.

– Нету, – согласился Бирнезий.

– А это старый квартал. Сколько себя помню, такие дома уже стояли. Вон и под ногами камень. А зайди к гончарам, так там и дома не дома, а халупы, а под ногами хорошо если плахи бросили, а то и грязь совсем. Кстати, пришли мы. Я не я, если Эллирия нет здесь.

Они остановились рядом с ничем не примечательным зданием, похожим на соседние, словно брат-близнец – каменные светло-серые стены, три этажа, крыша из черепицы сочного тёмно-коричневого цвета. Первый этаж занимала таверна, над входом в которую висела грязная, не читаемая вывеска, на двух других располагались комнаты для постояльцев. Из-за прикрытых ставнями окон пробивался яркий свет, был слышен громкий смех и музыка.

– Эллирий гуляет, – проворчал Каллист. – Лучше бы вам сейчас не ходить туда, переночуйте где-нибудь – хотя бы у нас в караулке, если начальник разрешит. А то на неприятности нарвётесь.

– Да куда мы пойдём – ночь на дворе, или сам не видишь. Не хватало ещё по темноте шарахаться, – отмахнулся Эйнар. – Ты тогда сам зайди, спроси насчёт нас.

– Так фонари зажгут сейчас, мостовые твёрдые, ну, лужи есть, конечно... Хотя, как знаете, мне приказали – я вас привёл. Только зайдём мы вместе.

Каллист открыл скрипучую дверь и пропустил спутников первыми. Эйнар вошёл, поморщился – в нос ударил ядрёный запах кислого вина. Ноздри защекотало, и он громко чихнул. Бирнезий недовольно пихнул его в бок и что-то прошипел.

Они очутились в закопчённом, грязном зале таверны. В центре стояли сдвинутые вместе столы, заставленные бутылками, посудой, какой-то снедью. Вокруг них сидели люди – мужчины, женщины. Некоторые из них уже были мертвецки пьяны, другие ещё держались, а некоторые даже умудрялись извлекать из заляпанных жиром лириц и флейт некое подобие музыки. Всем управлял здоровый круглолицый мужик с ёжиком коротких рыжеватых волос на голове и аккуратной бородкой. Как самый трезвый из всех своих собутыльников, он первым заметил пришедших и, недовольно хмурясь, поднялся навстречу.

– Здорово, Каллист. Что припёрся? А это кто с тобой? Живо отвечай, а то сейчас отсчитаем полсотни палок по мягкому месту.

– Да иди ты, тоже мне, напугал. А эти новенькие по твою душу, командир прислал в полк.

– И где он раскопал этих заморышей?

– Сами они пришли, беженцы. Деревню иху спалили, они и пришлёпали в город.

– Ну и отведи их в лагерь к остальным. Чего сюда притащил, дороги не знаешь? Утром разберёмся, кто это.

Внезапно из-за стола вскочил ещё кто-то. Здоровый, как и Эллирий, он скалой навис над Каллистом и заорал, обдавая солдата крепким винным запахом:

– Какой, к чёртовой матери, лагерь. Гнать их из города в три шеи, дармоедов. Притащились тут. Полон город этого сброда, в какой трактир не зайдёшь, всё занято. И, нет бы, воевать шли – защиты просят, думают за каменными стенами отсидеться, пока мы кровь проливать будем.

Бедняга вжал голову в плечи, со страхом глядя на этого здоровяка. С него станется – двинет кулаком в ухо, и поминай, как звали. Эллирий попытался остановить собутыльника, что-то сказал ему, похлопал по плечу, но тот, закончив о беженцах, продолжал крыть Каллиста всеми известными ругательствами.

– Хватит, – проговорил вдруг Эйнар. – Мы сюда пришли не прятаться, а воевать. Или ты не слышал, что мы лагерь полка ищем, а не место, где приткнуться.

– Ха! Воевать они пришли! Толку-то от тебя, деревенщина неотёсанная. Сам сгинешь и товарищей погубишь.

– Да, может, побольше, чем от тебя.

– Ты, что, сопляк, силой со мной помериться хочешь?

Здоровяк растянул губы в неприятной, кровожадной улыбке.

– О-о!!! Сейчас начнется потеха, – сидевшие за столом оживились, забыли о наполненных стаканах, и даже спавшие попытались оторвать головы от столов.

– А ну, место освободите, уберите эту рухлядь, – распорядился Эллирий. – Давай, Салтис, размажь его по стенке.

Тот отстегнул от пояса ножны с мечом и положил их на стол, затем выгнулся назад, разминая спину, пару раз махнул кулаками, да так, что воздух загудел. Его товарищи, тем временем, быстро оттащили столы и лавки в сторону, освободив центр зала для поединщиков. Эйнар снял с себя пояс и отдал его Бирнезию. Салтис заметил пустые ножны и едко заметил:

– А ножик-то потерял? Безоружного же пощадят, не прибьют. Правда, не все такие добрые.

– Ножик в кольчуге застрял, – просто ответил Эйнар.

– Парень в одиночку с конным сладил, – добавил Бирнезий. – Зря цепляешь его, он меч не хуже ветерана знает, только что опыта боевого нет.

– А вот мы сейчас и устроим ему боевой опыт, – захохотал Салтис. – Иди сюда, не тани. Меня вон девки ждут, не дождутся.

Зрители расселись по лавкам, наполнили стаканы вином. Эллирий провозгласил тост за честный поединок и ударил ногой в валявшуюся на полу пустую глиняную бутыл. Звон разбившейся посуды послужил сигналом начала драки, и Салтис, бросившись вперёд, махнул своим пудовым кулаком. Эйнар, славившийся на весь Феринол, да и на соседние деревни лучшим бойцом, легко увернулся, поднырнув под руку соперника и, шагнув вперёд, со всего размаха, ударил правой рукой под грудину. Хы-г, – резко выдохнул Салтис и, согнувшись пополам, упал на пол.

– Стой, парень, – Эллирий, пошатываясь, бросился к нему. – У нас упавших на пол не бьют.

– И не собираюсь.

Эйнар направился к двери, где его ждал Бирнезий. Не стоит оставаться здесь, надо хватать этого Каллиста, и пусть он ведёт их в лагерь полка. Испытывать судьбу...

– А ну, стой! – раздался за спиной рёв поднявшегося на ноги Салтиса, а затем лягз выхваченного из ножен меча. – Я тебе сейчас руки твои длинные подравняю!

– Стой, Салтис! Не надо! – Эллирий схватил его, пытаясь удержать. – Мне не нужны здесь трупы. Если хотите убить друг друга, давайте за городом. Ну или на пустыре.

– В нужник бросим, – тот легко избавился от объятий собутельника. – Кто его искать будет? Иди сюда!

Эйнар глубоко вдохнул, выдохнул, успокаивая себя и, не слушая что-то шептавшего Бирнезия, взял его меч и сделал несколько шагов навстречу Салтису. Окинув взглядом его огромную фигуру, он взял клинок наизготовку. Сердце бешено колотилось, но отступить было поздно. Противник уже двинулся навстречу, выставив вперёд руку с широким мечом, словно намеревался сразу пронзить его. На мгновение они остановились друг перед другом. Салтис шумно дышал, раздувая широкие ноздри, его покрасневшее, потное лицо искажилось от гнева. Эйнар, напротив, был внешне спокоен, правда, заметно побледнел. Противник издал звериный рык и ударил, целя остриём в глаз.

Эйнар легко парировал нехитрый удар и, присев, молниеносно крутанул меч на уровне пояса. Остриё достало противника, вспороло ему рубашку и слегка оцарапало кожу живота. Тот час стихли все смешки и шуточки наблюдавших за поединком. Все поняли, что дело Салтису предстоит нешуточное – противник не из лёгких. Разъярившийся здоровяк сделал серию отчаянных выпадов, целясь Эйнару то в горло, то в живот, затем несколько раз ударил боковыми ударами сверху, но и эти удары натолкнулись на выверенную до мелочей оборону противника. Потеряв осторожность, Салтис, рыча, словно дикий зверь, ринулся вперёд, рубя мечом направо и налево, но Эйнар ловко увёртывался, и раз за разом отбивал удары. Наконец, Салтис, нанёс очередной непродуманный, мощный удар, промахнулся, и его меч врубился в стоявший посредине зала деревянный столб. Эйнар же, не щадя противника, сделал выпад, и отточенный клинок, как в масло, вошёл в бок, и проткнув тело насквозь, вышел возле левой лопатки. Салтис вздрогнул, жалобно простонал и рухнул на пол.

– Э, ты как там, живой? – тихо спросил остолебеневший Эллирий.

– Скорее мёртв, – ответил Эйнар. Руки его немного дрожали, и он то и дело бросал взгляд на тяжёлые капли крови, стекавшие с лезвия на каменный пол.

Командир полка издал громкий стон отчаяния, и, зажмурив глаза, с размаху грохнул зажатый в руке глиняный стакан о пол. Бирнезию в этот миг показалось, что сейчас вся застывшая в удивлении толпа очнётся от ступора и бросится на них. Но этого не произошло. Рыжий повернулся к братии и заорал, срывая голос:

– Что расселись?! Давайте, поднимайтесь, заверните эту тушу во что-нибудь и бегом на задний двор! И вымойте здесь всё!

Несколько человек подхватили Салтиса за плечи и ноги и вытащили из зала. Ещё двое схватили где-то в углу швабру, ведро с водой и принялись оттирать следы крови с пола.

– Кто ты такой? – Эллирий вплотную подошёл к Эйнару. – Как звать тебя, и где ты научился так драться?

– Меня научил Сокс, может слышал? Он сотником был. А зовут меня Эйнар.

– Сокс? Слышал о таком, говорят, равных ему не было во всей округе. Давно только было это. Где он сейчас? Наверно, внуков нянчит?

– Сокс погиб сегодня утром.

– Погиб?! Такой боец?

– Стар он стал, да и окружили его со всех сторон, – ответил за Эйнара Бирнезий. – Я видел, но помочь уже не мог. Сам еле ноги унёс.

– А ты кто?

– Бирнезий.

– Эйнар, Бирнезий... Вот ведь, свалились вы на мою голову, – в этот момент на лице Эллирия отобразилась целая гамма совершенно противоречивых чувств. – Добро пожаловать в наш полк. Забудьте этого дурака Салтиса и живо за стол. Каллист, давай тоже сюда.

Пирушка продолжалась, как ни в чём не бывало. Тело Салтиса исчезло в выгребной яме на заднем дворе, а более ничего не мешало хорошему отдыху. Принесли ещё вина и еды, снова

завязался живой разговор о предстоящей войне, о том, как они – конечно же все великие воины, герои – едва ли не в одиночку разгромят талланцев и с победой вернуться домой. Эйнар старался пить немного, но ему всё подливали и подливали, так что, в конце концов, он упал лицом на стол.

Наступило холодное утро. Сквозь открытые окна в зал таверны врвался свежий ветерок, быстро согнавший хмель с больных голов. Один за другим просыпались спящие вповалку люди. Первым проснулся Эйнар. Морщась от пренеприятной головной боли, он растолкал Бирнезия. Тот, недолго думая, первым делом приложился к кувшину с остатками вина. Вскоре проснулся Эллирий, который сразу же разбудил храпевшего на всю округу Каллиста.

– А ну, вставай, давай – давай, просыпайся. Ишь, мелочь такая, а храпит, словно медведь. Отведи-ка новеньких в лагерь, да поживее. И объяви, что я назначил Эйнара десятником вместо Нордиза, а тот пусть занимает место Салтиса.

Каллист пробормотал что-то непонятное, повернулся на другой бок и попытался уснуть вновь, но Эллирий взял попавшийся под руку кувшин и вылил его содержимое на голову Каллиста. Тот заворочался, открыл глаза и, яростно ругаясь, встал на плохо слушающиеся ноги. Эллирий повторил свой приказ, Каллист кивнул в ответ головой и, ругнувшись ещё раз – уже совсем беззлобно, вышел на улицу. Эйнар и Бирнезий последовали за ним.

Каллист повёл их проулками, где приходилось внимательно смотреть под ноги, чтобы не угодить либо в лужу, либо в кучу мусора. Эйнар попытался определить направление, чтобы в случае чего, можно было найти дорогу назад, но провожатый так петлял, что из этого ничего не получилось. Булыжная мостовая под ногами, в конце концов, оборвалась, уступив место грязному месиву из песка и глины. Они оказались рядом с крепостной стеной на довольно обширном пустыре, где и располагались палатки полка. Все ещё спали, лишь несколько часовых прохаживались по очищенной от мусора площадке, заменявшей плац. Завидев Каллиста, они даже не попытались остановить пришедших и не стали задавать вопросов. Проорав друг другу что-то похожее на «доброе утро», каждый направился своей дорогой. Все трое бесцеремонно зашли в одну из палаток, Каллист разбудил спящего сладким сном десятника и гаркнул, не дав тому опомниться от сна:

– Вставай, тебя сотником назначили. А вместо тебя вот этот будет, – он ткнул пальцем в Эйнара.

Нордиз, почувствовав исходящий от Каллиста запах, собрался было вытолкать его из палатки взашей, но, заметив ещё двоих, всё же спросил:

– Серьёзно, что ли? А вместо кого сотником?

– Да вместо Салтиса. Кстати, это Эйнар, а это Бирнезий.

Нордиз оглядел обоих с ног до головы, усмехнулся.

– А Салтис то куда делся? Ни за что не поверю, что этого дурака повысили до пятисотника. Допился до белой горячки, что ли?

– Ну, до белой или не до белой, – начал темнить Каллист, – может до какой—другой. Но больше ты его, друг мой Нордиз, не увидишь. Лежит он, бедный, среди всякого дерьма и более ни в чём другом не нуждается. Разве что помянуть его надо.

– Это как это так? – удивился Нордиз. – Сам помер или помог кто-то?

– Ну, в общем то, мир не без добрых людей.

– Уж не новый ли десятник этот добрый человек?

– Догадлив ты. Только помалкивай, мало ли кто услышит, а то друзей у Салтиса и брата его хватало, зачем парню неприятности.

Нордиз кивнул головой и ещё раз внимательно посмотрел на Эйнара, мысленно сравнив его шуплую фигуру с гигантом Салтисом.

– Он ведь был очень неплохим фехтовальщиком, да и силач немалый. И ты его победил?!
Хм, вот ведь дела. Ну, ладно, довольно об этом, располагайтесь у меня – места хватит. Добро пожаловать в полк.

5

– Вторая стадия всё ещё, а пора бы уже и четвёртой наступить. А быстрого сна так совсем не дождёмся, – проговорила Анна с заметными нотками разочарования в голосе.

– Совсем не обязательно, вполне возможны отклонения от нормы. А в нашем случае может быть всё, что угодно. Если только наш друг не наврал, – отозвался Сартаков-старший.

– Он говорил, что эти сны снятся постоянно, но это совсем не обязательно. Пациенты любят преувеличивать, – тут же высказался Русаков, стараясь немного поддержать разом поскучившего Стрижевского.

Иван Сергеевич посмотрел на монитор, покрутил пальцами карандаш в задумчивости и, бросив его на стол, проговорил нехотя, выдавливая из себя каждое слово:

– Едва ли он согласился бы на обследование без реальной проблемы. Любой человек в здравом уме должен понимать, что его ложь тот час будет раскрыта. А я считаю, что наш пациент хоть и с проблемами, но в уме здравом. Во всяком случае на первый взгляд. Ладно, разбудим его, сидеть так дальше нет ни смысла, ни времени. Попробуем ночью, может именно ночь покажет то, что мы хотим увидеть.

Александра разбудили. Отчаянно зевая, он потянулся и сел, протирая руками глаза. Анна принесла чашку кофе и поставила её на прикроватную тумбочку.

– Спасибо, – проговорил тот хриплым после сна голосом и сделал хороший глоток бодрящего напитка.

– Что-то приснилось? – вкрадчивым голосом спросил Стрижевский.

– Как всегда продолжение. Если в двух словах...

– Не стоит. Мы ничего особенного не увидели. Вы точно не пытаетесь нас разыграть?

– Я говорю правду.

– Хорошо. Допустим, это правда.

– Вот спасибо, – буркнул Александр и отпил ещё кофе. Поставив чашку обратно на тумбочку, он отправился переодеваться за ширму.

– Вы, только не расстраивайтесь, молодой человек. Приходите вечером, мы снимем показания ночного сна.

– Хорошо, – переодевшийся Давыдов вышел из-за ширмы, попрощался с командой Стрижевского и покинул комнату.

Ярко светило солнце. Было довольно тепло, и даже предвещавший осень прохладный северо-западный ветер пока не мог охладить воздух. Александр подъехал к набережной и, оставив машину на стоянке у кафе, отправился прогуляться. Он часто бывал здесь и любил такие прогулки, особенно когда свежий ветерок с реки сдувал прочь запах выхлопных газов. В будние дни на набережной немногочисленно, можно было встретить лишь женщин с колясками, да пенсионеров, выгуливающих собачонок. Никто не мешал спокойно посидеть и подумать.

Александр присел на одну из многочисленных скамеек, вытянул ноги, откинулся на спинку. Перед ним медленно несла свои воды река, по реке неторопливо плыл белый круизный теплоход. Пара чаек лениво парила над кромкой воды в поисках неосторожной рыбешки. В этот момент словно что-то переключилось, все чувства исчезли. Он не слышал плача ребёнка неподалёку, не чувствовал аппетитных запахов, доносившихся из близлежащего ресторанчика, кожа не чувствовала дуновения ветра. Кровь гулким ударом вдруг стукнула в висках, и чей-то глуховатый голос раздался не только в ушах, но и в самом сознании: «Тебя ждут. Всё уже подготовлено, тебе нужно лишь набраться смелости. Тебя ждёт разгадка твоих снов. Иди же, иди».

Саша, вздрогнув, пришёл в себя, огляделся – вокруг никого не было.

«Что за чертовщина. Сначала сны, теперь и голоса мерещатся.»

Оглянулся ещё раз – по-прежнему никого, лишь вдоль противоположной стороны аллеи пробежала трусцой пожилая пара. Хорошо зевнув – он пока так и не отошёл от дневного сна – он поднялся со своего места, прошёлся немного в сторону моста и пересел на другую скамейку. «Иди», – снова раздался тот же голос.

Александр резко обернулся, да так, что заболела ключица – никого, вокруг ни души. Посмотрел даже на окна домов далеко позади, вдруг оттуда доносятся чьи-то слова, может и не ему адресованные. Но и там ничего подозрительного не заметил.

«Кажется, я начинаю сходиться с ума», – прошептал он и от этого ему стало по-настоящему страшно.

Давыдов поспешил к машине. Стоило вернуться домой, пока совсем не поехала крыша. Правда спокойное вождение по полупустым из-за отпусков улицам успокоило его, все беспокойные мысли куда-то исчезли, и к концу пути настроение стало под стать погоде, такое же хорошее и солнечное.

Александр жил в просторной, светлой квартире-студии на втором этаже небольшого трёхэтажного дома. Два года назад этот дом постройки более чем полувековой давности реконструировали, оставив от старого лишь добротные стены. Теперь здесь, в двух шагах от городского парка, со своей стоянкой и консьержем, жили уважаемые работники сферы финансовых услуг. Квартира с большими окнами, выходящими прямо на липовую аллею, досталась Давыдову по счастливой случайности, когда его бывший босс продал её практически за бесценок, решив вдруг перебраться жить на тропические острова.

Александр поздоровался с дежурившим в вестибюле консьержем – женщиной средних лет из соседнего дома, бывшей учительницей. Она приветливо улыбнулась ему и, посетовав на чрезмерно бледный цвет его лица, добавила:

– Сашенька, дорогой, ты себя совсем не жалеешь. Сколько уже откладываешь отпуск?

– Э-э, да всё никак, работа не отпускает. Эльвира Петровна, меня никто не искал?

– Нет, никого не было.

Александр пожелал ей спокойного дня и поднялся к себе. Открыв дверь, он вошёл в прихожую, заученным движением, не глядя, нажал клавишу выключателя. Яркий свет почему-то больно резанул глаза, заставив прикрыть их ладонью, чтобы привыкнуть. Сняв куртку и ботинки, он прошёл в комнату. Под руку попался купленный вчера автомобильный журнал, Саша взял его с журнального столика и, листая страницы, подошёл к гардеробной переодеться в домашнее. Внимание его вдруг привлёк лежавший на кровати свёрток. Александр удивлённо посмотрел на нечто объёмное, тщательно завернутое в обычную мешковину и перевязанное верёвкой. Никого же не было!

Он осторожно дотронулся до лежавшего на кровати предмета. Даже если кто-нибудь приходил, Эльвира Петровна не пустила бы незнакомого человека сюда, да и посылку оставила у себя. Залезть через окно никто не мог. Хотя, может, кто-то решил устроить сюрприз, и его хорошо знала Эльвира, раз посылка оказалась в его квартире.

Александр сходил за ножом, разрезал верёвку и развернул свёрток. Пожалуй, он ожидал увидеть там что угодно, но только не это. Внутри, аккуратно упакованными, лежали сапоги из толстой рыжеватой кожи, причём сделанные так топорно, что их постеснялся бы одеть и лесник-отшельник. Затем в руки попали коричневого цвета шерстяные штаны с широким кожаным поясом и сероватая рубашка, видимо льняная, под которыми лежали – у Саши от изумления открылся рот и перехватило дыхание – потёртые ножны с мечом, длиной с руку, но довольно широким, напминавшим римскую спату и увесистый медальон на цепочке.

– Ну и чьи это шутки, – Александр усмехнулся. – Не Стрижевский же решил поиздеваться надо мной.

Пожав плечами, он начал переодеваться в эту одежду – любопытство взяло вверх над безразличностью – хотя, надо признать, она была совершенно чистой. Как ни странно, всё при-

шлось впору, словно подкинувший это человек хорошо знал его, а таких было лишь трое – родители, да бывшая, которую он не видел уже полгода. Даже эти нелепые сапоги оказались на редкость удобными.

Прикрепив к поясу ножны с мечом, Александр подошёл к зеркалу. Неплохо. Наряд определённо был ему к лицу. Он уже подумал, что кто-то из знакомых решил затеять оригинальную вечеринку, но зачем тогда золотой медальон? Жёлтый кругляш лёг в ладонь и приятно отяготил её – определённо золото. Вот уж это очень странно. Саша внимательно рассмотрел его. На немного неправильной формы диске виднелись полуистёртые буквы неизвестного языка, напоминавшие арабскую вязь. Понять, что там написано, не представлялось возможным без посторонней помощи, и он подумал, не показать ли эту безделушку знакомому дипломату, вдоль и поперёк исколесившему Ближний восток. Вдруг показалось, что медальон недостаточно блестит, не так, как положено золотому. Держа его на ладони левой руки, Александр прикоснулся к нему пальцами правой, а затем и всей ладонью.

Яркая вспышка расплелась в глазах ослепительным белым цветком. Сознание помутилось, словно от наркотического дурмана, всё тело обволокла непонятная слабость, и возникло такое чувство, словно кто-то тянет за ноги вниз. Всё прекратилось так же внезапно, как и началось. Но перед глазами уже был не знакомый интерьер квартиры, а заросли орешника. Большие светло-зелёные листья касались щеки, на лоб, тонко пропев, сел комар. Запах цветов, хвои, листьев, чистый пьянящий воздух разом вскружили голову, помогая преодолеть испуг. Перед глазами всё ещё мелькали радужные круги, но он видел, что за кустами, всего в шагах двадцати от него находится дорога, по которой марширует колонна вооруженных мужчин.

Александр всё понял сразу – сон и явь слились воедино. Теперь он здесь, но почему? Для чего? Он подошёл ближе, вылез из кустов – к нему тот час направился ехавший отдельно от всех всадник – рыжеволосый здоровяк с довольной улыбкой на лице. А в толпе внезапно мелькнуло до боли знакомое лицо, лицо, которое он всегда видел, склоняясь во сне над водой. Их глаза встретились, и Саше показалось, что тот тоже узнал его.

– Эй, земляк, ты как тут очутился? – окликнул его всадник.

6

Встретили Эйнара в полку не то, чтобы плохо, но и без особого восторга. Неизвестно откуда взявшийся деревенский парень – и сразу десятник. Ни дать ни взять, родственник самого Эллирия объявился. Такое звание, да что там десятник, сотник тоже, среди добровольцев равным счётом ничего не значило. Не сегодня-завтра кончится война, и этот выскочка опять займёт своё место, станет тем, кем был. Но всё равно обидно, завидно. Так что пришлось Эйнару и Бирнезию целый день слушать недовольное шушуканье.

Правда, ближе к вечеру, по лагерю прошёл слухок, что неспроста куда-то запропастился Салтис, и причина его отсутствия – новый десятник. А после того, как в лагере ещё раз побывал Каллист, пожалуй, только глухой не знал во всех красках о поединке между Эйнаром и Салтисом. Как ни странно, это пошло на руку молодому десятнику. Сильного телом, но не умом сотника здесь никто не любил. Терпели, боялись, подчинялись ему, но друзей здесь у него не было. Во всяком случае, никто Эйнару в глаза не сказал – ты убил моего друга, и я хочу отомстить.

Этот день прошёл довольно уныло. Занимались тем, что готовили выданные из арсенала доспехи и оружие. Всё было грязным, порой даже ржавым, но выбирать не приходилось – даже такой хлам мог спасти жизнь. Затем привезли щиты и копья – на этот раз свежесделанные, но и тут тоже беда – пришлось шкурить каждое древко, чтобы потом, в бою не насажать себе в руки заноз. Щиты оставляли желать лучшего. Сделанные наспех, да из сырой древесины, они норовили развалиться на части, что и произошло с парой десятков. До вечера солдаты приводили всё в порядок и грузили на подводы. А перед закатом, когда измученные люди собрались спать, Эллирий, успевший опрокинуть стаканчик-другой вина, выступил перед всеми с краткой речью:

– Завтра в полдень мы выходим, и, возможно вечером, мы вступим с противником в бой. Так что прекращайте все свои ссоры и перебранки, сами уже знаете, что из этого получается. Ну, ладно, давайте спать все живо. И чтобы ни единого звука, не приведи боги, если снова на вас местные пожалуются. Шкуру спущу.

Эйнар и Бирнезий едва дошли до своей палатки. Оба, не раздеваясь, рухнули на жёсткие лежанки и мгновенно уснули, даже не перемолвившись словом. А на следующее утро Бирнезий еле растолкал товарища уже перед самым началом построения. Тот с трудом поднялся и, совсем ещё сонный, выбрался на улицу. Полк уже почти построился, и их, немилосердно подгоняя тычками в спину, поставили в строй. Прибежало ещё несколько опоздавших. Теперь все были в сборе. Появился Эллирий в сопровождении пятисотников. Оглядел внимательно строй, прошёлся перед ним, помахивая ивовым прутиком, и гаркнул так, что стая ворон взвилась в небо:

– И что как долго?! Сколько вас ждать можно, или мало вас гоняли?! Напра-во! Марш!

Полторы тысячи человек разом повернулись, правда, некоторые совсем в противоположную сторону. Эллирий поморщился, хотел сказать этим олухам пару ласковых, но махнул рукой. Этот сброд не перевоспитать. Едва ли среди них наберётся два десятка действительно способных держать в руках оружие. А остальные так, пришли поиграть в героев, либо сбежали от надоевших жен. И ведь каждый надеялся вернуться домой с десятком-другим монет, обещанных казной за службу.

Полк, на удивление дружно, зашагал вперёд, громко топая сапогами по доскам, которыми была застелена проходившая через пустырь улица. Следом, скрипя плохо смазанными осями, двинулись подводы, заполненные оружием и припасами. Грохочущие железом повозки разбудили окрестные дома, и из-за открывавшихся ставен вслед колонне понеслась отборная ругань.

– А ну, пасть закрыли все! – заорал Эллирий. – Парни кровь проливать идут, а вы их хааете?!

– А без грохота нельзя идти кровь проливать? – нагло спросил кто-то.

Командир забористо выругался в ответ, прихватил из попавшейся под руку пленницы деревяшку и запустил её туда, откуда донеслись эти слова. Ставни вовремя закрылись, и полено ударило по ним, оставив на гладко отструганных досках вмятину.

Вскоре, дерево под ногами сменилось камнем, дома вокруг стали добротнее, выше, да и горожане здесь уже не позволяли себе ругани, а лишь укоризненно смотрели вслед нарушавшей покой толпе. Отряд миновал городские улицы и, пройдя через ворота, те самые, через которые Эйнар и Бирнезий зашли в город, вышел на ограниченное рекой и крепостными стенами, поросшее редкой пыльной травкой поле.

Сбор войска назначили, как всегда, здесь, но кроме полка добровольцев на плацу были лишь несколько человек, как сказал Эллирий, «дворцовых лизоблюдов». Их послали сюда следить за порядком, и они заставили командира расположить своих людей подальше от проходившей в сторону моста дороги.

– Ну да, – проворчал он. – Добровольцев, как всегда, на задворки загоняют. Ладно, сидите, стойте, кому как удобнее. Хотите – ешьте, хотите – пейте, только, чур, не до пьяна. Ждать долго придётся.

Прождали часа три, пока полки его величества не заняли на плацу свои места. Эллирий с завистью смотрел на чётко маршировавших солдат, на добротные, хорошо смазанные повозки, нагруженные аккуратно сложенной справой, сравнивая их со своими доходягами и вздыхал, не забывая вставлять в промежутках между вздохами крепкое словцо. Наконец, все в сборе. Последними из ворот выехала группа из пяти десятков всадников со знамёнами – полководец со своей свитой. Они быстро проскакали вдоль рядов, проверяя готовность и, не заметив ничего предосудительного, отдали приказ выступать. Пятнадцатитысячная армия зашевелилась, вытягиваясь на дороге в узкую ленту колонны, и двинулась вперёд, провожаемая толпой зевак.

Они шли уже около часа по южному тракту, ведущему сквозь хорошо знакомые Эйнару леса. Дорога была однообразной и скучной, люди шли вперёд, перебрасываясь друг с другом редкими фразами. Эллирий разъезжал рядом на коне, то и дело взбадривая уставших крепким словцом. Внезапно он заметил кого-то, отъехал в сторону, что-то крикнул – Эйнар не разобрал. Однако он пробился к краю колонны – странное желание подначивало его взглянуть, в чём же там дело. На обочине, рядом с возвышающимся на коне Эллирием, стоял человек, совсем ни чем не примечательный, но какой-то до боли знакомый. Как показалось Эйнару, он его уже где-то видел, правда, никак не мог вспомнить, где именно. Они о чём-то говорили, затем Эллирий повернулся – его взгляд встретился с взглядом десятника.

– Эй, бери себе новенького.

Незнакомец пробился сквозь строй и очутился рядом с Эйнаром.

– Звать то как? – спросил тот.

– Александр, можно Саша.

– Странное имя какое-то, не обижайся только, первый раз встречаю такое. А меня Эйнаром зовут.

Он замолчал, затем спросил, наверно, чтобы разрядить неловкое молчание:

– Ты первый раз на войну идёшь?

– На войну? – переспросил новенький, и Эйнар увидел, как побледнело и вытянулось его лицо.

– Ну, а куда же ещё.

Война?! Александр сразу понял, куда направляются эти люди, и слова застряли у него в горле. Хватило сил лишь слегка кивнуть головой. Никакого желания воевать не было. Одно дело надеть на себя меч, покрасоваться перед зеркалом, но сражаться... В памяти сразу всплыли батальные сцены из фильмов, и ему стало не по себе. Всё, хватит приключений. Он

понял, что это за сны и больше не желает быть участником этих событий. Незаметно для окружающих Александр достал медальон, но, странное дело, из золотого он стал серо-стальным. И сколько руки не сжимали его, ничего не получалось. Саша едва сдержал стон отчаяния, затравленно огляделся по сторонам.

– Да не дрейфь ты, – хлопнул ему по плечу сосед.

– Ничего, нормально всё, – ответил он, и только сейчас заметил, что говорит на совершенно другом языке, причём, ему не приходится переводить фразы, всё получается само собой. – И долго нам идти?

– А кто его знает? Сегодня-завтра сражение. Да ты не думай, нас в пекло не бросят. Если только с фланга ударим, или, скорее всего, обоз охранять будем. А если дело худо повернётся, главное – не геройствуй, бросай оружие да в лес беги.

Александр молча кивнул. Легко сказать – не думай. А если жить ему осталось несколько часов? Но время шло, а войско продолжало свой путь. Лишь раз остановились совсем на чуть-чуть, чтобы немного перекусить и справить нужду. В руки Александра сунули ломоть пахучего ржаного хлеба, кусок вяленого мяса и флягу с водой.

– Ногами шевели, – пробурчал стоявший за его спиной солдат, и Саша отошёл от повозки, впившись зубами в удивительно вкусный, ещё свежий хлеб..

И снова в путь. Люди шли и шли, казалось, они будут идти до тех пор, пока путь им не преградит гора или море. Прошёл ещё час, может полтора, как показалось Александру. Он вдруг почувствовал – что-то произошло. Вдоль колонны проскакало несколько всадников, и солдаты всполошились, зашептались. Началось – пронеслась в голове мысль, и сердце ёкнуло в груди.

– Говорят, но Ороге они ждут нас, – послышался рядом шёпот.

Один из всадников остановился рядом с Эллирием и, сказав ему что-то, поскакал дальше.

– Быстрооо! Все к обозу! – надрывал глотку командир. – Разобрать доспехи! Копья в руки, щиты в руки и строиться!

Суета поднялась неимоверная. Наверно, на базаре не бывает такой, когда стража ловит шайку карманников. Все стремились первыми пробраться к повозкам, чтобы выбрать снаряжение получше. Толкая соседей, Саша устремился следом за Эйнармом.

– Вы что, белены объелись! – орал Эллирий, с трудом удерживая испугавшегося суматохи коня. – Куда рвётесь, в очередь встать быстро! Позор на всё войско!

Но никто не обращал на командира внимания. Сотни рук тянулись к повозкам с криками: «Давай мне! Давай сюда!». Перепуганные возницы не глядя бросали в толпу то кольчугу, то шлем. В конце концов, люди сами начали растаскивать из повозок оружие. Эйнару повезло, повезло и Бирнезию с Александром. Их не затоптали в этой свалке, да и оружие с доспехами досталось всем троим ладное. Эйнар, правда, хотел прихватить в обозе меч, но ему перепал лишь кинжал, но вполне внушительных размеров. Порядок, в конце концов, восстановили. Люди построились и замерли в ожидании команды.

Колонна разбилась по полкам, одни пошли по дороге дальше, другим пришлось продираться через лес, и спустя полчаса войско вышло на широкую, утопающую в зелени трав, долину реки. Там, впереди серебристой змеей несла свои воды Орога, но путь к ней был преграждён шеренгами войска противника. Едва первые ряды элаириов вышли на прибрежный луг, со стороны врага донёсся глухой рёв – тысячи голосов слились воедино, может они слали проклятия, а может даже приветствовали – никто разобрать не мог. Мечи ударили по щитам, добавляя ко всему жуткий грохот. Элаиры ответили пением боевого гимна, призывающего крушить врага; синими и алыми птицами взвились боевые знамёна, и полки двинулись вперёд. Позади, где находился полководец, вверх поднимались вымпелы, и в ответ на это середина войска ускорила шаг и, оторвавшись на добрую сотню шагов от флангов, ударила во врага. Резкий грохот ударов щитов о щиты заглушил остальные звуки, следом по полю битвы разнёсся

звон мечей, треск копий, а затем и крики. То тут, то там раздавались победные возгласы, им вторили истошные вопли раненых и хрипы умирающих. Казалось, всеми овладело неудержимое безумие.

Полк добровольцев оказался в стороне от битвы, во второй линии левого фланга. Вся первая линия уже вступила в бой, на подходе была и вторая линия правого фланга и даже остававшаяся в резерве конница, а они продолжали стоять, оставаясь безучастными свидетелями этой резни. Внезапно по ним хлестнули выпущенные откуда-то с тыла талланцев стрелы. Несколько человек застонало от боли, несколько, в том числе сосед Александра по шеренге, упали замертво. Саша вздрогнул от неожиданности и повернулся – человек был уже мёртв, стрела попала в незащищённое горло. Мёртвые глаза, не мигая, смотрели в небо, из уголка рта медленно сочилась кровь.

– А-а! – он отшатнулся в сторону, едва не сбив Эйнара с ног.

На него тут же зашикали, толкнули – Саша наступил на руку мертвеца, неловко подпрыгнул, едва не упав.

– Что с тобой, успокойся, – донёсся до него сквозь шум сражения голос десятника. – Скоро пройдёт... Хм, да ты бледен, как поганка.

Александр ничего не ответил, он лишь тяжело дышал, стараясь справиться с подступившей к горлу тошнотой. Тем временем позади поднялось ещё несколько вымпелов.

– Полк! – раздался зычный голос Эллирия, перекрывший даже шум боя. – Щиты сомкнуть! Вперёд!

В ответ раздался рёв, подобный звериному, и полторы тысячи бойцов ринулись в круговорот схватки. Полк ударил в никак не поддающийся левый фланг талланцев, стараясь смять его и прорваться к переброшенному через реку мосту.

Нестройные шеренги добровольцев ударили как надо. До сих пор стоявшие непоколебимо ряды врага отшатнулись в сторону от остро отточенных копейных наконечников, попятись, не забывая, всё-таки, отмахиваться мечами, ловко перерубая попадавшие на пути древки.

– Копьё дай! – услышал Александр, и в тот же миг стоявший впереди него человек выхватил из рук копьё взамен своего перерубленного.

– Очнись! Щит выше! – гаркнул на ухо Бирнезий и легонько стукнул кулаком по шлему.

Саша вздрогнул и быстро прижал щит к груди. В тот же миг стоявший перед ним солдат с криком бросился назад, зажимая рукой выбитый глаз. Налетев на Александра, он упал на колени и быстро пополз на четвереньках прочь. Застывший в ужасе, Саша проводил раненого немигающим взглядом. Но раздавшийся мгновение спустя предостерегающий оклик вывел его из оцепенения, он повернулся вперёд и увидел перед собой перекошенное в ярости, забрызганное кровью лицо врага. Рука сама подняла щит, отбив удар меча сверху. Между тем правая рука лихорадочно пыталась вытащить из ножен меч. И вдруг враг исчез, а вместо него перед глазами появилась широкая спина Бирнезия. Через мгновение тот повернулся, держа у щита залитый кровью до эфеса клинок.

– Бери свой меч, или тебе конец!

Рука, наконец, вырвала оружие из ножен. Справа возникла пустота, в которую шагнул здоровый как медведь, высокий талланец с всклокоченной, окровавленной бородой. Он махнул своим топориком – Александр пригнулся, подняв над головой щит. Лезвие секиры ковырнуло толстую бычью кожу, развернулось обухом вперёд, едва не вырвав рукоять из руки. Этого мгновения хватило, чтобы сделать полшага в сторону, к незащищенному щитом боку противника и... Рука сама завершила начатое. Пока сознание противилось, кричало – «Нельзя убивать!», она послала остриё под рёбра врага. Меч со скрежетом пробил пластину из тонкой бронзы и вошёл в тело. Струйка крови потекла по лезвию, и Александр, вздрогнув, вырвал клинок из раны, провожая взглядом падающего под его ноги врага. В душе смешались страх

и отвращение, ненависть к себе и крик оправдания: «Я защищался! Если не я, то он бы убил меня!» Но вокруг продолжался бой, взгляд видел искажённые лица, брызги крови над орущей толпой. В тот же миг возникло желание броситься на них и порубить на куски, чтобы все они замолчали. Кровь гулкими ударами застучала в висках. Он крепче сжал меч. Шаг вперёд. Молниеносный удар. Лезвие входит в горло противника, словно горячий нож в масло. Странное чувство, уже не страх и отвращение, а удовольствие. Его рука забрала жизнь врага. Он победил. Жажда крови перевернула душу до основания, помутив на мгновение рассудок. А когда наваждение прошло, когда рассеялся перед глазами туман, Александр бросился вперёд, неся на острие своего клинка боль и смерть.

Сжатый со всех сторон, враг сопротивлялся недолго. Паника пронеслась по его рядам, и талланцы, потеряв надежду на победу, ринулись бежать. Одни бежали без оглядки, побросав своё оружие, другие старались отступить по всем законам военного искусства. Полк Эллирия очутился около единственного на всю округу небольшого моста, куда и пытались прорваться большинство из отступающих. Ещё бы мгновение, и всех бы до единого, втоптали в этот несчастный мост, но со всех сторон ударили несколько полков, и враг рассеялся на небольшие группы. Некоторым удалось всё же прорваться на мост, и полк добровольцев ринулся было в погоню, но с полсотни смельчаков развернулись к ним навстречу и приготовились умереть, но прикрыть отход своих товарищей.

– Стойте! Расступитесь! – раздался из рядов талланцев сильный голос.

Вперёд вышел закованный в воронёный панцирь гигант, сжимавший в руке тяжёлый, широкий меч.

– Все мы храбрые воины, но не наша вина, что мы сошлись друг с другом на этом поле. Довольно крови. Пусть любой из вас сразится со мной, и если победа будет на его стороне, мои солдаты сложат оружие, если выиграю я, мы уйдём. Вы согласны?! Подумайте, иначе здесь ляжет не одна сотня ваших солдат, я это обещаю.

– Ну уж загнул, – послышался насмешливый голос, и Александр с удивлением узнал голос Эйнара. – Посмотри лучше, как твои дружки драпают.

– Я вижу, смельчак нашёлся, – спокойно ответил талланец. – Так выходи, покажи какой ты храбрый воин.

Среди солдат раздалась смешки, кто-то буркнул, де острослов в штаны наложил уже от страха. Но Эйнар вышел. Не спеша, подошёл к талланцу, положив на плечо добытый в бою меч. Тот удивлённо посмотрел на противника.

– И ты думаешь справиться со мной? – спросил он. – Может, подумаешь хорошенько, прежде чем идти на верную смерть. Я ж тебя щелчком зашибу.

– Попади сначала.

– Как знаешь.

Противники поудобнее перехватили оружие и начали медленно подходить друг к другу, присматриваясь к каждому движению, примеряясь, ища слабинку. Талланец вдруг молниеносно преодолел оставшиеся пару шагов, размахнулся и, резко выдохнув, махнул мечом. Тяжёлое лезвие с шипением рассекло воздух и ударило в подставленный Эйнаром щит. Раздался треск, но щит выдержал, зато державший его человек невольно присел от мощного удара. Тут же на щит обрушился ещё один удар, и Эйнар упал на политые кровью доски, но быстро перекатился в сторону и, вскочив на ноги, нанёс ответный выпад. Его противник отвёл клинок в сторону, сделал шаг вперёд и ударил кромкой щита по руке. Эйнар удержал в руках меч, но споткнувшись о чьё-то бездыханное тело, упал под ноги врага. Талланец занёс меч для последнего удара.

Все вокруг замерли, Бирнезий же ринулся вперёд сквозь строй, хотя и был слишком далеко, чтобы успеть прикрыть друга. Но прежде чем меч начал своё роковое движение, Эйнар изо всех сил ударил противника ногой в пах. Тот согнулся, выронил оружие и упал рядом,

застонав от нестерпимой боли. Эйнар схватил его же клинок и с силой рубанул по спине так, что лезвие разлетелся на несколько осколков. От удара о броню застёжки на спине разорвались, и доспехи слетели с врага – остались лишь наплечники. Тот всё же поднялся, сжимая в руке длинный кинжал. Взревав, словно зверь, он бросился на врага, но Эйнар, подняв попавшийся под руку боевой топор, ловко увернулся и, с разворота, нанёс по спине противника последний, смертельный удар. Страшное оружие, дробя кости и хребет, вонзилось в тело гиганта. Брызнула кровь. Талланец замер, повернул к Эйнару искажённое от боли лицо, видимо что-то хотел сказать, но жизнь покинула его, и мёртвое тело упало навзничь. Тут же раздался звон оружия – оставшиеся талланцы, верные слову командира, сдались на милость победителя.

Эйнар повернулся и, устало улыбаясь, пошёл назад, сквозь строй своих товарищей. Ото всюду слышались поздравления, его хлопали по плечу, кто-то совершенно незнакомый бросился пожимать руку. Тут же рядом стоял Бирнезий и негромко выговаривал юноше за его безрассудство. Отведя душу, он крепко обнял Эйнара и подтолкнул навстречу пробиравшемуся через строй командиру. Эллирий, не говоря ни слова, заключил его в свои медвежьи объятия и расцеловал в обе щеки. Эйнар осторожно отстранился, покачал головой.

– Мне бы прилечь, поспать немного, – вздохнул он. – Устал я.

– Иди, отдыхай, что спрашиваешь! – воскликнул Эллирий. – Вон кустики вдоль берега, там хорошо и никто не помешает. Отдыхай, сколько хочешь, заслужил.

Войско праздновало победу. Рядом с полем боя, где пленные под присмотром стражников сносили тела погибших к погребальному костру, зажглись костры и для ждавших своего часа в обозе окороков и другой снеди. Из раскупоренных бочонков щедро разливали вино, и уже слышны были пьяные крики, здравницы за полководца и императора.

Александр, стараясь не привлекать к себе внимания, отошёл в лес, в густой малинник. Здесь уже стоял густой сумрак. Аромат малины сводил с ума, и Саша, не замечая колющих руки шипов и тонкого пения комаров, срывал с веток небольшие, поразительно сладкие ягоды и жадно ел их. И лишь только когда приторная сладость во рту начала вызывать отвращение, он достал из-за пазухи медальон. Тяжёлый, чуть меньше ладони, диск был жёлтым.

7

«Это не сон... Это не сон», – словно в бреду шептал Александр, пытаясь нащупать в сумраке комнаты диван.

Перед ослеплёнными вспышкой глазами плыли радужные круги, руки дрожали, но, наконец, он нащупал рукой мягкий подлокотник и упал на подушки, так и не сняв испачканных пылью и кровью доспехов. Сердце гулко билось в груди, отдаваясь болезненными толчками крови в висках. Саднило задетую вражьиим клинком руку. Эта несильная боль заставила придти в себя. Саша посмотрел на рану – сквозь распоротую рубаху был виден небольшой, кровото-чащий порез. Ещё немного – мелькнула мысль – и лезвие задело бы кость, а то и артерию, и тогда... Что тогда – не хотелось думать. В следующий раз кольчугу надо брать с длинными рукавами. В следующий раз?! Да никогда больше... И зачем послушал этого Бирнезия. Легче рубиться будет, рука меньше устанет. Да, ещё немного и остался бы без руки. Александр поморщился – эта мысль всё-таки пришла в голову. Он собрался с силами и поднялся на ноги. Надо снять с себя всё это, отчистить, залить йодом рану и... бросить в стирку чехол дивана.

В первом же кухонном ящике под руку попала упаковка протирочных салфеток с ароматом лимона. Выбирать не приходится. Пусть железо пахнет лимоном, а не этим дурманящим запахом крови. С чисткой Александр справился быстро, одежду и испачканный чехол бросил в стиральную машину. Уставшее тело просило отдыха, и он, даже не поужинав, тем более мысль о еде сразу вызывала приступ тошноты, лёг на кровать. Нужно отдохнуть не только мышцам, но и разуму. Но едва он закрыл глаза, снова в сознании начали мелькать сцены битвы. Непроизвольно, Александр начал считать тех, кого сразил его меч. Перед глазами неслись перекошенные от боли лица, в ушах снова стоял крик. Он досчитал до семи и сбился. А сколько их там всего было? Десяток? Два?

«Ловко убиваешь», – сказал ему после боя кто-то из тех, что стоял рядом.

Ночь проходила, а Александр по-прежнему лежал на спине, смотря в потолок широко раскрытыми глазами. Лишь под утро, когда отсветы зари окрасили небо над деревьями в парке, он забылся в тяжёлом, тревожном сне. Поспать получилось всего лишь часа три. Утром зазвонил телефон, и Саша проснулся, но так и не взял трубку, слушая, как аппарат выводит птичьи трели. Вставать всё равно не хотелось, и он пролежал до полудня. Телефон звонил ещё несколько раз, но Александр смотрел на него ненавидящим взглядом и продолжал лежать. Из этого оцепенения его вывела мысль о Стрижевском. Он же ему так и не позвонил. Наверняка, это доктор названивал всё утро, чтобы узнать, куда делся его подопытный. Сначала захотелось просто забыть его, сменить квартиру, но Александр решил, что это, по меньшей мере, неприлично, да и слишком хлопотно. Пусть Иван Сергеевич и его подручные засыпают его своими счетами, но он должен поехать к ним и всё рассказать.

Стрижевский смерил Александра недовольным взглядом. Внешний вид пациента оставлял желать лучшего. Одежда помята, под глазами синяки, у лица нездоровый оттенок, словно человек провёл бурную, бессонную ночь. Коллеги Ивана Сергеевича терпеливо молчали, предоставив право устроить разнос руководителю проекта.

– Что случилось, почему ты вчера не пришёл? – Стрижевский скрестил на груди руки и сделал шаг вперёд. – Ты чем ночью занимался? Вижу, что не скушал.

Александр проигнорировал внезапный переход на «ты», осторожно обошёл разгневанного доктора и присел на кровать. Стрижевский резко повернулся на каблуках, взял стул и, поставив его напротив спинкой вперёд, сел на него, продолжая сверлить пациента свирепым взглядом.

– У тебя неприятности? Если так, то не надо держать в себе. Для того и нужны такие врачи, как мы, чтобы помочь разобраться в любой жизненной ситуации. Так что бери себя в руки и поведай о своих проблемах. Нам не нужно, чтобы они мешали исследованиям.

Александр поднял взгляд, внимательно посмотрел в глаза врача и проговорил:

– Я был там.

– Где – там? – не понял Иван Сергеевич.

– В своих снах. Вот только случилось это не во сне, а наяву. Я видел всё своими глазами, я дышал тем воздухом и ходил по той земле. Это существует, живёт, так же как и мы...

– Стоп, стоп. Ты точно в порядке?

– Я в полном порядке. И могу ещё раз повторить всё сказанное мной. Можете мне не верить, но это так.

– Можешь повторять, можешь не повторять, но ты, друг мой, совсем не в порядке. Разреши осмотреть тебя, – Стрижевский осторожно приблизился, коснулся подбородка Александра, чтобы приподнять лицо и увидеть глаза. – Надеюсь, это не наркотики?

– Какие к чёрту наркотики! – Саша резко отбросил руку доктора. – Думайте, я сумасшедший или наркоман?!

– Тихо, успокойся, – Иван Сергеевич сделал едва заметный знак рукой, и Анна шагнула в сторону кейса с лекарствами. – Я понимаю, эти сны доведут любого. И ты правильно сделал, что обратился ко мне, ведь именно я смогу тебе помочь.

– Это не сны! – закричал пациент так, что все вздрогнули. – Это реальность. Вот, что случилось со мной, поглядите, – он рванул на себе рубашку, оторвал потемневший от просочившейся крови пластырь и протянул вперёд руку, на которой около локтевого сустава была небольшая резаная рана, ещё свежая, слегка воспалившаяся.

– Просто обычный порез, такое случается в быту, – задумчиво проговорил Русаков сидя в кресле.

– Порез?! Думаете, я недостаточно аккуратно брился? Или, всё-таки, отвёл рукой меч, чтобы бы мне не проткнули шею?!

– Ты не обижайся, но первое более вероятно. И мне кажется, тебе нужно присесть, расслабиться, отдохнуть. Спокойно расскажешь нам обо всём, а мы поможем тебе разобраться, что реально, а что нет.

Почему-то эти слова стали последней каплей и вывели Александра из себя. Разразившись бранью, он бросился на доктора, но у коллег Стрижевского реакция была отменна, да и опыт работы с психически неуравновешенными людьми присутствовал. Его тут же схватили, повалили на кровать и прижали так, что не пошевелить было ни рукой, ни ногой. Он, конечно, сделал отчаянную попытку вырваться, но вдруг ощутил весьма болезненный укол в левой ягодице. Анна заранее успела приготовить шприц с коктейлем из успокоительного и снотворного, а теперь безжалостно вколола ему эту смесь. Саша, всё-таки, сделал ещё одну попытку вырваться, но лекарство уже подействовало, тело бессильно обмякло и он быстро уснул.

– Совсем парень спятил, – устало проговорил Сартаков-старший, вытирая платком со лба пот.

Стрижевский разочарованно махнул рукой и вышел из комнаты.

Александр просыпался. Глаза не открылись, тяжесть век никак не проходила, но разум уже не спал. Первой в голову пришла мысль о том, что не было снов. Он не мог забыть их, всегда запоминал каждый с точностью до мелочей. А в этот раз их попросту не было, чего не случалось уже много лет. Затем пришла другая мысль – где я. Последнее, что Саша помнил, это скрутивших его врачей и боль от неожиданного укола. Он попробовал открыть глаза, в душе боясь, что увидит сейчас больничную палату одной из психиатрических больниц города,

но нет. Его вырубили, раздели до нижнего белья и положили на всё ту же кровать в бывшей комнате отдыха доктора Стрижевского.

Александр, наконец, открыл глаза и осторожно, стараясь не делать резких движений, посмотрел сначала направо, потом налево. Голова, всё-таки закружилась, и его едва не стошнило. В комнате он был совершенно один.

– Здесь кто-нибудь есть? – делать нечего, пришлось звать помощь, по крайней мере для того, чтобы найти штаны.

Послышались шаги, щёлкнул дверной замок, и Александр увидел склонившееся над ним лицо Леночки. Не говоря ни слова, она помогла ему сесть, облокотившись спиной на спинку и дала ему в руки стакан с водой, куда высыпала какой-то порошок.

– Что это? – шёпотом спросил Саша. Разговаривать в полный голос почему-то не получалось.

– Пейте, полегчает, не будете как овощ выглядеть.

Не долго думая, он залпом осушил стакан, сразу скривившись от горького вкуса лекарства. То ли оно, действительно, подействовало, то ли пробравшая горечь как следует взбодрила, но Давыдов почувствовал себя значительно бодрее.

– А где эти... Иван Сергеевич и другие?

– Скоро придут. Ваши вещи на вешалке, оденьтесь, сделайте себе кофе и подождите их. Иван Сергеевич просил. А это, чтобы скучно не было.

Леночка вручила ему книжку – детектив в мягкой обложке – и вышла в приёмную.

Стрижевский пришёл примерно через полчаса. Он долго стоял в дверях, внимательно наблюдая за сидевшем на кровати пациентом. На мгновение показалось, что он сейчас запрёт дверь на ключ и сбежит, но нет. Он осторожно прошёл в комнату и сел на стул поодаль.

– У меня такое чувство, что вы меня боитесь, – усмехнулся Александр.

– После вашей выходки – есть немного. Вдруг покусаете.

– Странно, что не запрятали меня в психбольницу.

– Ай, бросьте. Если каждого за нервный срыв в палату для буйных запирают, палат не напасёшься. Вы свободны, как ветер, можете идти домой, если хорошо себя чувствуете. Вот только нам нужно разобраться в наших отношениях. Что прикажете делать?

– Я не знаю, что делать. Исследования больше не нужны, ваши услуги мне тоже не нужны. Я готов оплатить расходы и неустойку, не сразу конечно, постепенно, но оплачу. Если не верите, могу хоть сейчас подписать нужные бумаги.

– Не в деньгах дело... В них, конечно, тоже, но не это главное. Мне интересны вы, именно вы. Совершенно нормальный молодой человек, но ведёте себя так, словно ваша бурная фантазия берёт верх над здравым рассудком. Не понимаю, что произошло, может, что-то случилось личное, или нечто угрожает вам.

– Мне ничего не угрожает. Я совершенно нормален. И... и забудьте, что я наговорил вам... Фантазия, знаете ли, бывает выплёскивается наружу. Я сейчас же ухожу отсюда.

Александр резко встал и, не говоря более ни слова, даже не попрощавшись со Стрижевским, вышел из комнаты. Доктор проводил его задумчивым взглядом и тоже вышел. В соседнем кабинете его ждали коллеги.

– Ушёл? – спросил Русаков.

– Ушёл, даже спасибо не сказал. Правда, обещал оплатить все мои счета, так что время потрачено не зря... А ведь согласитесь, тяжело с ним. Никак не могу понять, что же случилось. Не так много мы общались, но мне показалось, что по своей натуре человек он тихий и спокойный. Но что послужило причиной сегодняшней выходки? Есть в нём что-то, но, боюсь, этого не узнать. На контакт с нами Давыдов едва ли ещё раз пойдёт, так что как бы ни хотелось мне завершить обследование – увы, – Стрижевский развёл руками.

– А вдруг Александр говорит правду? – осторожно предположила Анна, но, заметив на себе непонимающие взгляды коллег, поправилась. – Я имею в виду, что сны кажутся ему реальностью. Это вполне возможно, хотя и кажется он всем нам нормальным. А если понаблюдать за ним? Пусть без ведома, это даже лучше – на его поведение не будет влиять мысль о том, что он подопытный кролик.

– Как? Наймём частного детектива, а то и Топосова попросим, пусть напищает его квартиру жучками? Анна, он на нас в таком случае или заявление в органы напишет, или ребят с битами пришлёт. Если только, – глаза Ивана Сергеевича весело сверкнули, и он внимательно осмотрел смутившуюся девушку с головы до ног. – Если только ты не поможешь нам.

– Я?!

– Почему бы нет. Вы примерно одного возраста, привлекательны, одного социального уровня. На мой взгляд, вы легко найдёте общий язык.

– С каких это пор доктор Стрижевский записался в сводники?! – возмутилась Анна, покраснев до кончиков волос.

– Да, приходится становиться сводником. И заметь, дорогая моя – это и для твоего блага, – парировал Стрижевский. – Кто мне жаловался, что «...такая проблема познакомиться с порядочным молодым человеком...» Вот твой шанс, милая моя. А уж если не понравится, всегда можно отказаться. И не думай, что он ненормальный. Так, есть небольшие сложности. А у кого из нас их нет?

Возмущённая до глубины души Анна резко встала, случайно смахнув рукой на пол чашку с недопитым кофе, и, наградив наставника испепеляющим взглядом, вышла из комнаты, громко хлопнув дверью.

– Подумай! – крикнул ей вдогонку Стрижевский, а затем, повернувшись к прячущим улыбки коллегам, спросил:

– Ну что я такого сказал? Или я не прав?

8

Победоносные полки возвращались в столицу. Не все – большая часть отправилась следом за отступающим врагом. Путь до границы не близок, кто знает, что придёт на ум остаткам талланской армии. Хорошо, если так и будут бежать, а если решат пакость какую учинить? Да и пленных побольше захватить не мешало к тем двум с лишним сотням, которых вели под конвоем всё к той же границе. Издавна повелось между беспокойными соседями менять пленников на своих или на золото.

Полк Эллирия возвращался домой. С добровольцев спрос не велик, никто не заставит их гнать врага до порубежья. И без того они сделали больше, чем на то рассчитывал военачальник. Шутка ли – продержаться в самом пекле, да потерять убитыми и ранеными меньше сотни.

Отдохнувшие солдаты шли весело, с песнями, с шутками. В руках мелькали наполненные совсем не водой фляги, но Эллирий не обращал на это внимание, он и сам был не прочь приложиться к своей. Сейчас можно.

Город встретил победителей восторженными криками. Уже за мостом, вдоль дороги выстроились толпы горожан, опьянённых общим восторгом. Немногочисленные стражники едва сдерживали людей, которые так и норовили вырваться на дорогу, обнять любого из уставших, покрытых серой пылью, солдат. То и дело какая-нибудь взбалмошная девчонка ускользала от рук стражника и повисала на шее первого попавшегося воителя, да целовала взасос. Женщины постарше беззлобно ругались, грозили бесстыдницам, а сами бросали солдатам цветы и, что особенно было приятно изголодавшимся в пути воинам, пирожки и хрустящие малосольные огурчики.

Когда ликует толпа, когда у самого на душе радостно оттого, что выжил в тяжёлой схватке, да ещё вернулся героем, сам становишься частью этого действия. Эйнар и Бирнезий что-то кричали, как и все, махали руками всем подряд, словно полгорода ходило в их знакомых или родичах. Разом забылось всё, даже сгоревший Феринол и погибшие друзья. Сейчас они жили только этим мгновением, совершенно не думая о том, что будет дальше.

Армия прошла по городским улицам к Рамийским воротам, рядом с которыми находился замок императора, и остановилась на огромной дворцовой площади. Эйнар с удивлением озираясь по сторонам, впервые увидев в этом городе по соседству с узкими, кривыми улочками так много свободного места. Он уже начал прикидывать, сколько же здесь можно понаставить домов, когда шум вокруг стих. Из ворот замка выехала группа всадников. Эйнар стоял слишком далеко и не мог разглядеть их, но понял, кто это такие. Он привстал на цыпочки, стараясь хоть что-то увидеть поверх голов, но развевающиеся знамёна то и дело мешали взгляду. До его слуха донеслось начало поздравительной речи, но толпа вновь загудела, неясный гул вновь превратился в восторженный рёв, и слова человека утонули в этом шуме. Эйнар разочарованно вздохнул и принялся стряхивать с себя пыль, не обращая внимания на тычки Бирнезия всё ещё старавшегося услышать хоть что-то из произносившейся речи. Он уже приготовился к длительному ожиданию, но всё внезапно закончилось. Шум толпы перекрыл громогласный голос Эллирия. Полк дружно повернулся и направился на тот же пустырь, откуда вчера вышел в поход.

Солдаты расположились на отдых в ожидании долгожданной раздачи денег. Разгорелись костерки, на которых жарилось оставшееся в обозе мясо, опять раскупорили несколько бочонков с вином, прибережённых Эллирием как раз на возвращение. С минуты на минуту должен был появиться армейский казначей, и тогда в палатку командира выстроится очередь – первыми, как всегда, сотники, затем десятники, ну, а после простые солдаты. Следом за ними появятся родственники погибших, унаследовавшие право получить эти несколько золотых за жизнь своего родича.

Солдаты с аппетитом уплетали жаркое, краем глаза наблюдая за улицей. Ждать долго не пришлось. Не успели доблестные воители заморить червячка, как по застеленной досками дороге загрохотали колёса казначейской кареты, а вскоре появилась и она сама в сопровождении пары десятков всадников на здоровых, откормленных конях. И сами их хозяева казались пришедшими из сказки великанами – кому как ни таким доверить стеречь казну. Из кареты вышел невысокий, тщедушный старик, с трудом взваливший себе на плечо увесистый кожаный мешок. С некоторой опаской поглядывая в сторону глазающих на него добровольцев, он, пригибаясь под тяжестью золота, на удивление быстро прошмыгнул в палатку Эллирия.

Казначей пробыл там недолго. Вскоре он вышел и, провожаемый взглядами солдат, сел в карету. Хлопнул кнут, копыта барабанной дробью застучали по доскам...

– Эй! А ну, стройся в очередь! – рявкнул Эллирий, и добровольцы, оставив свой обед, выстроились перед входом в палатку.

Сотники, десятники, солдаты заходили по одному, получали своё, выходили и, забрав вещи, возвращались домой. Эйнар и Бирнезий тоже получили причитающееся им от казны, поставили закорючки-рописи гусиным пером на пергаменте и вышли из палатки.

– Куда пойдём? – растерянно спросил Эйнар.

Бирнезий пожал плечами и вернулся к костру, где его ждал недоеденный кусок курицы. Эйнар подсел рядом, бросил взгляд на палатку. Солдаты выходили из неё, забирали вещи и уходили прочь. Никто не оставался, похоже лишь они одни оказались здесь бездомными. Оба решили дожидаться Эллирия, в надежде, что он подскажет им, как быть. А ему пришла пора рассчитывать с плачущими родственниками погибших, и ведь нет бы они забирали свои деньги и уходили. Каждый просил рассказать, как погиб их близкий, какое было его последнее слово. Чтобы никого не обидеть, Эллирий заранее приготовил пару-тройку таких рассказов, и по очереди рассказывал их пришедшим.

Уже близился вечер, когда командир добровольцев вышел из своей палатки. Потянулся, разминая затёкшие мышцы, и вдруг увидел оставшихся у костра Эйнара и Бирнезия. Он несколько не удивился, разом вспомнив, что этим двум совсем некуда идти. Заметив обращённые к нему с надеждой взгляды, Эллирий подошёл.

– Вам ведь некуда податься? Может, родичи где есть?

– Нет, никого, – ответил Эйнар.

– Никого, говоришь. Плохо, когда у человека угла нет. У меня можете пожить.

– Да где ж мы денег напасёмся, чтобы платить тебе? – отмахнулся Бирнезий.

– У меня для вас каморка есть, за которую деньги, честно говоря, стыдно брать, – засмеялся Эллирий. – Подумайте, какой-никакой, а угол.

– Каморка? Да нас и каморка устроит. Лишь бы переночевать место было, а днём мы сидеть не собираемся без дела.

– Тогда идёмте, – Эллирий вдруг поднёс палец к губам. – Только мне сказать вам ещё кое-что надо. Брат Салтиса был здесь, и он, похоже, знает как тот погиб. Проболталась какая-то гадина. Будьте осторожны, этот тоже весьма неприятный тип. Если первый был дураком и задирой, то братец какие-то тёмные делишки крутит и любит исподтишка гадости делать. Вы хоть рубаки хорошие, да только берегитесь ножа, либо стрелы в спину.

Прошло пять дней. Деньги, которые заплатила казна, позволяли спокойно прожить ещё неделю, а если затянуть потуже пояса, и больше. Но ждать пока в кошельках перестанет звенеть монета ни Эйнар, ни Бирнезий не собирались. Эллирий предложил им поискать работы в городской страже, либо подмастерьями в многочисленных мастерских, но они, привыкшие к вольной жизни, не хотели идти в кабалу. Тем более, охотники и рыбаки были отменные. Раздобыв снасти и неплохой охотничий лук, оба товарища ходили в им одним известные места, где можно было разжиться и рыбой, и дичиной. Приходилось, правда, уходить далеко от города,

гораздо дальше, чем ходили другие городские охотники, но эти старания не пропадали даром. Они всегда возвращались в город увешенные трофеями. Что-то попадало на кухню постоянного двора Эллирия, что-то покупали в соседних трактирах, так что в кошельках Эйнара и Бирнезия монет не только не убавилось, но и прибавилось. Они уже начали свыкаться со своей новой жизнью, думая, что теперь всё должно наладиться, а через годик-два хватит денег уже и на пару приличных комнат. Но однажды утром в их крохотную комнатку протиснулся Эллирий, присел на кривой табурет и сказал:

– Знакомых хороших у меня хватает, так что слухи многие вовремя доходят до моих ушей. Один добрый человек рассказал, что брат Салтиса и подручные его отслеживают вас. Уже и где живёте знают, и что в лес каждый день уходите. Сюда они вряд ли сунутся, побоятся. А вот на улице, тем более за городом... Будьте осторожны. А лучше наймитесь куда-нибудь в мастерскую, чтобы на людях всегда быть.

– И что нам предлагаешь делать?! – Бирнезий в сердцах пнул ногой стенку. – Всю жизнь теперь прятаться?

– Не знаю, а вообще, вам решать.

Эллирий вышел, оставив Эйнара и Бирнезия в раздумье. Они переглянулись, пожали плечами. И, не говоря ни слова, быстро собрали свои рыбацкие и охотничьи снасти и вновь, как вчера и позавчера, отправились в лес.

9

Последние несколько дней прошли до безобразия уныло. Дела на работе шли из рук вон плохо, и Александр подумывал на счёт отпуска, но спросить начальство пока не решался. А на душе словно кошки скреблись. То и дело вспоминался Стрижевский с его счетами, которые он обещал оплатить. Не слишком ли опрометчивое обещание? Этот доктор и глазом не моргнёт, как припишет к цифре лишний нолик. И тогда прощай спокойная жизнь. Но до сих пор в его почтовый ящик консьерж клала лишь регулярно доставляемую почтальоном рекламу соседних супермаркетов.

Что замыслил Иван Сергеевич? Решил дать время подумать? А может, квартира уже напичкана микрофонами и камерами, и доктору с его подручными нужно лишь нажать кнопку, чтобы увидеть всё в мельчайших подробностях. Александру не нравилась эта неопределённость, не нравилось то, как повёл себя доктор Стрижевский, явно посчитавший, что клиент окончательно сбрендил из-за своих, может и не существующих, снов. Хотя, с другой стороны, кто поверит в рассказы о путешествии в неизведанные миры, если только не увидит всё сам, своими глазами. Взять доктора с собой? Можно. Наверное, можно. Вот только что за человек на самом деле этот доктор Иван Сергеевич Стрижевский? Как поступит он, узнав всю правду? Ну, если он действительно следит за ним, рано или поздно узнает. И пусть.

Александр вошёл в прихожую. Прошёл ещё один рабочий день, настроение было пре-скверным. Он не удержался и, в сердцах, пнул ногой корзину для зонтов. Высокое проволочное ведро жалобно блямкнуло и с глухим стуком ударилось о стенку. Счетов в почтовом ящике по-прежнему не было, но от этого легче не становилось. Не сегодня, так завтра, или послезавтра. А может... Саша потянулся к лежащей на полке телефонной трубке, вспоминая номер телефона Стрижевского, но едва пальцы прикоснулись к ней, он отдернул руку. Сам пусть звонит, не о чем им больше говорить.

Разувшись, Александр прошёл в комнату, с наслаждением ощущая под босыми ногами тёплую поверхность пола. На глаза вдруг попался медальон, лежавший, словно ненужная, бесполезная побрякушка, на журнальном столике. Он вновь светился манящим золотистым сиянием. Саша присел на диван и, взяв его в руку, задумчиво осмотрел с обеих сторон, словно ожидал увидеть на нём что-то новое. Похожий на золото металл приятно охлаждал ладонь. Сдавившая затылок, тянущая, тупая боль разом прошла, мысли вновь обрели ясность. А что если? Мысль возникла в голове, и тут же следом за ней пришла другая. Нет, не стоит. Это же мир, где человеческая жизнь всего лишь мелкая разменная монета, где мужчины не ведают иной забавы, кроме как пускать друг другу кровь на бранном поле. Но, с другой стороны, то, что можно увидеть там, не увидишь больше нигде. Это как попасть в раннее средневековье. Нет, всё-таки, стоит.

Александр положил медальон обратно, встал, подошёл к шкафу и достал из него тщательно выстиранную одежду и меч. Прихваченный с первого раза щит он, после некоторых раздумий, решил оставить. Не спеша одевшись, Саша не удержался и посмотрелся в зеркало. Довольно улыбнувшись, он надел пояс с ножнами и снова взял в руку медальон. Сердце застучало часто-часто, такого не было даже в первый раз.

Дверной звонок пропел настойчивой, неприятной для слуха, трелью. Кого там принесло? Ещё не хватало, чтобы его застали одетого, как на маскарад. Он осторожно подошёл к двери, посмотрел в глазок, но никого не увидел – видимо гость стоял сбоку. Решив не открывать дверь, Александр вернулся в комнату, вновь положил на ладонь медальон, но что-то остановило его. Он прислушался – может, гость не ушёл и нажмёт кнопку снова?

Анна слышала осторожные шаги. Около входа они стихли, но дверь так и не открылась. Показалось? Или этажом выше прошёлся кто-то? Девушка подождала ещё немного и, махнув

рукой, спустилась на первый этаж. Если Давыдов не вернулся с работы, то должен появиться с минуты на минуту, если только у него на вечер нет никаких планов. Можно подождать его внизу или зайти завтра.

– Он вам не открыл? – спросила вдруг консьерж.

– Нет, похоже, его ещё нет дома, – растерянно ответила Анна.

– Что вы, милочка. Своими глазами видела не более чем полчаса назад. Он должен дома быть. А вы попробуйте дверь открыть. Сашенька её только на ночь закрывает. Вы ведь девушка его?

– Нет, – Анна покраснела. – Я врач, психотерапевт.

– Что вы?! – консьерж всплеснула руками. – У него проблемы? Да я и сама заметила, что он последнее время сам не свой. Говорил, что на работе дела не идут, какие-то индексы падают. Что-нибудь серьёзное?

– Нет, что вы, лёгкое расстройство сна.

Консьерж облегчённо вздохнула. То ли оттого, что на самом деле переживала за человека, с которым здоровалась каждое утро, а может, потому что живущий на втором этаже молодой человек не невменяемый психопат. Анна, задумавшись на мгновение, развернулась, и снова поднялась наверх. Решив воспользоваться советом, она осторожно повернула дверную ручку и легонько толкнула дверь. Дверь бесшумно открылась. Анна заглянула внутрь и, сквозь коридор увидела стоявшего в центре комнаты Александра.

– Александр Денисович, можно зайти? Это Анна... Селвина Анна.

Он не услышал её, а может, просто не обратил внимания. Девушка осторожно вошла в квартиру и только сейчас рассмотрела надетую на него одежду, а затем и ножны с мечом на широком кожаном поясе. Что-то блестящее, похожее на большой кулон или медальон, лежало в его правой ладони, и Александр медленно подносил к этой безделушке свою левую руку. Руки его уже почти коснулись друг друга, и Анна негромко кашлянула. Александр резко обернулся, увидел её и удивлённо вскинул брови, но в этот момент, уже непроизвольно, руки сжали медальон. Яркая вспышка резанула глаза, и девушка, вскрикнув, закрыла их ладонями. Мгновение спустя, она убрала руки, но перед глазами плыли радужные круги. Анна с трудом различала что-либо перед собой.

– Александр Денисович?! Саша?!, – позвала Анна, вытянув по сторонам руки, в попытке за что-нибудь ухватиться.

Ответом была лишь тишина. Зрение постепенно возвращалось, и уже стало ясно, что она в комнате совершенно одна. Александр исчез, словно его и не было. До последнего надеясь, что это лишь его глупая шутка, что он сейчас прячется за её спиной, Анна обернулась – никого. Прошла по квартире, заглянула во встроенный шкаф, в уборную. Никого. Растерянная, удивлённая, всё ещё не верившая в произошедшее, она вернулась в комнату, присела на диван. И только сейчас на её глаза попал лежавший рядом щит. Покрывавшая его толстая кожа была сплошь покрыта царапинами, местами разрублена до самого дерева. Окованный бронзовой полосой край покрывали глубокие зарубки. Он был тщательно вычищен, но на нём остались едва заметные бурые пятна, которые не спутаешь ни с чем другим – пятна засохшей крови.

– Так это правда, – прошептала Анна, но, испугавшись своей безумной мысли, вцепилась в волосы руками. – Нет, не может быть. Нет... Но всё это... Вспышка... Этот щит... Это существует... Телефон, где телефон!

Она вытряхнула рядом с собой содержимое сумочки и, отыскав телефон, набрала номер Ивана Сергеевича.

– Стрижевский слушает, – раздалось в ответ после трех гудков.

– Это я, Анна. Я у Давыдова.

– А, ты, всё-таки, решила воспользоваться моим советом, – голос из строгого стал довольным. – Как Александр? Что-то случилось? – до Стрижевского, наконец, дошло, что голос девушки был на редкость взволнованным, если не испуганным.

– Я знаю, это нелепо, это звучит как бред сумасшедшего, но он нас не обманывал. Похоже, его мир и правда существует!.

– Постой, постой. Успокойся. Слушай, а вы там меня не разыгрываете с Александром на пару? Если так, то пошутили и будет. Давай ближе к делу...

– Какое там – разыгрываем! Мне делать больше нечего что ли? Ночь не спала, думала, как разыграть любимого наставника. Приезжайте скорее, я всё расскажу и покажу кое-что, – скороговоркой выпалила Анна и нажала отбой.

Стрижевский появился полчаса спустя в сопровождении Русакова, на тот случай, если вдруг придётся иметь дело с двумя помешанными.

– Где он? – спросил Стрижевский, едва вошёл в квартиру. – Что с тобой, на тебе лица нет.

Не говоря ни слова, Анна провела обоих в комнату и показала на щит. Иван Сергеевич присел, коснулся пальцами одной из царапин, потёр бурое пятно.

– Бог ты мой, а это штука действительно побывала в каком-то сражении. Но, Анна, это ещё ничего не значит. Это лишь позволяет предположить, что наш друг, например, увлекается историческим фехтованием. Кстати, ты хотела нам что-то рассказать.

– Учтите, доктор, я не пьяна, не под кайфом и в здравом рассудке. И не собираюсь вас разыгрывать.

– Хорошо, хорошо. Охотно верю.

– Когда я пришла к нему, Давыдов не открыл дверь, хотя консьерж внизу сказала, что он дома, и посоветовала войти самой – приняла меня за его девушку. Я вошла и увидела его одетым в старинную одежду с мечом на поясе...

– Может, он на карнавал какой собирался? И, конечно же, он сказал тебе, что его ждут в мире ином и вышел за дверь. Весьма убедительное доказательство существования параллельных, или каких-то там миров.

– Не перебивайте! Я окликнула его – Александр обернулся, но в этот миг сверкнула яркая вспышка, и он исчез.

– Как – исчез? Ты уверена? Тебе не померещилось?

– Я ещё никогда не была так уверена в своих словах. Он исчез. Не спрятался, не выбежал на улицу, а просто исчез! Пшик, и пустое место!

– Но это невозможно, – прошептал Стрижевский, качая головой. – Этого не должно быть. Анна, я знаю тебя давно и всецело доверяю. Но поверить твоим словам мой разум отказывается. Я могу поверить лишь тому, что увижу своими глазами.

– А если это, действительно, могло быть? – задумчиво проговорил Русаков, рассматривая щит. – Я верю Анне, и ты веришь ей. Она не будет врать, да и ради чего. Просто мы не готовы поверить в то, чего не знаем и сомневаемся, когда происходит что-то невероятное. Но мы не должны болтать об этом. Ни слова за пределами нашего круга. Ни знакомым, ни родственникам, ни, тем более, прессе.

– А что сейчас? – растерянно спросила Анна.

– Неплохо бы дождаться его. И потребовать объяснений происходящему. Не думаю, что ждать придётся долго.

– А если придётся ждать месяц?

– Не волнуйся, мы подменим тебя, – засмеялся Иван Сергеевич.

– Хорошо, попробуем. В конце концов только Александр способен открыть правду.

10

Александр заметил Анну в самый последний момент и уже не смог остановить движения рук. Её тут только не хватало – подумалось в тот миг, когда глаза резанула ослепительная вспышка. А в следующее мгновение он увидел вокруг себя высокие, стройные сосны. Запах хвои вскружил голову так, что пришлось прислониться спиной к липкому от смолы стволу, чтобы не упасть. Ноги утопали в мягком, зелёном моховом ковре. Где-то высоко, прячась в лесных кронах, пели птицы. Александр наугад выбрал направление и начал подниматься на пригорок, верх которого венчала причудливая сосна с растроившимся на уровне груди стволом. Под ногами что-то сочно захрустело – мох с зелёного сменился на серо-голубой. То тут, то там встречались коричневые шляпки грибов. Они так манили к себе, что Саша, не удержавшись, сорвал несколько боровиков. А когда он нагнулся, чтобы собрать пяток молодых подосиновиков до его слуха донёлся звон клинков.

Грибы выпали из его рук, и Александр поднялся, растерянно озираясь по сторонам. Рука скользнула к рукояти меча, готовая в одно мгновение выхватить его из ножен. Опять сражение? А он надеялся, что хоть в этот раз удастся понять, куда занесли его чудеса. Быстрым шагом Александр преодолел оставшиеся до вершины пригорка полсотни шагов. Противоположный склон резко уходил вниз, а у подножья холма высились густые заросли орешника. Звуки боя доносились оттуда. Саша всмотрелся, стараясь разглядеть, что же там происходит. Тонкие ветви раскачивались, между ними мелькали фигурки людей. Вдруг двое выскочили из зарослей, видимо хотели подняться наверх, но передумали и снова бросились в орешник. Эйнар? Бирнезий? Александр раскрыл от удивления рот. Ещё двое выскочили из орешника, озираясь по сторонам.

– Где они? – прорычал один

– Да говорю тебе, обратно ушли, – ответил второй.

– А это кто такой? – они внезапно увидели невольного свидетеля схватки. – Эй, ты! Вали отсюда!

– Постой, так это тот, который в бою рядом с ними отирался! Дружок их, точно тебе говорю!

Недвусмысленно направив на Александра оружие, они решительно направились к нему, стараясь зайти с разных сторон.

Дружок? Он то тут причём? Что за везение снова оказаться в переделке! Но Александр не испугался, не побежал. После большого сражения эти двое показались ему до смешного безобидными и не вызывали ни капли страха. Наверное, сердце должно было заколотиться быстро-быстро, но оно почему-то продолжало биться спокойно и ровно, словно кровавые схватки вошли в привычку. Рука ловко выхватила меч из ножен, ноги встали так, чтобы не потерять равновесия, не оступиться в момент отражения удара.

– Бей его, – нелепо взвизгнул один из нападавших, и оба бросились в атаку.

Александр ловко ушёл вправо, молниеносно махнул мечом – брызнула кровь, и на мох упали два отрубленных пальца и длинный кинжал. Противник взвыл и, зажимая рану здоровой рукой, бросился бежать, спотыкаясь о кочки и корни. Его товарищ попытался ударить копьём, но делал он это медленно, неумело, и Саша, уклонившись в сторону, ударил того в шею. Сильный удар проткнул её насквозь, и бедняга упал на землю, дёрнулся и затих. Странно, но вид только что убитого его рукой человека не вызвал абсолютно никаких эмоций. Просто в памяти отложилось – один ранен, один убит, а где-то там есть ещё враг. Александр бросился сквозь заросли на поляну, откуда доносился звон оружия отбивавшихся сразу от четверых Эйнара и Бирнезия. Те четверо особым умением тоже не обладали, так что двое товарищей теснили их, выбирая момент для решающего, смертельного удара. Бирнезий краем глаза заметил при-

ближавшегося к нему человека и, даже не обернувшись, ударил клинком. Саша едва успел отбить удар.

– Эйнар, Бирнезий, это же я, Александр, – поспешил сказать он.

– Если друг нам, не подходи, – не слишком любезно отозвался Бирнезий.

Но Саша и сам понимал, как странно выглядит его чудесное появление в нужное время и в нужном месте. Сам бы усомнился в добрых намерениях такого помощника. Поэтому, взяв немного в сторону, чтобы товарищи могли его видеть, набросился на одного из их противников.

Бой закончился быстро. Оставшиеся в живых трое лежали на земле и, размазывая по лицу слёзы и сопли, просили пощады.

– Добъём? – кровожадно щерясь, спросил Бирнезий, указывая на раненых.

– Ни к чему руки марать, пусть идут. Может хоть их рассказ чему-нибудь научит этих болванов, – ответил Эйнар и повернулся к Александру. – А как ты очутился здесь? Тоже следил за нами?

– Я? Следил? – немного растерялся тот, увидев впившийся в него яростный взгляд. – Я грибы собирал.

– Грибы? С мечом то?

– Разве не похоже? А меч... так места беспокойные. Как увидел вас, всё бросил, на помощь побежал.

– Ну ладно, спасибо. Помог.

– Да не за что благодарить. Эти то кто такие?

– Охоту на нас устроили, – ответил Эйнар уже спокойнее. – Хотели сначала из луков взять, да Бирнезий вовремя заметил. Ну, мы и прыгнули в орешник. Трех положили, а там и ты подоспел, сам остальное видел.

– Хватит болтать, не в трактире. В город нам лучше вернуться, и поскорее, – проворчал Бирнезий, тревожно оборачиваясь по сторонам. – Решать нужно, что делать дальше. Этим не кончится.

Не теряя времени, они направились назад. Кто знает, кого скрывает лес, может здесь ещё есть охотники до их голов. Двигаясь друг за другом почти бегом, все трое ежеминутно озирались по сторонам. Они не так боялись во время боя, как сейчас страшились неизвестности. Каждая тень казалась притаившимся убийцей, каждый куст, казалось, скрывал ещё десяток головорезов. И руки постоянно хватались за рукоять меча. Лес кончился неожиданно, словно его и не было, и поле перед городскими стенами должно было дать немного отдохнуть напряжённым нервам. Но нет, воображение рисовало, что сейчас они прекрасные мишени для стрелков, спрятавшихся в кустах у опушки. Эйнар, не выдержав, бросился бежать к воротам первым, увлекая за собой остальных. Лишь у стен города они остановились, чтоб отдышаться. Эйнар и Бирнезий переглянулись – во взгляде каждого читалось недоумение – мол, что это с ними, сражение прошли, не дрогнули, а тут перетрусили, словно зайцы. Знакомый стражник заметил их, махнул рукой, приглашая пройти мимо накопившейся у ворот небольшой очереди из заезжих купцов.

– Вы куда так бежали? И без добычи? Случилось что? А кто это с вами? – посыпались из него вопросы.

– Да ничего не случилось. Спешим очень, а это друг наш, встретили неподалёку – отмахнулся Эйнар.

Они попридержали шаг, немного отдышались, осмотрелись – все ещё чудилось, что и здесь, в толпе снующих по своим делам горожан, прячутся убийцы. Вот ведь, напридумывали, словно малые дети – Эйнар и Бирнезий переглянулись, подбадривая друг друга. Но всё равно каждый чувствовал себя как-то неловко. Казалось, что каждый встречный во все глаза смотрит на них и, того гляди, воскликнет: «Эй, сюда, вот они – Эйнар и Бирнезий!».

Опустив в землю взгляд, трое мужчин направились к трактиру Эллирия. Они жались к стенам, то и дело оглядывались назад – страх то отступал, то возвращался, и ничего не могло его превозмочь. Одно дело, когда стоишь на поле боя, видишь врага, но совсем другое, когда любой встречный прохожий может достать из-под плаща нож и неожиданно всадить его кому-нибудь в живот. Но до трактира добрались они без лишних приключений.

Посетителей в этот час не было, и Эллирий сидел совершенно один в зале своей таверны и, не спеша, пил вино из запасов. Увидев ввалившуюся к нему троицу, он, даже не приподнявшись, спросил:

– Что так рано? И что такие запыхавшиеся?

– На нас напали.

– Если вы про красоток из соседнего проулка, то я бы на вашем месте был только рад, – засмеялся хозяин.

– Да мы бы тоже. Дружки этого твоего покойного.

– Кулаки у них зачесались? Или... – Эллирий настороженно посмотрел на Эйнара.

Он поднялся, подошёл, осмотрел каждого и, заметив следы крови, в сердцах плюнул на пол.

– Я так и знал. Теперь они не остановятся.

– Ещё бы, с четырьмя трупами то.

– Сколько? Сколько было их?

– Девять, пятеро, раненые, ушли.

– Плохо всё это, очень-очень плохо, бежать вам надо из столицы и немедленно. Сейчас ваши подранки доберутся до своих, расскажут всё. И через час, а в лучшем случае, вечером, здесь будет толпа, которая порубит вас на куски. Можно, конечно, пожаловаться властям, но это тоже ни к чему хорошему не приведет, проживёте, может, лишний месяц, не больше.

– У нас есть друзья.

– Хочешь устроить в столице бойню? Собирайтесь немедленно, я помогу вам выбраться из города. Бегите в свой поселок, вдруг там что-нибудь уцелело. А ты, как там тебя, не помню, не жди их, беги немедленно, беги куда хочешь.

– Мне? Бежать? – не понял Александр

– Тебе. Бежать. И назад не оборачиваться, тоже мне герой нашелся. Ты тут ни чем не поможешь.

– Беги, – Эйнар хлопнул товарища по плечу. – Спасибо тебе.

– Хорошо, удачи вам. Может, ещё свидимся.

Александр вышел из таверны, осмотрелся. Город жил своей спокойной, размеренной жизнью и знать не знал, что происходит в стенах этого дома. Да и ему какое до этого дело. Эйнар с Бирнезием пусть бегут, если им жизнь дорога. А он сам никуда бежать не собирался. Зачем? Кто его в городе знает? Да и едва ли в лесу раненые им люди запомнили его лицо. А если что пойдёт не так, постоять за себя сможет, меч при нём, и владеет он им, как оказалось, весьма неплохо. И медальон поможет. Саша оттянул ворот рубахи и посмотрел на медальон – жёлтый. Когда ещё представится случай спокойно погулять по средневековому городу. Можно пообщаться с его жителями, зайти в таверну (где бы ещё местные деньги раздобыть). А может, повезёт, и он познакомится с какой-нибудь красоткой и будет гулять с ней всю ночь, до восхода, а утро они встретят на сеновале, зарывшись с головой в душистое сено.

– Эй, ты, стой! – прервал мечты грубый окрик.

– Да, да, он это, дружок их, – послышался ещё один голос.

Александр остановился, обернулся. С десятков мужиков, в грязной, заляпанной жиром и вином одежде быстрым шагом догоняли его, доставая на ходу из ножен мечи и кинжалы. Случайные прохожие со всех ног убегали в проулки, заметив начинающуюся драку. Саша осмотрелся по сторонам – на узкой улочке они едва ли смогут обойти его, но их слишком много,

десять, нет, даже одиннадцать. Сомнут числом, никаких шансов. Рывком он выхватил из-за пазухи медальон и сжал его в ладонях. Ничего. В разжавшейся ладони лежал серый, безжизненный диск.

– Ну давай, помолись своим богам, – проговорил бородач с длинным, щербатым ножом. – Но ты всё равно сейчас сдохнешь, а потом и дружки твои отправятся следом.

– Помогите! Кто-нибудь! Помогите! – закричал Александр, надеясь, что его услышат и позовут городскую стражу.

В ответ раздался издевательский смех.

– Кричи, кричи. Скорее твои боги спустятся с небес тебе помочь, чем кто-то из местных храбрости наберётся.

Саша понял, что помощи здесь ждать не от кого и выхватил из ножен меч. Он продолжал медленно отступать, внимательно наблюдая за преследующими его людьми, но те атаковать не спешили. Они ухмылялись, спокойно шли за ним следом, отпуская в его адрес едкие шуточки. Мелькнула слабая надежда, что сейчас попугают и отстанут, или получится добраться до оживлённой улицы.

– Ну что, пришёл? – сказал вдруг всё тот же бородач.

Александр, не понимая пока смысла этой фразы, сделал ещё один шаг назад и упёрся спиной в стену дома. Тупик. Эти знали что делали. Напади сразу, жертва могла бы дать стрелка в проулок, а потом на соседнюю улицу, где и народа побольше, и стражники есть. А так они спокойно загнали его в ловушку.

В тот же миг на него набросились трое – ширина улочки, к счастью, не позволяла напасть всем сразу. Три клинка устремились в него, но Александр отчаянно взмахнул мечом, отбил два из трёх и бросился в сторону, помогая себе левой рукой отбить третий. Лезвие полоснуло по предплечью, и рукав рубахи мгновенно пропитался кровью. Вновь последовали удары – Саша бросился в другую сторону, затем вперёд, увёртываясь от мечей. Уже не обращая внимания на резанувшую бок боль, он, вкладывая все свои силы в стремительный выпад, выбросил в горло одного из нападавших свой клинок. Удар достиг цели, и кровь обильной струёй выплеснулась из разрезанных жил. Смертельно раненный враг захрипел и повалился назад, под ноги своим товарищам, зажимая руками рану. Александр отскочил к стене, получив ещё несколько царапин на руках и теле, но и сам исхитрился ткнуть в живот того, кто стоял слева.

Нападавшие на мгновение замерли. Они то точно рассчитывали втоптать его в грязь, но не ценой же двоих погибших?! И, в следующее мгновение, яростно ругаясь, они скопом бросились на Александра. Тот едва успевал отбивать удары, а они рубили и кололи его, нанося не смертельные, но обильно кровоточившие раны, и Саша понял, что скоро попросту потеряет сознание от потери крови, и тогда конец.

Оглушительный удар в грудь отбросил его на стену. Кто-то, размахнувшись, ударил сбоку, но лезвие попало не ровно, отчего лишь рассекло кожу и перерубило цепочку медальона. Удар был силен, ноги подкосились, и Александр упал на колени. Перед глазами уже стояла кровавая пелена, но он разглядел лежавший перед ним медальон. Жёлтый. Из последних сил его руки потянулись к спасительному диску.

– Всё, допрыгался, кузнечик, конец тебе пришёл, – всё тот же голос.

Бородач уже заносил над шеей своей жертвы кинжал, как вдруг ослепительная вспышка полыхнула там, где на коленях стоял человек. Нападавшие, яростно растирая руками запорошенные поднявшейся пылью глаза, отшатнулись в сторону.

– Что это?! – испуганно воскликнул один из них.

– Это колдун! – ответил другой. – А если порчу на нас наслёт?! Идём отсюда! Да быстрее же, дурачье!

Недолго думая, они бросились бежать подальше от этого места.

11

Часы ожидания тянулись безумно долго. Порой казалось, что это никогда не кончится, и она будет сидеть в этой квартире вечно. Анна уже в который раз прошла из угла в угол, ещё раз посмотрела фотографии на стеллаже. Взяла первую попавшуюся книгу с книжной полки, повертела её в руках – дешёвый бульварный детектив – без сожаления отшвырнула в сторону. Ну, где же этот злосчастный Давыдов – она хотела посетить сегодня парикмахера, но, похоже, придётся отложить визит. Можно, конечно, вызвать Стрижевского, только он наверняка постарается отвертеться от этой обязанности. Скажет, что-нибудь на подобии – я занят, подожди до вечера, а там тебя сменят. Солнце за окном, тем временем, клонилось к закату и уже коснулось верхушек деревьев в парке. Анна уже начинала подумывать, что неплохо было бы перекусить, выпить кофе и решила посмотреть, что же есть на кухне. Надежды, правда, маловато, что в квартире холостяка в холодильнике окажется нечто более существенное, чем пара банок пива и пачка сосисок, но, кто знает.

Не успела она сделать и пары шагов, как внезапная вспышка в центре комнаты заставила её вздрогнуть, броситься в сторону и спрятаться за диван. Совладав с испугом, Анна выглянула из-за спинки – на полу лежало бесчувственное тело Александра. Из-под него, по полу уже начинали растекаться небольшие струйки крови. Сначала показалось, что он уже мёртв, но послышался слабый стон, лежавший на полу человек шевельнул рукой – жив. Анна бросилась к нему – он был весь в крови, казалось, что на нём нет ни единого живого места. Рядом лежал окровавленный меч, а в ладони разжавшейся правой руки – покрытый непонятными символами медальон из серого металла.

Девушка схватила телефон трясущимися руками и хотела уже набрать номер скорой помощи, но одумалась – что подумают врачи, когда увидят изрезанного человека? Наверняка вызовут полицию, а это вряд ли нужно и ей и Давыдову. Решение пришло мгновенно. Она набрала номер телефона Стрижевского.

– Слушаю.

– Это Анна. Срочно приезжайте к Александру, захватите с собой Топосова и реанимационный набор.

– Это то зачем? – удивился доктор, но девушка уже бросила трубку.

Нельзя терять драгоценного времени, иначе человек просто умрёт от потери крови. Перевернув всю кухню, Анна всё же отыскала на одной из полок аптечку, в которой оказалось необходимое для первой помощи. Разрезав ножницами одежду, она сняла пропитанные кровью лохмотья и, как умела, обработала раны. Саша всё время молчал, не издал ни единого звука, не пошевелился. Сердце замерло от ужаса – ей показалось, что вот теперь то он точно мёртв. Дрожащими руками Анна схватила скользкое от крови запястье. Слабый, едва уловимый толчок крови отдался в пальце, затем ещё один, ещё. Девушка облегчённо вздохнула – жив, без сознания, но жив.

Неожиданно пропел дверной звонок. Анна бросилась к двери, открыла её – перед ней стояли Стрижевский и Топосов с увесистой сумкой в руках. Увидев перепачканную в крови девушку, оба заметно побледнели.

– Что произошло? – спросил Иван Сергеевич дрогнувшим голосом. Анна, не говоря ни слова, провела их в комнату.

Увидев Александра, выдавший виды Топосов схватился за голову.

– Как это случилось?

– Не знаю, он появился так же неожиданно, как и исчез. И уже в таком виде.

– Дим, посмотри его.

Топосов аккуратно снял наложенные повязки и внимательно осмотрел каждую рану, ощупав своими чуткими пальцами.

– Три серьёзных раны, – наконец проговорил он. – В боку, возможно повреждена печень, на спине и на груди. Может, сломано два-три ребра. Остальное всё мелочь, но это дало солидную потерю крови. Его хотя бы к нам в клинику отвезти, здесь он может не вытянуть. Переливание крови нужно.

– А здесь нельзя этого сделать?

– Можно, но я не знаю его группу крови, да и оборудование надо доставить сюда. Потеря времени может ему дорого обойтись.

– Надо срочно взять из клиники всё необходимое.

– А группа крови? Определить её здесь весьма проблематично. Может, в другую больницу отвезём? У меня брат...

– Нам нельзя его везти в другую больницу. Представляешь, что будет? Здесь без полиции не обойдётся. А объяснять им, что случилось... Сам понимаешь.

– Сейчас перед нами стоит выбор – или его жизнь, или наши секреты. Нужно выбирать.

– Да вы что! – возмутилась Анна. – Ещё думать будете. Если речь идёт о жизни и смерти, то подобные размышления здесь не уместны.

– Постойте, попробуем кое-что. Это поможет выиграть время, и мы всё сделаем сами.

Топосов достал из сумки небольшую коробочку с ампулами и одноразовый шприц.

– Что это? – спросил Стрижевский. – На ампулах ничего не написано.

– И не спрашивай, осталось кое-что со старых времён. Эта штука заставит пробежать пару сотен метров даже обезглавленный труп.

Дмитрий умелыми движениями нащупал вену на руке Александра и аккуратно сделал укол. Не прошло и двух минут, и раненый, издав жалобный стон, открыл глаза.

– Где я? – прошептал он.

– Тихо, лежи спокойно. Ты у себя дома. Скажи спасибо Анне, что ждала тебя, а то бы истёк тут кровью.

Саша увидел перед собой лицо девушки, слабо улыбнулся, попытался дотянуться до её руки, но тело пока ещё плохо слушалось.

– Не шевелись, ты ослаб, потерял очень много крови. Сейчас твоей жизни ничего не угрожает, но необходимо переливание. Мы сделаем его тебе, дай нам только пару часов на доставку оборудования. Но нам нужно знать твою группу крови.

– Третья, положительная.

Стрижевский достал телефон и принялся звонить кому-то из знакомых, видимо Сарткову. Топосов, тем временем, взялся накладывать швы. Ловкие руки быстро зашили большие раны, мелкие порезы просто стянули пластырем. Всё тщательно перебинтовали, отчего раненый стал похож на древнеегипетскую мумию. Покончив с этим, Александра осторожно перенесли на кровать.

– Где медальон? – беспокоился он вдруг.

Анна подняла лежащий на полу кругляш и вздрогнула – тот, на её глазах сменил цвет с серого на золотистый. Стараясь не подавать вида, она отдала его Давыдову. Он облегчённо вздохнул, словно гора свалилась с плеч, прижал медальон к груди. В этот момент девушке показалось, что золотистый туман окутал его тело. Она отёрла рукой глаза – покажется же такое. Туман исчез, но Александру явно стало лучше, он даже попытался присесть, но Топосов остановил его попытку.

– Да куда ты, отдыхай, попробуй уснуть.

Раненый послушно закрыл глаза и мгновенно провалился в глубокий тяжёлый сон.

Сколько времени он проспал, понять было трудно. Несколько часов, а может, сутки или двое. Не неделю же. Было раннее утро. Неприятно саднили раны, болела голова. Александр осмотрел себя – по всему телу красовались багровые шрамы, однако швов уже не было, раны стянулись и даже не кровоточили. А может, всё-таки, неделю проспал? Он с трудом сел – немного закружилась голова – огляделся. На диване, свернувшись калачиком, спала Анна. Укрывавший её плед упал и лежал на полу рядом. Александр поднялся. Немного заплетались ноги, но ничего, ходить можно. Подошёл к спящей девушке, поднял плед и аккуратно укрыв. Умывшись, он посмотрел на себя в зеркало. Всё лицо заросло щетиной, вокруг глаз темнели круги, лоб пересекал небольшой шрам, выделявшийся своей краснотой на светлой коже. Тяжело вздохнув, Саша пошёл на кухню варить кофе. Почему-то плохо слушались руки, он даже уронил чашку, которая звонко разбилась о плитку. Взял другую, начал наливать в неё и едва не облил себе ноги горячей жидкостью. За спиной послышались лёгкие шаги.

– Ты здесь, – раздался голос Анны, в котором чувствовалось неподдельное облегчение.

Он повернулся – она стояла перед ним, держась рукой за спинку стула. Вид её был немногим лучше, чем у Александра. Такие же круги под глазами, дрожащие от слабости ноги и всклокоченные, пару дней не мытые волосы.

– Сколько я проспал? – спросил Саша. Голос прозвучал еле слышно.

– Не знаю, я уже со счета сбилась. Дней десять. Просыпался лишь, чтобы съесть несколько ложек бульона или овсянки и снова засыпал.

– Я ничего не помню. По мне, так я спал беспробудным сном. И ты всё это время была со мной?

– Да. Стрижевский гнал меня, хотел подменить, но я осталась.

– Почему?

– Не знаю, вот такая я, – она вдруг коснулась его руки своей, но тут же отдернула её.

– Голова кружится, дышать трудно, – проговорил Александр, наливая кофе в ещё одну чашку.

– У тебя трещины в рёбрах. Да и вообще удивительно, как ты выжил. Где тебя так угораздило? Там? В твоём мире из сновидений?

– Сам не понял, хотя, думаю, есть причина. Спокойно гулял по городу, как вдруг на меня набросились человек десять.

– Набросились просто так?! Ни за что, ни про что?!

– Нет, всё же не просто так. Помог я там одному на свою голову. Так вот те, от которых я его спас, на мне отыгрались. Ничего, они тоже хорошо получили – одного я зацепил по горлу, другому живот проткнул.

Анна вздрогнула, едва не расплескав кофе, посмотрела на него испуганно.

– Ты... ты убил его?

– Убил.

– Убил человека?

– А кого же ещё.

– И ты об этом так спокойно говоришь? Тебя не мучают, скажем, угрызения совести. Я, конечно, понимаю, ты защищался, но так просто говорить об убийстве, словно это комар какой-то?

– Послушай, я был там всего лишь два раза. Но за всю свою жизнь не раздавил столько тараканов, сколько отнял человеческих жизней. Была война, и я попал на неё уже в первый раз. Что мне оставалось делать? Стоять и ждать пока кто-нибудь не снесёт мне голову? Ты знаешь, я сбился со счёта уже после первых пятерых, так что теперь меня не мучают угрызения совести или что там ещё. И сейчас я даже жалею, что смог достать всего двоих. Если бы мог, убил бы их всех, а потом спокойно лёг спать.

Анна замерла в шоке. Наверно, такое чувство испытываешь, когда пьёшь кофе сидя за одним столиком с серийным убийцей-маньяком. Здесь не поможет даже выдержка врача-психиатра. Она побледнела, ей хотелось встать и медленно уйти, словно сделай она резкое движение, Давыдов бросится на неё и задушит.

– А что... Что ты чувствовал? – наконец проговорила она, что бы хоть как-то поддержать разговор и понять, что же за человек сидит перед ней. – Извини, что спрашиваю, но мне... мне как врачу, это очень интересно.

– Знаешь, когда около меня свалился человек со стрелой в горле – а я с ним разговаривал каких-то пять минут назад – испытал сильнейший страх. Никогда такого не было. Застыл столбом и не мог шевельнуться. Если бы не подхватило общим потоком, так бы и стоял. А потом начался бой. Сначала просто защищал свою жизнь, потом, как бы это сказать, наверно пришла жажда крови, азарт. Чувство страха ушло, словно его и не было. А больше я ничего не чувствовал. И в бою не думаешь плохо это или хорошо. Но не подумай, что я какой-то ненормальный. На моём месте такое произошло бы с любым из нас, преодолел он свой страх.

– Ну а если он не преодолеет страх?

– Тогда он умрёт.

Анна задумалась, замолчала. Потом покачала головой и сказала:

– Давай сменим тему. Хотелось бы послушать о чём-то более приятном. Лучше расскажи, что там за знакомые у тебя? А может, и девушку себе завёл?

– Знакомые есть, – Александр засмеялся, – девушки пока нет.

– А мне... А нельзя и мне оправиться туда вместе с тобой? Это возможно?

– Думаю да. Честно говоря, я буду только рад взять тебя туда. Там не так плохо, как тебе, может быть, показалось. Всё новое, незнакомое. Словно находишься на средневековой ярмарке, но осознаёшь, что эти люди вокруг тебя не переодетые актёры, а самые настоящие. Дай мне только время поправиться.

12

Лязгнул дверной засов, дверь заходила ходуном от безуспешных попыток открыть её. Затем раздался громкий стук. Эйнар и Бирнезий вздрогнули, переглянулись. Эллирий весь напрягся, огляделся по сторонам, словно прикидывая, что взять под руку потяжелее.

– Может Александр вернулся? – предположил Эйнар.

– Может и он, или кто-нибудь из своих. Были бы не свои, церемониться не стали, снесли дверь и порубили бы нас к чертям собачьим.

Эллирий открыл дверь, держа наготове нож. На пороге стоял Каллист. От него немного пахло вином, и Эллирий, проворчав что-то наподобие – тебя ещё не хватало – хотел захлопнуть дверь, но неожиданный гость вдруг выпалил одним духом:

– На друга вашего напали. Сам видел. Он, боюсь, не продержится долго.

– Где? Сколько их?

– Да с десятка, идём быстрее, покажу где. Совсем рядом.

Не долго думая, все трое схватили мечи и бросились по улицам следом за Каллистом. Прохожие по пути бросались врассыпную от вооружённых мужчин, жались к стенам домов, указывали на них пальцем. Пара городских стражей, едва не сбитые Эллирием с ног, проводили их взглядом и бросились за подмогой.

Каллист нырнул в проулок – товарищи, не отставая ни на шаг, последовали за ним. Впереди маячила узкая улочка, и когда они добежали до неё, навстречу выскочило двое перепуганных чем-то мужчин.

– Они! – крикнул Каллист и сходу ударил одного ногой в пах.

Второй остановился как вкопанный и даже не пытался сопротивляться. Эйнар приставил остриё меча к его горлу и спросил таким голосом, что беднягу затрясло от страха:

– Где наш друг? Быстро говори, тварь!

– Я не знаю! Ничего не знаю! Борода его ножом хотел, а он исчез!

– Что ты несёшь?! Думаешь, я поверю твоим бредням?

– Я говорю правду, я не вру, клянусь плащом Лабека. Идёмте! Идёмте со мной, я покажу, где это было. Только не убивайте меня!

Эйнар подтолкнул его, заставляя идти перед собой, и они повернули за угол, прошли немного вперёд по извилистой улочке и оказались в тупике.

– Здесь, – дрожащим голосом пролепетал пленник.

На сером булыжнике мостовой лицом вниз лежало мёртвое тело. Эйнар бросился к нему – одеждой и телосложением убитый походил на Александра. Перевернул – перед ним было залитое кровью лицо другого человека. Ещё один лежал поодаль. Оставив за собой широкий кровавый след, он дополз до груды мусора рядом со стеной дома, где и умер. И всё. Больше ничего.

– Он прижимался спиной к стене, – проговорил Бирнезий, осматривая потёртую известку на цоколе и землю рядом. – Отбивался, уже весь израненный, упал... А дальше не совсем понятно. Если их было столько, сколько говорил Каллист, наш друг не продержался бы долго и не смог убежать. А их что-то спугнуло так, что вон на этом лица нет, какая-то бледная маска.

– А если они не врут?

– Да кто их знает. Чудеса разные бывают, многое нам не ведано. Слышал я о служителях храма Лабека, они и не такое вытворяют. Может, друг наш один из них.

– Тогда что он делал на войне? Служители храма живут своей жизнью.

– Спроси что-нибудь полегче. Знал бы, сказал.

– Эй, вы, – окликнул их Эллирий. – С этим то что делать будем?

– Да отпусти его.

– А ну пошёл, – Эллирий отвесил пленному хорошего пинка, и тот со всех ног побежали прочь.

– Ладно, Эйнар, нам нужно уходить отсюда. Не хватало ещё, чтобы нас стража застала здесь, рядом с трупам.

Не дожидаясь, пока нагрянут стражники, они направились обратно. Забрали по пути Каллиста – его жертва всё ещё корчилась от боли. Эллирий дал ему медяк – Каллист рассыпался в благодарностях, но не ушёл, а увязался следом.

– Ну что там? Что случилось? – пристал он с расспросами.

– Да ничего, сбежал друг наш. Поранили его немного, а так, всё нормально, – поспешил ответить Эйнар.

– Ну, хвала Лабеку. А то я уж испереживался весь.

– Каллист, друг мой, ты никуда не спешишь.

– Нет, я только вечером заступаю на пост.

– Так иди и проспись, чтобы ночью на посту не спать! – гаркнул Эллирий.

– Понял, всё понял, ухажу, – наконец догадался Каллист и свернул на первом же перекрёстке.

Добравшись до дома, Эллирий первым делом прогнал прочь скучающую без посетителей прислугу и накрепко запер дверь. Бирнезий бросился закрывать ставни на окнах. В зале таверны стусилась темнота, рассеиваемая лишь пробивавшимся в щелях между досок светом. Эллирий зажёл несколько свечей на большом глиняном блюде и поставил его на стол в центре комнаты.

– Всё, давайте собираться. Ещё не хватало, чтобы вас тут изрубили. Они ведь сюда заявятся, и не завтра, а сегодня.

– А как же ты?

– И я с вами, мне тоже жить хочется. Попаду под горячую руку – голову снимут не задумываясь, – Эллирий окинул взглядом зал и, в сердцах, стукнул по столу кулаком. – Таверна только пропадёт, погромят здесь всё, если не пожгут. И связался я с вами на свою голову...

Сборы не затянулись надолго. Взяли лишь необходимое – в потёртые кожаные мешки бросили смену одежды, немного припасов. Меч на пояс и... Дверь затряслась от тяжёлых ударов. Грохот раздался такой, что Эллирий съёжился, словно от страха.

– Дождались. За нами пришли, – он рванул из ножен меч. – Давай быстро за мной, в конце коридора дверь во дворы выходит.

Ещё один мощный удар сотряс дверь: видимо незваные гости прихватили с собой в качестве тарана бревно. С треском вылетели из косяка петли. Тяжёлое полотно, словно пушинка, отлетело в сторону, и в зал таверны ворвались вооружённые люди. Трое товарищей едва успели проскочить мимо них в коридор, но им пришлось остановиться – нападавшие бросились следом. Узкий, освещённый лишь слабым светом масляной лампы, он был единственным местом, где трое могли противостоять и десятку, и даже двум. Противник рассчитывавший сходу опрокинуть их, остановился, едва не напоровшись на острия клинков. Но едва успевшую начаться схватку остановил громкий голос с улицы:

– Эй, там! А ну, сдавайтесь немедленно! Дом окружён солдатами императора! Вы арестованы! Бросайте оружие и выходите!

Сражавшиеся тут же опустили мечи, переглянулись меж собой. Каждый понимал, что теперь, в лучшем случае его ожидают галеры, а в худшем – виселица на рыночной площади.

– И что делать будем? – прозвучал вполне закономерный вопрос.

– Сами заварили кашу, сами и думайте теперь! – огрызнулся Эллирий.

– Ты не умничай, вешать всё равно вместе будут.

– Были бы умнее, не лезли бы на рожон.

– Ладно вам, – попытался успокоить всех Бирнезий, опасаясь, что никому не нужный бой может вспыхнуть с новой силой. – Нам теперь выбираться нужно, а не отношения выяснять.

– Чёрт с вами, давайте все к чёрному ходу. Как выходим – врассыпную и задами за город. Ну а там каждый своей головой пусть думает, – предложил Эллирий.

Они осторожно, стараясь как можно меньше шуметь, подошли к чёрному ходу. Эйнар приоткрыл дверь, выглянул, но тут же спрятался обратно. В стену с глухим стуком ударила стрела.

– Бесполезно, здесь десятка два лучников. Нашпигуют стрелами, и не успеешь глазом моргнуть.

– Тогда идём через улицу, там зевак полным полно, скроемся в толпе. Не будут же они стрелять по всем подряд.

Все бросились обратно. Остановившись в зале, отдышались, собрались с духом. Бирнезий осторожно выглянул в дверной проём и разочарованно покачал головой – перед домом Эллирия столпилось десятка два, а то и больше, конных, лучники, а за ними толпа любопытных горожан. Прорваться казалось невозможным, всех их ждала либо смерть, либо неволя. Бирнезий уже хотел остановить товарищей по несчастью, но Эллирий махнул рукой и бросился на улицу, увлекая за собой остальных. Едва они оказались на улице, конница подалась вперёд, наставив на пойманных дуэлянтов короткие копыя, заставляя прижаться к стене.

– Бросайте мечи, – приказал им командир.

На какое-то мгновение лучники оказались за спинами своих товарищей. Это был единственный шанс на спасение, и Эллирий так пронзительно засвистел, что обученные боевые кони шарахнулись в сторону.

Запоздало, вразнобой полетели редкие стрелы, кто-то из всадников исхитрился ткнуть копьём попавшегося под руку беглеца... В короткой схватке погибла половина тех, кто был с Эллирием, но его самого, как и Эйнара с Бирнезием, стрелы, мечи и копыя миновали. Они, а вместе с ними ещё пятеро смешались с толпой. Все думали, что беглецы сейчас попытаются пробиться в закоулки и спрятаться там, стражники пришпорили коней и двинулись в толпу метавшихся в панике горожан. Но они просчитались. Эллирий, словно из-под земли, очутился близ одного из всадников и, дёрнув за ногу, сорвал с лошади. Его товарищи последовали тому же примеру, но удача сопутствовала лишь Бирнезию и их новому спутнику – Вителю. Четверо других уже лежали ранеными, а может даже мёртвыми на мостовой. Лишь Эйнар отчаянно вцепился в копьё сопротивлявшегося ему всадника. Тот пытался вырвать древко из цепких рук противника и звал на помощь, но вдруг рука Эллирия вытащила стражника из седла и немилосердно отбросила в сторону.

– Прыгай в седло, парень, – прорычал бывший командир добровольцев растерявшемуся на мгновение товарищу.

Четвёрка всадников вырвалась из столпотворения и помчалась во весь опор к ближайшим городским воротам. Свернув на перекрёстке, они оказались на Городском тракте. Прямая, словно стрела, длинная и довольно широкая дорога была запружена спешащим по своим делам народом. Заботы порой занимали их настолько, что они не замечали мчащихся бешеным галопом коней. То и дело какой-нибудь зевака едва не оказывался под копытами, но всадники и не думали сбавлять ход. С каждой секундой они приближались к спасительным воротам.

За беглецами, отставая всего лишь полсотни шагов, скакало два десятка стражников. Они громко кричали, стараясь привлечь внимание дозорных у ворот, но расстояние было слишком велико, и те долго не могли понять, что же происходит на улице. Наконец, когда ворота и беглецов разделяло всего, каких-то пять десятков шагов, стражники догадались, что нужно сделать. Но было уже поздно. Едва тяжёлые створки перешли в движение, беглецы вихрем пронеслись мимо, разметав по сторонам всех, кто оказался на пути. Следом за ними в толпу врезалась конница дозора. Кто-то из них упал вместе с конём, споткнувшись о брошенную тачку, об него

споткнулся ещё один... Образовалась приличная давка, и беглецы сумели без помех доскакать до реки, переправиться через мост и скрыться в лесу.

– Стойте, отдышаться надо, – прохрипел Эллирий, облизывая заветренные губы.

Они отъехали от дороги уже довольно далеко, и теперь их вряд ли бы кто нашёл в лесных дебрях.

– Тебя то как звать, товарищ по несчастью?

– Вителий я.

– Ну, здравствуй, друг Вителий.

Все четверо спешили, привязали коней к дереву и улеглись на мягкую траву.

– Полежим немного, отдохнём, и дальше. Есть предложения, куда податься?

– Давайте к нам в посёлок. Может, что-нибудь осталось там, – предложил Эйнар. – Если повезёт, найдём там припасы и пойдём дальше.

– Дело говоришь, всяко лучше, чем без жратвы по лесу шарахаться.

– Ладно, не будем залёживаться. Давайте в путь.

Найти дорогу к Феринолу оказалось не так просто, как показалось сначала. Ни Эйнар, ни Бирнезий никак не могли понять, куда занесло их, пока они запутывали следы. Место было незнакомое, так что пришлось, выбрав направление по солнцу, идти в ту сторону, где должна была быть протекающая около посёлка река. А уж там любой из них поймёт, куда идти. Её берега и тот и другой исходили вверх и вниз по течению на несколько дней пути.

Дело шло к ночи, лес окутали серые вечерние сумерки, одна за другой смолкали птицы, и лишь где-то рядом ухали совы, готовые вылететь на ночную охоту. Шедший впереди Эйнар вдруг резко остановился – Вителий едва не толкнул его в спину – и радостно воскликнул, показывая на примостившийся у сосны огромный, замшелый валун:

– Вот так повезло. Не думал, что так удачно выйдем.

– Куда вышли? – спросил Эллирий, порядком уставший от того, что ему приходилось хвостом тащиться за парнем, совсем не понимая, куда его ведут.

– Да вот, место знакомое. Я теперь знаю дорогу.

– Может, нам заночевать? А то таскаться по лесу в темноте не очень то и приятно. Да и ты с дороги как бы не сбился.

– Придётся. Отсюда часов пять ходу.

Тёплый день сменила холодная, зябкая ночь. Где-то рядом была вода, и ночной холодок, вкупе с влажным воздухом, пробирал до костей. Беглецы, не сговариваясь, быстро насобирали сухих веток, благо в сосновом лесу их лежало предостаточно. Запасливый Бирнезий достал из поясного кошелька огниво и сухого мха, несколько раз чиркнул камешком, высекая снопы искр. Мох задымился, показался огонек. Он разгорался всё сильнее и сильнее, и Бирнезий аккуратно положил его под пирамидку из тонких веточек. Мгновение спустя огонь перекинулся на дрова потолще, костёр затрещал, задымил, но все четверо, не обращая внимания на щипавший глаза дым, уселись поближе, подставляя теплу замёрзшие бока.

Утро выдалось скверным. Костёр погас, осталась лишь ещё тёплая кучка золы. Опустившийся туман пропитал влагой всю одежду, сделав её холодной и липкой. Один за другим просыпались дрожащие от холода беглецы. Трясущимися, посиневшими руками Эллирий настрогал щепок и попытался раздуть костёр, но прогоревшие угли уже не давали огня. Бирнезий снова достал огниво, но пощупав рукой влажный мох лишь покачал головой. Бесполезно.

– Бросай ты это, – остановил его Вителий. – Давайте в путь, будете шевелиться – согрётесь.

Взяв коней под уздцы, все четверо быстрым шагом отправились дальше. Теперь Эйнар уверенно вёл своих товарищей по знакомой дороге. Вскоре, когда из-за деревьев проблеснуло зеркало реки, Бирнезий тоже вспомнил эти места. Показался и посёлок. Эйнар не узнал его,

сначала подумал, что ошибся – кругом было пусто, лишь страшными пятнами чернели пепелища. Нет, он не ошибся. Слезы сами навернулись на глаза.

– Смотри-ка, дома, – окликнул его Бирнезий.

Юноша обернулся – ближе к лесу стояли совсем незаметные три небольших домика, вокруг которых бродили куры. Он, сам не зная зачем, бегом побежал к ним. Знал, что Сокса там нет и быть не может, но ноги сами несли его туда. Из дома вышел мужчина, увидел парня и ахнул.

– Демий! Ты живой! – Эйнар бросился к нему и крепко обнял.

– Живо, живой я. А ты то откуда взялся? Да и Бирнезий с тобой?!

Обнялись ещё раз, уже втроём. Демий начал было расспрашивать, где они так долго пропадали, на Эйнар остановил его.

– Нам бы обсохнуть да обогреться. А то зуб на зуб не попадает.

– Ах, да что ж это я, в самом деле. Проходите, проходите, – заметил стоящих в сторонке ещё двоих.

Внутри ещё пахло свежей смолой – дом то совсем новый. Бревенчатые стены были ещё светлые, не закопчённые. Гостей усадили за стол, такой же новый, немного липкий. Жена Демия тут же выложила на стол всякую снедь, не поскупилась. Да и с чего скупиться, все деревенские запасы достались трём семьям, а их на три года вперёд хватит. Услышав радостные возгласы, пришли и соседи – и им хватило места за праздничным столом. Демий налил каждому по чарке крепкого мёда, встал.

– За тех, кого сегодня нет с нами. Пусть земля будет пухом их телам, а небо обителищем их душ.

Все встали, выпили в скорбном молчании. Постояв так с минуту, гости и хозяева вновь опустились на лавки и принялись за еду; начался неторопливый разговор.

13

Александр поправлялся поразительно быстро. К удивлению Топосова, да и остальных, раны затянулись на следующий день и больше не кровоточили, а ещё через день он снял швы и, осмотрев спящего раненого, лишь покачал головой и сказал:

– Ему словно какая-то сила помогает.

Когда Анна рассказала об этом, Давыдов в ответ лишь пожал плечами. Он помнил, как в детстве распорол ногу о стекляшку и две недели не мог ходить. Тогда рана распухла и нагноилась, хотя мама сразу залила её зелёной. А теперь, действительно, чудо. Хотя Саша подозревал, что всему виной не его крепкое здоровье, а спрятанный под одеждой медальон. Ведь как только он начинал чувствовать себя хуже, когда кружилась голова и меркло в глазах, золотисто-жёлтый диск источал возвращающее сознание животворное тепло. Раны немного тянуло, но боли почти не было, лишь лёгкое неудобство.

Анна и доктор Стрижевский не забывали ежедневно навещать своего пациента. Правда теперь он не нуждался в их помощи, да и они не интересовались его снами. За чашкой кофе гости часами расспрашивали Александра о том, что же он видел. А он, ничего не тая, рассказывал всё в мельчайших подробностях.

– Не много же ты видел, – откровенно сказал Стрижевский. – Только и делал, что дрался. Но сам посуди. Перед тобой огромный, непознанный мир, полный своих загадок и тайн. И этот мир населяют не только воины и разбойники. Не обижайся, но подавляющая часть этого контингента – люди тёмные, необразованные. А ведь кроме них там есть купцы и ремесленники, поэты и целители. Вот от кого следует получать знания об этом мире. Вот если бы ты взял нас с собой...

– И ты произнёс такую речь ради последней фразы? – усмехнулся Александр. – Если честно, ничего не имею против. Дайте только ещё немного отлежаться.

В назначенный день Анна и Стрижевский вновь пришли к Давыдову. Иван Сергеевич нёс большую сумку, в которой лежала подходящая для такого путешествия одежда: ему самому, Анне и Александру, взамен прежней, испорченной. Не теряя времени на разговоры, они переоделись. Саша взял в руки медальон, взглянул на своих спутников и прошептал:

– Думаю, если вы будете держаться за меня, всё должно получиться.

– Уверен?

– Нет, но ничего другого в голову не приходит. Сейчас узнаем, прав я, или нет.

Анна и Стрижевский, бледные и взволнованные, вцепились в него с такой силой, что он поморщился от боли.

– Извини, – прошептала Анна и немного разжала пальцы.

Медальон исчез между ладоней, перед глазами полыхнуло ослепительное белое сияние. И в следующее мгновение ноги почувствовали мягкий мох, а в ноздри ворвался пьянящий аромат хвои. Какое-то мгновение ничего не было видно, лишь радужные круги мелькали в глазах. Зрение постепенно возвращалось. Наконец, все трое смогли осмотреться. Вокруг простирался уже знакомый Александру лес. Под ногами лежал ковёр зеленого мха с пятнами кишашего комарами черничника. Высокие, стройные сосны рвались навстречу темнеющему, вечернему небу. Оставалось лишь догадываться, куда в этот раз забросил его медальон. Саша прислушался, в надежде услышать голоса или, на худой конец, хотя бы перезвон мечей, но лишь где-то высоко на дереве дятел долбил клювом ствол сосны.

– Где мы? – спросил Стрижевский, заметив на лице спутника растерянность. – Не похоже, чтобы рядом был город. Надо поскорее разобраться, что к чему, если не хотим встретиться с волками или медведями.

– Подожди, не торопи меня. Мне кажется, Эйнар где-то рядом. Не зря же первые два раза я появлялся всего лишь в нескольких сотнях шагов от него.

– Но куда нам идти?

Александр едва заметно пожал плечами, повертел головой по сторонам, словно надеялся что-то разглядеть в сгущающемся мраке. Он не знал, куда податься, но надеялся, что интуиция его не подведёт. Выбрав наугад направление, Саша смело зашагал вперёд. Следом за ним, стараясь не отставать ни на шаг, торопились его спутники.

Быстро темнело. Над головами бесшумно пронеслась тень проснувшейся ночной птицы. Заухал филин. Совсем рядом послышалось негромкое рычание. Анна вздрогнула и схватила Александра за руку.

– Утром надо было в такое путешествие отправляться, – тихо проворчал тот, положив ладонь на рукоять меча. – Идём скорее.

Путешественники прибавили шаг, поминутно оглядываясь по сторонам. Но их никто не преследовал. «А ведь зимой волки в стаи сбиваются», – подумал вдруг Саша. Он глубоко вздохнул и почувствовал запах. Запах свежести, запах воды.

– Река рядом.

– А там, смотри, – Анна дёрнула спутника за рукав и показала пальцем в сторону. – Там огни.

– Гарью пахнет. Эйнар говорил, что его деревню сожгли. Видимо, мы дошли.

Они осторожно приблизились к опушке, чтобы рассмотреть, куда попали. Перед ними раскинулась внушительных размеров поляна, усыпанная ещё неубранными грудami углей и обгоревших брёвен. Казалось, кто решит вернуться на пепелище, но, напротив, у самой кромки леса Саша увидел небольшие рубленые домишки. Рядом с одним из них, на огромном бревне, сидели шестеро мужчин.

– Идём, – он потянул за собой Стрижевского.

– Уверен? Это точно твои знакомые?

– Не знаю, но мы никогда не узнаем этого, если будем прятаться в лесу.

Аккуратно обходя груды пепла и головешек, они незаметно приблизились к домам. До слуха доносился негромкий, неторопливый разговор. Хриплый, словно простуженный, голос говорил о своих планах на завтра – куда оттащить брёвна, куда ссыпать угли. И то и другое вполне могло пригодиться. Мужчины вместе обсудили предложение, после чего другой, густой баритон, судя по всему в десятый раз, повёл рассказ о прошедшей войне и о жизни в столице. Разговорившиеся мужчины обратили на незваных гостей внимание лишь тогда, когда Александр, не дойдя два-три десятка шагов, окликнул:

– Эйнар? Ты здесь?

Все шестеро разом замолчали, повернувшись на голос. Саша заметил, как двое из них потянулись к лежавшим рядом мечам. А сидевший с левого края поднялся и, сделав несколько шагов вперёд, настороженно спросил:

– Александр?

– Я.

Он пошёл навстречу товарищу, но тот вдруг потянулся за спину, выхватил из ножен небольшой кинжал и, выставив его перед собой, прокричал:

– Стой, где стоишь! Не подходи!

Александр остановился, растерянно оглянувшись на испуганных спутников. Ни он, ни они не ожидали такого приёма.

– Эйнар, ты что? Или уже не узнаёшь меня?

– Узнаю. Лучше уходи сам, не заставляй принуждать тебя силой.

– Да что с тобой?

– А то не знаешь. Ты колдун!

– Я?! Колдун?

– А кто же ты ещё? То появляешься, словно из-под земли, то пропадаешь. Десять человек видели, как ты исчез, словно в воздухе растворился. Что это, по-твоему, как не колдовство? Или скажешь, что ты слугитель Лабека? Всемогуший жрец, которому ведомы тайны богов и подвластны их чудеса. Но и тогда я не хочу иметь с тобой никаких дел.

– Да хватит тебе душить! – рассердился Давыдов. – Опусть нож и выслушай меня. Я не колдун и никакой не жрец.

– Объясни, попробуй. Но если сделаешь хоть одно движение, которое мне не понравится, я долго думать не буду.

Эйнар сделал пару шагов назад, поближе к своим товарищам. Они тоже поднялись. Одни положили руки на рукояти мечей, другие подняли с земли палки потяжелее. Александр подошёл к ним. Было немного страшно. Кто знает, что на уме у испуганных, малограмотных людей. Впрочем, и для него самого такие чудеса в диковинку.

– Ближе не подходи, – проговорил Бирнезий, когда их разделяло пять шагов.

– Хорошо.

Александр, стараясь не делать резких движений, потянулся к цепочке, на которой висел медальон. Поддев её пальцами, он на мгновение замер, словно показывал стоявшим перед ним людям – смотрите, это всего лишь цепочка. А затем медленно вытащил из-за пазухи то, что висело на ней.

– Это помогло мне спасти жизнь, Эйнар. Те десятеро, которые видели, как я исчез, убили бы меня. А я и мои друзья, – он кивнул в сторону стоявших далеко позади Стрижевского и Анны. – Мы живём в совсем другом мире. Не знаю как, но этот медальон связывает ваш мир и наш...

Вителий вдруг подался вперёд, стараясь получше разглядеть висевший на груди нежданного гостя золотистый диск. И вдруг он отпрянул назад и, упав на колени, проговорил сдавленным голосом:

– Талисман Лабека! Я видел такой же, когда служил при храме. Это священная реликвия богов. Но откуда он у тебя? Едва ли возможно выкрасть такую вещь. Если только получить в дар.

– Я не знаю. Просто вернулся однажды домой, а он лежит у меня на кровати. И ещё одежда с оружием. Сам до сих пор не представляю, как это оказалось в моём доме.

– Ну, так что? – Эйнар посмотрел на Вителия.

– Твой друг отмечен милостью богов. Радуйся, Эйнар, что у тебя есть такой товарищ. Он принесёт нам удачу.

– А она нам ох как понадобится, – отозвался Эллирий. – Демий, друг, вынеси своего медового вина. А ты, любимец богов, позови своих спутников. Негоже им от друзей прятаться.

Александр облегчённо вздохнул и, наконец, улыбнулся. Махнув рукой Анне и Ивану Сергеевичу, он устало присел на бревно между Эйнаром и Бирнезией.

– Что тут у вас случилось? Я так понимаю, неспроста вы все в лесу прячетесь.

– Сбежать пришлось нам. Только сначала от этих хотели в бега податься, – Эйнар усмехнулся и мотнул головой в сторону Вителия. – А получилось, что все вместе бежали от городской стражи. Ну, а вчера узнали, что ищут нас. Решили ещё дальше бежать. Жаль, хотели здесь остаться, Демию помочь. Но после того, что мы устроили, пока бежали из города, нас не забыли. Теперь не успокоятся, пока не найдут.

– И что же вы натворили?

– Да ничего хорошего.

Тем временем появился Демий. Он поставил на торчавший рядом пенёк внушительных размеров чашу-братину и вылил в неё из бочонка светло-жёлтую, тягучую жидкость. Крепкий аромат выдержанного мёда повис в неподвижном вечернем воздухе. Александр с удоволь-

ствием вдохнул этот запах. Эллирий первым взял братину и, сделав несколько глотков, крикнул, вытер рукавом усы и бороду и передал чашу Вителию.

– Отплывём мы в Фосею завтра, друг Александр. Думаю, ты будешь не прочь помочь нам, да и спутники твои, может, не будут против. Если вы из далёких мест, из другого мира, как ты сказал, вам понравится это путешествие. Девчонка то, вижу, с виду кисейная барышня. А в глазах такой огонёк светится...

Анна покраснела и поспешила приложиться к переданной ей чаше. Саша посмотрел на Эллирия и спросил:

– Тоже решил бежать? Ты же полком командуешь. Не может быть, чтобы тебя не простили.

– Меня? Простили? Ну, насмешил. Да и какой я командир, всего лишь над добровольцами поставлен. Так что меня ох как накажут, особенно за то, что мы устроили. Виселица – не виселица, а галеры точно. Так вы с нами?

– Не спеши, не пугай так моих друзей. Путешествие то долгое?

– Прилично. Сначала до Фосеи, а потом корабль найдём и в Рамию. Там нас точно никто искать не будет.

Александр посмотрел на Анну, на Стрижевского. Оба ответили взглядом испуганных глаз. Никому из двоих не хотелось пускаться в неизвестно что сулившее путешествие, да ещё в компании беглецов. Не для этого они пересилили свой страх перед неизвестным.

– Нет Эллирий, мы не сможем составить вам компанию.

– Да и ладно. Не настаиваю. У вас своя жизнь, и не стоит вам совать свои головы в нашу петлю. Эй, Демий, налей-ка ещё. В дороге не до этого будет.

14

Эйнар и его товарищи покинули гостеприимный дом Демиа ранним утром. Над рекой ещё стоял туман, неяркое утреннее солнце едва пробивалось через пушистые кроны стройных сосен на противоположном берегу. Они спустили на воду лодку, широкую, с удобными скамьями, как раз годную для продолжительного путешествия. Погрузили припасы – ровно столько, чтобы хватило на четверых до Фосеи, да небольшой запасик на всякий случай в отдельном, накрепко завязанном кожаном мешке. Прощались недолго. Каждый по-очереди обнял сначала Демиа, потом его жену. Сели в лодку, оттолкнулись от берега. Течение подхватило плоскодонку и уверенно понесло за собой. Сидевшим на вёслах оставалось лишь немного подгрести, чтобы обходить мели да едва заметные в тумане чёрные зубья коряг. Было удивительно тихо. Ни шелеста ветерка в ветвях, ни всплеска, даже лягушки вдоль берега молчали. Лишь редкие трели проснувшихся птиц доносились из чащи.

– Благостно то как, – тихо проговорил Эллирий, развалившись на носу. – Так бы до самой Фосеи. А что, други, может и проскочим?

– Как же, размечтался, – проворчал Вителлий. – Как дойдём до диких земель, там застава. Или не знаешь про такую? А после неё лес, где лесной народ обитает. Вот там и разомнёмся.

– Да ладно тебе. Думаешь, они на нашу лодку позарятся?

– Дикари? Да откуда. А на заставе, если нас ищут, проверить могут.

– Ага, и ты сам признаешься – вот он я, Вителлий, которого все ищут, ловите меня, – засмеялся Эллирий.

– Смейся, смейся. У ловцов такие мастаки служат, они языком опишут, а то и на пергаменте нарисуют так, что корова узнает.

Два дня прошли спокойно. Течение несло лодку к Фосее, а мимо проплывали городки и деревушки, встречавшие их дразнящим запахом свежее испеченного хлеба. Встречались лодки, часто рыбацкие, а порой и большие, даже с мачтой и парусом, возившие по реке товары. Вителлий всюду высматривал, не появится ли вдруг военная галера с доблестными солдатами. На такой случай, беглецы старались держаться ближе к берегу. Но удача продолжала сопутствовать им. Лишь раз в какой-то деревушке Эллирий заметил солдат. Едва ли они искали их, но на вёсла беглецы налегли в четыре руки, и лодка быстро промчалась мимо. Река становилась всё шире и шире, лес немного отступил от берегов. По расчетам Вителлия застава должна была появиться на следующий вечер.

– Делать то что будем? – спросил он у спутников. – Вдруг реку цепью или сеткой какой перегородили.

– Опять страшась, – поморщился Эллирий. – Ну, коль так боишься, давай ночью пойдём.

– Её, друг мой, и днём и ночью стерегут. Там не столичные увальни, которым поесть, выпить да поспать. Там с дикарями частенько ратятся, рубаки бывалые. Мимо них проскочить, всё равно, что в игольное ушко пролезть.

– Прорвёмся, – беззаботно отозвался с кормы Эйнар. – А то и Александр вдруг появится, так впятером сподручней будет. Он неплохо рубится, сам видел.

– Ишь, смелый выискался и друга своего приплёл. А ты знаешь, что на заставе гарнизона сотня, если не больше? А десятка три всегда на посту и при оружии. А вот на твоего Александрия совсем надежды нет. Но делать надо что-то. Ночью пойдём, дайте только время придумать как.

К заставе подошли следующим вечером. Было ещё светло, солнце едва коснулось верхушек деревьев. Лодка с беглецами спешно пристала к поросшему ивняком и камышом берегу,

спрятавшись среди зарослей от посторонних глаз. Укрылись с умом, так, чтобы сквозь заросли хорошо было видно, что происходит вокруг.

Эйнар устроился на носу, решив рассмотреть, что же там за застава такая. Она располагалась как раз в том месте, где реку пересекал брод. Отмель светлым пятном выделялась на тёмной воде, лишь на стремнине она терялась в глубине, да и там было вряд ли выше человеческого роста. Рядом с бродом, от каждого берега к середине реки шли довольно широкие мостки, между которыми оставался проход немногим больше ширины речного судна. Этот проход закрывала прочная сеть, так что никто не мог проплыть мимо, не доложив начальнику заставы о грузе в трюме и о месте назначения. В свою очередь, путешественник мог попросить за небольшую мзду об охране его спокойствия, и тогда пара десятков испытанных бойцов провозжали таких до окраины Фосеи на небольшой, быстрой галере. Лесной народ редко отваживался нападать на солдат, а если и случалось такое, то дикари почти всегда получали хорошую трёпку и убирались восвояси.

На обоих берегах, окружённые частоколом из брёвен и рвом, стояли крытые где соломой, где дранкой срубы казарм и складов. Такой же коридор из заострённых брёвен ограждал ведущую к мосткам дорогу. Над всем этим высилось несколько сторожевых вышек, на которых были видны бдительные стражи.

– День и ночь сторожат, – проворчал Вителий, пристраиваясь рядом с Эйнаром.

– А если лодку пустить по течению, а самим лесом пройти? – спросил Эллирий.

– Там сеть натянута, лодка не пройдёт. Так прорваться попробуем. Стрельнём горящими стрелами – на заставе подумают, дикари напали, а мы сетку прорежем, и поминай, как звали.

– А не подумал, если поймают, порубят свиньям на корм. Мало мы в столице нашумели – теперь ещё здесь наследим.

– Ну, так другое что-нибудь предложи. А если не можешь – не сиди без дела, стрелы готовь.

Впервые за несколько дней мертвенно-серый цвет медальона сменился на золотистый. Был вечер, Александр прилёг на диван и, подперев рукой щеку, листал книгу. Сердце вдруг ёкнуло в груди, как будто он забыл о чём-то важном и только сейчас вспомнил об этом. Медальон. Неужели... Саша поднялся, подошёл к комоду и достал его из-под стопы журналов. Так и есть. Быстро переодевшись, он опоясался мечом и сжал в ладонях тёплый, золотисто-жёлтый диск.

Перед глазами на чёрном фоне плыли радужные круги. Александр пошарил вокруг себя руками – пальцы коснулись тонких веток. Под ногами чавкала жижа, в воздухе витал запах тины, гниющей травы. Зрение, наконец, вернулось, позволив осмотреться. Рядом была река от которой веяло сыростью и холодом. Он поспешил выбраться на сухое место, поднялся на пригорок, откуда увидел тёмный силуэт лодки, спрятавшейся среди зарослей. Вниз, к воде вёл невысокий глинистый обрывчик, заканчивающийся торчавшими из воды стеблями камыша. Александр оглянулся – можно попытаться пройти через ивняк, но продираться через хитросплетение веток не хотелось, и он смело скользнул на подошвах по склону. Со стороны лодки вдруг донёсся едва слышный скрип, очень похожий на тот, когда натягивают тетиву лука.

– Эйнар, ты здесь? – поспешил окликнуть Саша, чтобы не получить себе в живот меткую стрелу.

– А, Александр, – было слышно, как в лодке облегчённо вздохнули. – Не чаяли тебя увидеть. Ты вовремя. Иди сюда.

Скрепя сердце, Давыдов пошёл к лодке, проваливаясь по колено в холодную, чавкающую жижу. В сапоги, противно журча, полилась вода вперемешку с ветками и водяной живностью. Уже около лодки он вдруг провалился по пояс и едва не вскрикнул от неожиданности, но холодная вода пробрала так, что дыханье спёрло, и все звуки и слова остались внутри.

– Руку, руку давай, – прошипел Эллирий.

Сильные руки схватили его за одежду, за пояс и втащили в лодку.

– Переоденься, а то, не ровен час, застудишься, – Бирнезий протянул Саше свёрток с сухой одеждой.

Тот быстро скинул сапоги и, вылив из них за борт воду, отдал Бирнезию, пообещавшему набить их сухой соломой, чтобы быстрее высохли. За сапогами последовала промокшая до последней нитки одежда. Он повесил её на борт и оделся в сухое.

– Ну, что тут у вас?

– Застава, – Эйнар мотнул головой в сторону, где виднелись отблески факелов.

– Только то?

– Ба, ещё один герой, – пробурчал Эллирий. – Дай вам волю, вы с Эйнаром весь остров перевернёте вверх тормашками. Вот сейчас и проверим, насколько вы хороши. Луна скроется, темнее станет и начнём.

Ждали довольно долго, Александру показалось, что прошло часа два, не меньше. Луна неумолимо клонилась к лесу и, наконец, скрылась. Эллирий и Бирнезий сели на вёсла и, осторожно отталкиваясь от вязкого дна, вывели лодку из камыша на чистую воду. Саша, вцепившись руками в борт, смотрел на горевший на мостках небольшой костерок, у которого сидели люди. Во рту пересохло, ноги мелко дрожали. Он никак не мог справиться с нахлынувшим страхом, хорошо хоть никто этого не видел.

Эйнар и Вителий взялись за луки. Запалив от тлеющего трута небольшую свечу, они подожгли пропитанную смолой сухую траву, намотанную у наконечников. Сухо щёлкнула тетива, и две стрелы устремились в соломенную крышу ближайшего к реке дома. Следом за ними устремились ещё две. Очертив дугу, разгоревшиеся на ветру стрелы попали точно в цель. Сухая солома мгновенно вспыхнула гигантским костром. С берега раздались крики, зазвенело деревянное било, поднимая людей.

– Давай, – Эйнар хлопнул Бирнезия по плечу, и оба гребца со всей силы налегли на вёсла.

Лодка быстро мчалась в загороженный сетью проход. На её носу изготовился Вителий, сжимавший в руках остро отточенный нож. Никто на заставе не заметил приближавшуюся лодку. Да и кто бы подумал, что опасность исходит не от дремучего леса, отделённого от частокола лишь засечной полосой в полсотни шагов, а совсем с противоположной стороны. Часть солдат бросилась тушить разгоравшийся пожар, благо на этот случай были вырыты несколько колодцев. Другие, на ходу одевая доспехи, бежали к частоколу.

Лодка упёрлась носом в прочный пеньковый канат. Все схватились за мостки, чтобы не развернуло боком, а Вителий начал резать ножом намокшую, неподатливую верёвку. Даже острый нож брал её с трудом, и ему пришлось приложить немало усилий. Наконец раздался негромкий всплеск упавшего в воду обрезка каната, и сеть бессильно потянулась за течением.

– Гребь, – прохрипел Вителий и упал на дно лодки, утирая дрожащей рукой пот со лба.

Эллирий и Бирнезий дружно налегли на вёсла, и лодка, так ни кем и не замеченная, устремилась вниз по течению. Ещё какое-то время они гребли, что было силы, но, отплыв шагов на двести, бросили весла.

– Уф! – выдохнул Эллирий и, кривясь от боли в натруженных руках, опустил их в воду. Более привычный к такому, Бирнезий лишь усмехнулся, глядя на товарища.

– Что смеёшься, знаешь, какие волдыри вскочат, – пожаловался тот.

– Ладно тебе. Радуйся, что проскочили, а мозоли – ерунда, заживут.

Лодку медленно несло течение. Вокруг царил непроглядная тьма, и лишь звёзды над головой, усыпавшие небо так, словно кто-то вытряхнул алмазной пыли на чёрный бархат, давали немного света. Бирнезий достал из мешка деревянную флягу, откупорил и пустил по кругу. Каждый по-очереди отхлебнул пару глотков ароматного мёда. Александр последним

взял флягу у Эйнара слегка дрожащей рукой. Тот почувствовал, но не подал и вида. После первого же глотка страх и напряжение как рукой сняло. Саша улыбнулся и спросил:

- Нас на коряги не занесёт?
- Да и пускай, – махнул рукой Эллирий. – Ты то хоть как?
- Лучше, – Александр сделал ещё глоток и вернул флягу Бирнезию.
- Обратно не хочешь? Или, может...

Саша не видел в темноте лица Эллирия, но понял, что тот улыбается. «Решил на слабо взять?» – подумал он.

- Думаешь, испугался? Ну, есть немного. Но я дойду с вами до Фосеи.

15

Как всегда, в половине девятого утра, Анна вышла из дома. Солнце уже разогрело воздух, прогнав прочь ночную прохладу. Прошедший ночью дождь прибил к земле пыль, очистил воздух от запахов города. Анна села в ожидавшее её такси и, назвав адрес университетской библиотеки, откинула голову на подголовник и прикрыла глаза. Мысли о Давыдове не давали ей покоя. Случившееся было настолько удивительным и нереальным, что казалось сном. А если...

Она открыла глаза и, негромко кашлянув, попросила водителя:

– Послушайте, я передумала. Отвезите меня к парку. Вот только название улицы... нет, не помню.

– Не беспокойтесь, я объеду его кругом, а вы сами скажете, где остановиться.

Машина развернулась в противоположную сторону, и Анна вновь закрыла глаза. На сердце было беспокойно. Она не знала, что сказать ему, зачем она пришла, что хочет. Что Александр подумает, увидев её? Что если он неправильно всё поймёт? Да и она сама правильно ли понимает всё то, что происходит. Что она испытывает к человеку, с которым едва знакома? Просто интерес к происходящим чудесам, или это симпатия, или...

– Парк, – проговорил водитель. – Смотрите.

– Здесь, остановите здесь, – встrepенулась Анна, заметив знакомый дом.

Расплатившись, она вышла из машины, бегом пробежала по дорожке к подъезду. Дверь перед ней внезапно распахнулась, и она нос к носу столкнулась со Стрижевским. Оба вздрогнули и остановились друг перед другом.

– Ты... ты зачем здесь? – первым спросил Иван Сергеевич.

– А вы... как?

– Я к Александру заходил, хотел переговорить. Кстати, его нет, так что можешь не подниматься. А у тебя с ним случаем не...

– Нет, – ответила Анна, густо покраснев. – Мы просто друзья. Могу я, в конце концов, навестить друга? Да и какое вам дело до наших с ним отношений!

– Да не волнуйся ты, я просто спросил из любопытства. Саша – приличный молодой человек, и вы были бы прекрасной парой. Да, что мы тут стоим, идём ко мне в машину, я доведу тебя.

Они сели в припаркованный неподалёку автомобиль.

– Я думаю, он там, – проговорил Стрижевский.

– Без нас?! Он же обещал взять нас с собой.

– Может, не захотел, может, не мог ждать, когда мы соберемся. Кто знает. Расскажет, когда вернётся. Куда тебе?

– Не знаю, наверно в библиотеку.

Стрижевский завёл мотор и выехал со стоянки.

– Я думаю, что там должен быть ещё один медальон.

– С чего вы так решили?

– Элементарно. Кто-то оставляет здесь нашему дорогому другу медальон некого Лабека, храм которому находится в том мире. Вопрос. Как этот кто-то вернулся обратно.

– Пожалуй. Только зачем он нам? Есть же один, нам его хватит.

– Мы не знаем, как Александр отнесётся к тому, если мы будем постоянно сопровождать его. Всем было бы проще, если у каждого будет свой персональный медальон. Очень удобно. Захотел расслабиться, раз... и там. Тем более я хочу наладить небольшой, но доходный бизнес. Боюсь, Саша может не понять меня и всё испортить.

– Какой ещё бизнес? Зачем вам там какой-то бизнес? Что-то я не замечала у вас финансовых затруднений.

– Да перестань, дело не в затруднениях, а в том, что это будет очень круто. Представь себе первооткрывателей Нового света или Океании. Что делали они? Меняли побрякушки на золото. То же хочу и я. Но только не бесполезные побрякушки. Тому миру нужны лекарства, современная одежда, всевозможные приспособления, например тот же самый компас или бинокль. Много чего можно обменять там на золото. Я не хочу везти туда оружие или наркотики – в конце концов, я не негодяй какой-то, да и без этого хватит простора для деятельности. И всё это мы будем менять на золото. Хочешь посчитать доходность? Она зашкаливает.

– Вы бредите, Иван Сергеевич. Пусть даже это реально, пусть мы сможем обменять на золото наш товар. А как продать его здесь? Что скажете? Я нашёл его в горах, или что-то в этом духе. Шёл, шёл, гляжу, мешки с золотом лежат. Так? Кстати, а не может случиться, что нас со всеми этими чудесами техники не сочтут за колдунов? Во всяком случае, у нас таких раньше сжигали на кострах в большом количестве. Я думаю, лучше поумерить свой пыл.

– Анна, ты никогда не отличалась оптимизмом.

– Я просто даю трезвую оценку вашим планам.

– Послушай, трезво оценивающая моя, я не такой дурачок, чтобы светиться с золотом. Я найду способ сбыть его без лишнего шума, это не так сложно, как ты думаешь. А что касается сжигания на кострах – есть риск. Поэтому нужно сначала всё разузнать и только после этого предпринимать что-либо.

– А что скажет Саша? Ему и в самом деле может это не понравится. Ему уже и так порядком досталось там. Не думаю, что он захочет рискнуть ради весьма призрачного шанса раздобыть второй медальон вместо того, чтобы спокойно попутешествовать, посмотреть этот мир.

– А ты ему всё объяснишь, опишешь радужные перспективы, которые ждут его, когда поможет нам всего лишь с поисками второго медальона. А потом ему не придётся прикладывать и малейшего усилия, деньги сами будут идти ему в карман.

– Ты хочешь делать всё один? Нет, нет, на меня не рассчитывай.

– А я на тебя и не рассчитываю. Вы с Александром можете стать прекрасной парой – так наслаждайтесь этим, отдыхайте, а мы сделаем всю грязную работу.

– Кто это – мы?

– Я и Сартаков-младший.

– Николай? Не думала, что его можно легко втравить в подобную авантюру.

– К вашему сведению, милая моя, идею подал он, а я её лишь развил.

Анна засмеялась. Хорошая подобралась компания на роль контрабандистов. Если кто-то прознает – смеху будет...

– Что смеёшься? – Стрижевский даже немного обиделся. – Ничего плохого мы не делаем. Я бы даже налоги заплатил, только когда узнают правду, всё это сразу прекратится. Понаедут всякие учёные да спецслужбы отнимут медальон и всё. Конец.

– Прежде чем поймут, что это правда, они положат нас всех в нашу же клинику на полгода как минимум.

– У нас хорошая клиника.

– Охотно верю.

– Всё приехали. Вот твоя библиотека, – Стрижевский разобиделся не на шутку. – Давай быстрее, я спешу.

16

Застава осталась далеко позади, а река несла лодку с беглецами через дикие земли лесного народа. Гонимые, превращённые в изгоев, жалкие остатки могучего и многочисленного племени ютились в этом уголке, выживая охотой и разбоем. Попытки завоевателей образумить их или, на худой конец, поработить, ни к чему не привели. Старейшины племен объявили войну каждому, кто дерзал вторгнуться в запретные леса. Недобрые слухи ходили последнюю сотню лет о здешних ельниках и буреломах. Мало кто возвращался оттуда. Охотники, искатели приключений, солдаты – все исчезали бесследно. Одни попадали в руки лесного народа, другие пропадали, погибая в лапах медведей, которыми изобиловали здешние леса; третьи находили свой конец в бездонных топях. Мало кому посчастливилось вернуться назад.

Река поворачивала свои воды на юг, подмывая левый берег. Его склон осыпался, образуя обрыв, под которым виднелся потемневший до черноты топляк.

– Смотрите, – показал туда Эйнар. – Вроде бы судно сгоревшее.

– Точно судно, – отозвался Вителий. – Купец, не иначе. И сгорело то не так давно. Запах гари чуете?

– Похоже, дикари близко.

Река вновь повернула, направив своё течение на восток. Впереди показался парус. Вителий предусмотрительно направил лодку поближе к берегу. Случись что, они успеют скрыться в зарослях, а здесь их вряд ли кто решится преследовать.

– Думаешь, солдаты? – спросил Бирнезий.

– Кто их знает. Лучше ухо остро держать.

Корабль приближался. Опасения Вителяя оказались напрасны. Вскоре стало видно, что навстречу попался обычный торговец с грузом из Фосеи. Полтора десятка пар вёсел дружно опускались в воду, вздымая фонтаны сверкающих брызг. Белый, с алым орнаментом, парус ловил попутный ветер, помогая гребцам подниматься вверх по течению. Корабль поравнялся с плоскодонкой, из-за его высокого борта появились люди, одетые в добротную броню. Они внимательно обшарили взглядом лодку – кто знает, вдруг лесной народ затеял какую хитрость.

– Кто такие будете? – спросил один из них.

– Странники, в Фосею плывём, – ответил Эллирий, схватившись за протянутое с корабля весло.

– Хм, странники. Как там выше?

– Никого не видели, правда, за поворотом судно горелое. Дикари близко.

– Ну, спасибо. Сами то спокойно плывите, ниже только медведей видели.

Эллирий отпустил весло, лодка медленно поплыла по течению. На корабле раздалась команда, и гребцы вновь принялись за работу. Но не успели они разойтись и на пару десятков шагов, из кустов на правом берегу вырвались люди. Они стремительно преодолели отделявшую их от берега песчаную полосу, бросили в воду узкие и длинные, сработанные из коры лодки и устремились к кораблю.

– К оружию! – раздался крик, и в то же мгновение борта торговца ошетинились копьями.

Быстрые стрелы мелькнули в воздухе, вспороли речную гладь. Воины лесного народа подняли над головами обшитые медвежьими шкурами щиты, но один из них, всё-таки, вывалился за борт, схватившись руками за торчавшее из глаза древко.

Эллирий мгновенно подсел к сидевшему на вёслах Бирнезию.

– Поднажмём, может успеем уйти подальше, пока они купца грабят.

Если бы не торговец, дикари не обратили бы внимания на одиноких путников. Но теперь принялись и за них. Три лодки повернули в сторону и бросились в погоню за уходившей вниз по течению плоскодонкой. Над головами беглецов свистнули стрелы, и они, побросав вёсла,

спрятались за бортами. Шансов оторваться у медленной посуды не было. Вителий взялся за лук и попытался отвечать, но толком прицелиться ему не давали, и все его стрелы уходили мимо.

– Не высовывайся, – потянул его назад Эллирий. – Сейчас они подойдут, и тогда возьмёмся за мечи.

Торжествующие крики раздавались совсем близко. Дикари уже предвкушали, что сейчас эти люди станут их добычей. Разве будут сопротивляться изнеженные жители больших городов, тем более впятером против двух десятков. Но едва лодки коснулись бортами, эта лёгкая добыча огрызнулась так, что мало не показалось. Пятеро вскочили на ноги, спина к спине, в руках острые мечи, разившие стремительно и смертельно, как удар медвежьей лапы. Трое воинов лесного народа свалились за борт мёртвыми в первое же мгновение боя.

Но дикарей было много, слишком много. Сейчас они оправятся от своей оплошности, навалятся все сразу, и тогда не отбиться. Эллирий, увернувшись от удара копья, бросился на противника и упал в воду, увлекая за собой троих. Он ловко нырнул, уходя на стремнину, и даже успел ткнуть одного мечом в живот. Оставшиеся двое бросились следом, и их понесло течением в сторону от лодки.

Бирнезий последовал примеру товарища, увлёк за собой еще двоих. Они выбрались на берег почти напротив, на небольшой песчаный мысок. Противник достался не из лёгких. Один ловко владел копьём, другой, вооруженный длинным ножом и щитом всё норовил подойти вплотную. Бирнезий делал финт за финтом, отбивал, наносил удары сам, ловким рывком уходил в сторону, но ничего не мог сделать. Постепенно, трое поединщиков зашли в лес и пропали из виду, скрывшись за деревьями.

Оставшиеся трое яростно отбивались, но силы были слишком неравны. Дикари бросились все сразу, едва не утопив лодку. Они, похоже, твёрдо вознамерились взять их живыми, поэтому, оставив оружие, дрались голыми руками. Вителий, в последний момент, успел схватить колчан с луком и стрелами и броситься в воду. В несколько гребков достигнув берега, он взялся за лук, и в противника, пытавшегося взять Эйнара и Александра, полетели меткие стрелы. Но их двоих смяли, повалили на днище. Саша всё же пнул кого-то ногой в пах. Дикарь застонал от боли, но, оправившись, схватился за нож, разорвал на пленнике рубаху и... Медальон сверкнул на солнце золотистым пламенем, и сжимавшая нож рука остановилась. Человек отпрянул назад и испуганно заговорил что-то, указывая на Александра. Стоявший рядом, одетый, в отличие от других, в добротную кольчугу, присел и осторожно, словно точно знал, с чем имеет дело, положил медальон на свою ладонь, чтобы лучше рассмотреть его.

– Это твой? – спросил он.

– Да, – ответил Саша.

– Где ты взять его?

– Нигде, бабушка подарила.

Дикарь что-то сказал своим, затем окинул взглядом берег – там, в полном окружении, отбивались Бирнезий и Вителий. Он крикнул что-то на своём варварском языке, и окружавший их враг опустил мечи и отошёл на несколько шагов.

– Будешь говорить с Ассила.

– Это кто ещё?

– Если хочешь жить, сейчас молчи, потом говорить.

Эйнара и Александра свезли на берег, присоединив к товарищам. Кто-то из дикарей подошёл к одетому в кольчугу и громко заговорил, указывая рукой то на пару трупов их товарищей, то на них. Но дикарь в кольчуге, произнёс всего несколько слов, указал на медальон, и второй тут же замолчал и, скрипя зубами в бессильной ярости, отошёл в сторону.

– Что случилось, почему нас не убили? – тихо, свистящим шёпотом спросил Вителий. – Должно произойти что-то важное, чтобы нас оставили после такого в живых.

– Они увидели мой медальон, – так же тихо ответил Саша. – Они что-то про него знают.
– Хорошо, если они успокоятся. Эллирий то жив, такого двое не осият. Если продержимся до ночи, он найдёт способ нас спасти.

– Хотелось бы верить.

Их повели в лес, предусмотрительно завязав глаза тряпками.

– Не пытайтесь смотреть. Не убьём, но глаза вырежем, – предупредил вожак.

Идти сквозь чащобу вслепую оказалось очень неудобно. Их, конечно, вели под руки, помогая огибать деревья, но ноги постоянно цеплялись за какие-то корни и траву. Так хотелось снять с лица эту мешающую, пропахшую гнильём, тряпку, но угрозы предводителя отряда точно не были пустыми. Пришлось терпеть. Шли они довольно долго, не меньше получаса, хотя Александру показалось, что их просто водят по кругу, создавая иллюзию отдалённости их стоянки от реки.

Наконец послышались голоса. Одни были радостные, другие удивлённые – видимо дивились тому, что привели пленников. Они вошли в какое-то помещение, и только тут с них сняли повязки и даже развязали руки. Саша огляделся – он стоял в некоем подобии юрты, только каркас был покрыт не войлоком, а полотном, сшитым из кусков кож. На четырёх опорных столбах висели плошки с маслом, горящие слабым коптящим пламенем, вдоль стен лежали копья и щиты, а около стены, противоположной входу стояла деревянная резная скамья, на которой сидела молодая девушка в окружении вооружённых мужчин.

– Кто вы такие? – спросила она, совсем без акцента. – Что вы делаете в наших землях?

– Ничего нам не нужно, мы в Фосею плыли, – ответил Вителий.

– Молчи, не ты должен говорить. Ты говори, – она указала на Александра.

– Я?!

– Да, ты. На тебе, не на них, знак Небесного Вождя.

– Мы плыли в Фосею. А что до того, кто мы, так это значения не имеет. Никому не известные, самые обычные люди.

– Ни кому не известные? – девушка усмехнулась. – Не о вас ли по всей реке говорят, золото за головы обещают? Ходит слух – наделали вы дел в Флардии. А как пробрались через заставу – любо дорого посмотреть, хороший получился пожар. Ведь так? По глазам вижу, что так. Но я вас не выдам, по крайней мере, тебя. На тех троих мне наплевать, убила бы, но они твои товарищи. Не возьму их кровь на свои руки.

– То есть отдашь их на казнь в другие руки? Да кто ты такая?! Занимайтесь тут грабежом, и кроме грабежа ничего не умеете. То же мне, лесной народ...

– Тихо, тихо, – девушка подняла руку, чтобы остановить схватившихся за оружие воинов. – Меня зовут Ассила, я дочь вождя этого племени, и я тэлевр – боевой вождь.

– Ну, надо же, девушка – и боевой вождь, – Александр засмеялся и хотел высказать весьма обидное предположение, как она добилась этого, но прикусил язык, поняв, что в этот раз она может и не будет останавливать своих людей.

– Не тебе судить. Ты видишь меня в первый раз.

– Ладно, давай не будем затягивать разговор. Скажи лучше сразу, что нужно от нас тебе, и чего ждать нам.

– А ты смел. Вашу судьбу мы решим, утром скажем, что с вами будет. А теперь отдай мне Знак.

– Не отдам, – Саша побледнел, его рука дёрнулась было к медальону, но остановилась – он то сбежит, а что будет с Эйнаром и остальными.

– Не думай о нас, – шепнул стоявший рядом Эйнар.

– Да чего ты так испугался, – тэлевр засмеялась. – Тебе так важна эта вещица? Не знаю, что тебя с ней связывает, но давным-давно она принадлежала моему народу. Так говорят легенды. Отдай! Не отдашь, силой отберём!

Александр медленно снял со своей шеи медальон и бросил его под ноги Ассила. Она презрительно ухмыльнулась, но с места не поднялась, сделала знак рукой. Один из стоявших рядом поднял медальон и, склонившись, протянул его своему вождю.

– Сарбер ун лиги полива, – произнесла Ассила.

Пленников схватили под руки и отвели в одну из палаток, немногим меньше, чем палатка тэлевра, но совершенно пустую. На голой земле лежало лишь несколько обрывков веревок и чей-то разодранный сапог. Деревянная дверь закрылась, рядом встали начавшие неторопливый разговор часовые.

– Зачем ты отдал ей медальон? – набросился Эйнар на Александра. – Как ты теперь вернёшься? Не нужно было думать о нас.

– Да они вас порубили бы тут же!

– Да они бы минут десять думали, куда ты делся. Мы бы сумели сбежать

– Ладно, поздно спорить, – остановил разгорающийся спор Бирнезий. – Медальон твой далеко не уйдёт, Ассила эта на себя его напялит. Ночью, думаю, Эллирий пожалует, вот тогда и посмотрим, кто хитрее. А сейчас нам всем нужно отдохнуть. Ночь уже близко, надо сил набраться. И скажите спасибо, что нам ни рук, ни ног не связали. Только не пытайтесь стенки ломать – заметят.

Быстрое течение отнесло Эллирия за поворот. Он выбрался на берег и упал на тёплый песок, дав краткий отдых уставшему телу. Ничего, не далеко унесло его. Сейчас, главное, не спешить. Наверняка остальных взяли в плен, отвели в лагерь, а если так, то уж он то по следам найдёт логово. А там видно будет, как помочь товарищам. Шорох осторожных шагов заставил его вскочить. Двое преследовавших его дикарей тоже выбрались из воды и попытались подобраться к нему незамеченными. «Вот ведь, – подумал он, – настырные, решили преследовать до конца». Первый, вооружённый армейским, видать трофейным, мечом, сделал неуклюжий выпад. Эллирий лишь злорадно усмехнулся, сделал шаг в сторону и распорол противнику бок. Второй, устремившийся за товарищем, остановился, не добежав пяти шагов.

– Что, душонка то в пятки ушла? – засмеялся Эллирий, сделав шаг навстречу.

Дикарь отступил на два шага и вдруг метнул в противника своё копьё, а затем бросился бежать со всех ног. Эллирий отбил копьё под ноги небрежным взмахом меча, поднял его и бросил в спину улепётывающего, точно между лопаток.

– Дурачьё, – он презрительно сплюнул.

Прячась в прибрежных зарослях, Эллирий поспешил к месту боя, отчаянно надеясь, что его товарищи не только уцелели, но и отбились от лесных разбойников. Продираясь сквозь ивняк и осоку, он не обращал внимания ни на оставленные травой порезы, ни на царапины, ни на производимый им шум. Пусть заметят, тем лучше, к тем двум прибавятся новые мертвецы. Но всё уже закончилось. Купцы, отбившись, изо всех сил выгребали против течения, чтоб скорее уйти подальше от этого места. А вот его товарищей, связанных, с завязанными глазами, уводили вглубь леса.

Эллирий вжался в землю, стараясь, чтоб его не заметили. Сейчас не время бросаться в схватку. Прячась за деревьями и кустами, он принялся следить за петляющими по лесу людьми. Дикари водили своих пленников кругами, и ему приходилось то и дело замирать, когда они проходили рядом с ним. Эллирий шёпотом ругался, на чём свет стоит, поднимался и снова крался за отрядом лесного народа. И так не один раз. Наконец, впереди показалась окружённая малинником поляна, на которой стояли походные шатры дикарей. Воин усмехнулся – пришли, наконец-то – и спрятался в зарослях. Оставалось лишь дожждаться ночи.

Время тянулось безумно долго. Казалось, что солнце упорно не желает клониться к закату, но всё же постепенно становилось темнее, тени удлинились, и, наконец, солнце ушло за кромку деревьев. Сгустились вечерние сумерки, а следом за ними наступила ночь. Элли-

рий подполз поближе и остановился, чтобы дожидаться, когда задремлют стражники. Прошло несколько часов, но те продолжали неторопливо прогуливаться между палаток. Казалось, они так будут ходить всю ночь, словно их совсем не брал сон. Однако, наконец, все они подсели к костру, горевшему неподалёку от палатки с пленниками, завели неторопливый разговор. По рукам пошли меха с чем-то хмельным. А спустя полчаса почти все они спокойно спали.

Эллирий осторожно подполз ближе.

– Эйнар, Бирнезий, вы здесь? Слышите меня? – шёпотом окликнул он.

– Здесь мы, заждались уж, – донёсся в ответ радостный голос.

Эллирий осторожно разрезал кожи, раздвинул деревянный каркас и пленники, один за другим, вылезли в дыру и скрылись в лесу.

– Стойте, не бегите, – Александр остановился, когда они отбежали достаточно далеко. – Я должен вернуть медальон.

– Ты что, снова к ним в лапы захотел? – шикнул на него Эллирий. – Забудь о нём, парень. Придётся тебе с нами пожить, а там видно будет. Может, судьба вернёт его в твои руки.

– Нет, не хочу ждать милости от судьбы. Боюсь, это затянется слишком. Попробую сам. Вы бегите, не ждите меня, я вас найду.

– Как знаешь. Удачи тебе.

Он повернул обратно. Осторожно, рассчитывая каждый шаг, пробрался в лагерь. То и дело через тонкую подошву чувствовалась веточка, и Александр замирал, осторожно переставлял ногу на новое место, и продолжал красться к расположенной в центре стоянки палатке Ассила. К его удивлению, стражников рядом со входом не было. Они, вместе с ещё несколькими сотоварищами, спокойно спали у горевшего неподалёку костра, наплевав на свои обязанности. Саша застыл в отбрасываемой палаткой тени – вдруг это ловушка, стоит ему подойти к двери – они вскочат, набросятся на него, а там, кто знает, что взбрёт им в голову. Он поёжился, явственно представляя, как под рёбра входит холодное лезвие. Стоило проверить, чтоб не нарваться на неприятности. Рука нащупала в траве шишку, и Александр бросил её в противоположную от костра сторону. Никто не отреагировал на шорох, похожий, правда, не на человеческий шаг, а на ночную прогулку мыши-полёвки. Можно, конечно, попробовать кинуть в спящих ещё одну шишку, но если это их разбудит... Саша собрался с духом, быстро вышел из тени, открыл невысокую, резную дверцу шатра и шагнул вовнутрь.

Внутри стоял запах сыромятных кож, горящего масла в светильнике, висевшего на подпирющем крышу столбе. Его слабый свет с трудом рассеивал темноту, но привыкшие глаза рассмотрели деревянную скамью, оружие вдоль стен и ворох звериных шкур, а среди них и спящую девушку. Александр осторожно подошёл к ней, нагнулся – медальон у неё – облегчённо вздохнул. Невольно залюбовался Ассиллой – хороша амазонка. Осторожно начал снимать с её шеи цепочку, стараясь делать это как можно медленнее. Внезапно что-то холодное коснулось его шеи, коснулось аккуратно, даже нежно, но Саша похолодел от страха.

– Замри и не шевелись, – тихо произнесла Ассила, всё ещё не открывая глаз. – Я знала, что ты придёшь.

– И не выставила больше стражи? Все ведь спят беспробудным сном, – нашёл в себе силы ответить Александр.

– Это не важно. Вы не нужны мне, мне нужен этот Знак. Я не хочу тебя убивать, поэтому уходи.

– И поэтому охрана спит? Чтобы дать нам возможность сбежать? Но что же ты сейчас не крикнешь стражу?

– Если стража застанет тебя здесь со мной, мне придётся казнить тебя, да и я могу лишиться имени тэлевра.

– То есть если я сейчас закричу, и прибежит стража, тебе тоже не поздоровится? – он усмехнулся. – Пойми, красотка. Если я не верну медальон, мне будет всё равно. Без него я не смогу вернуться домой.

– Ты с ума сошёл. Я отпускаю тебя, сохраняю тебе жизнь, а ты...

– А мне что, прозябать теперь в вашем мире?

– Каком мире? О чём ты?

– Ха! Ты так сильно жаждешь оставить себе медальон и даже не знаешь, что он может? Давай, сожми его в ладонях, только постой-ка! – Саша резким движением убрал от горла нож – лезвие лишь слегка оцарапало кожу – и прижался к Ассиле.

Девушка опешила, нож выпал из её руки. Она не знала, что делать. Стоило только закричать, и стража, несмотря на то, что спит, будет здесь через мгновение... И увидит лежащего на ней мужчину. Это станет днём её позора, её лишат звания тэлевра, и никто уже не возьмет её замуж. Тогда Знак станет бесполезной побрякушкой, да и, скорее всего, отец отберёт его. Рука вновь начала искать рукоять ножа. Убить его, убить эту неблагодарную свинью, коль он не хочет бежать. Но Александр предусмотрительно откинул его подальше в сторону. Она попыталась скинуть с себя мужчину, но даже её сил, а силы у неё были немаленькие – не кисейная же она барышня из каменных городов, не хватило. Этот нахал вцепился в неё мёртвой хваткой. Попробовала было укунить его за щеку, но он нажал ей на горло локтем так, что круги пошли перед глазами.

– Послушай, Ассила, – услышала она его шёпот, от которого чуть было волосы не встали дыбом. – А не придушить ли мне тебя? Что мне с тобой церемониться. Не уговаривать же. Не захотела отдать, прибью и сниму с мёртвого тела.

– Н-не надо, не надо. Забери.

Саша рывком снял с оцепеневшей воительницы медальон и медленно, не спуская с неё глаз, отошёл в центр палатки к столбам. Можно было вернуться домой прямо сейчас – медальон был жёлтым, но хотелось добраться до своих, показать, вот он каков я, вернулся назад и не с пустыми руками. Ассила даже не шевелилась, лишь смотрела на него, провожая взглядом. Александр отвернулся и направился к выходу, нисколько не сомневаясь, что никто не посмеет остановить его.

– Ей, не знаю как тебя, постой.

Он обернулся – Ассила уже стояла, держа в руках натянутый лук. Совсем забыл об оружии вдоль стен. Хотел броситься к лежавшему неподалёку щиту, закрыться им, а потом двинуть этой дуре так, чтобы она до утра отлёживалась, но понял, что не успеет сделать этого.

– Меня зовут Александр. Можно Саша.

– Что за дурацкое у тебя имя?

– Тебя не спросили, когда называли.

– Не остри, давай-ка мне обратно Знак и иди на все четыре стороны. Предупреждаю последний раз.

Саша улыбнулся, вытащил из кармана медальон и спрятал руки за спиной.

– Ты не понял? Не играй со мной, – возмутилась Ассила, но почему-то тоже улыбнулась и ослабила грозившую сорваться с пальцев тетиву.

– Это ты не поняла. Ты не знаешь, на что способен этот медальон.

Ярко сверкнула вспышка, ослепив глаза до боли. Ассила выронила лук и бросилась под свои шкуры, в ужас зарывшись в них с головой. Она не знала, спасет ли её это от неведомой напасти, но ничего другого на ум не пришло. Было тихо. Ассила осторожно выглянула наружу – вокруг никого. Там, где стоял человек, остались лишь его следы.

17

– Фосея, – объявил Эллирий.

Высокие, стройные сосны сменились сколоченными из старых досок лачугами, покосившимися заборами. Похожие на бродяг люди пристально смотрели на плывущую по реке лодку, словно оценивали – есть ли там чем поживиться.

– Бывает, нападают на небольшие посудины, где охраны сильной не видно, – пояснил Вителий. – Почти как лесной народ. Но мы им, к счастью, не пришлось по вкусу.

Бродяги разочарованно отворачивались от лодки и уходили с берега. Эйнар покачал головой, невольно сравнивая столицу и этот город – первое знакомство с ним ему явно не понравилось. Но лачуги вскоре кончились, сменившись более приличными домами, где, судя по всему, жил рабочий люд. Два квартала разделяла широкая, спускающаяся к берегу реки, улица, по которой прохаживалась городская стража. И прохаживалась, наверняка, и днём и ночью.

– Смотри, – дернул его за рукав Эллирий.

Эйнар обернулся – над крышами домов в лёгкой туманной дымке возвышались крепостные стены и башни города.

– Ты не думай, почти весь город за стенами, а эти два квартала только вдоль реки. А дальше поле, почти как под стенами Флардии.

– Море.

Потрясённый до глубины души бескрайней, искрящейся синевой, Эйнар даже встал на ноги и застыл, словно статуя.

– Да сядь, упадёшь ещё, – потянул его на лавку Бирнезий.

Неподалёку от того места, где крепостные стены поворачивали вдоль берега, начинались причалы. Сначала самые обычные мостки для рыбацких лодок, затем побольше, добротнее, а там, где шумел многолюдный рынок, где стояли торговые лавки и портовые склады, берег был закован в камень, и от него, в море, отходили длинные языки сложенных из того же камня пирсов. От леса мачт рябило в глазах. Высокие и низкие, с вымпелами и без них, они раскачивались, словно лес во время ветра. Здесь всегда стояло великое множество кораблей. И не только с Острова – сюда частенько заплывали корабли и с материка, привозившие различные диковинки.

Лодка с четырьмя путешественниками причалила в стороне, рядом с похожими по виду посудинами рыбаков. Друзья забрали всё необходимое и направились в сторону порта. Там, на рынке или в кабаке, по словам Вителия, можно было легко найти корабль до Рамии. Рынок встретил их немыслимым шумом и гамом, толчеей – торговцы, матросы, пришедшие за покупками горожане, даже гуляющие девицы и ловкие карманники – всё смешалось на сравнительно небольшом пятачке между стенами города и морем.

Найти желающих перевезти подозрительную компанию в Рамию оказалось делом весьма непростым. Несколько часов кряду они ходили по различным трактирам, заходили на корабли, но никто не хотел связываться с четвёркой здоровых мужиков, по которым было видно, что им привычней держать в руках меч, чем соху. Наконец один из них – явно не рыбак и не торговец, судя по покрытому шрамами лицу, скорее пират – сказал им:

– Взял бы я вас. Ребята вы, сразу видно, лихие. Только иду я сейчас на юг. Впрочем, если желание есть, давайте со мной. Не обижу.

– Да нет, – ответил Эйнар. – Нам лучше в Рамию.

– Ну, коль так... А попробуйте-ка найти Риза. Я видел у причала его корабль. Он как раз ходит в Рамию.

– А где искать то?

– Да вы на рынке поспрашивайте. Его тут знают.

Нашли капитана на удивление быстро. Риз – мужчина лет тридцати пяти, высокий, ладно сложенный – как раз договаривался с торговцем зерном о покупке товара. Они встали в сторонке, подождать, пока он не освободится. Торговец и Риз о чём-то горячо спорили, оба бурно жестикулировали, казалось, что они вот-вот раздерутся друг с другом. Однако они при всём этом весело смеялись, то и дело хлопали друг друга по плечу. Наконец, в руки купца перешёл увесистый кожаный мешочек, и он что-то крикнул вглубь склада. Не прошло и десяти минут, как оттуда выехала запряжённая парой лошадей повозка, доверху гружёная мешками с зерном. Риз попрощался с торговцем и легко запрыгнул на борт за спиной возницы.

– Идём быстрее, – потянул всех Эйнар.

– Постой, – остановил его Вителий. – Я пойду один, поговорю с ним. Все вместе испугаем его, чего доброго.

Он бросился догонять повозку, окликая сидевшего на ней человека. Тот услышал, повозка остановилась. О чём они говорили, можно было только догадываться, но капитан отпустил возницу и направился вслед за Вителием.

– Так-так, – проговорил он, внимательно оглядев всех четверых. – Теперь я понимаю, зачем вам в Рамию. Но вы не бойтесь, – он усмехнулся, заметив, как рука Эллирия дёрнулась к ножу, – Я вас не выдам, сам тоже хорош.

– Ну, так согласен?

– Да, но с небольшим условием.

– Э, если рассчитываешь денег на нас заработать, то разочаруем тебя. У нас их кот напла-
кал.

– А я не о деньгах, – засмеялся Риз. – Я везу груз в замок Лаурд, и мне нужны хорошие воины.

– За овёс свой боишься? Ну, давай, попробуем.

– Вот и договорились. Идёмте на корабль. Я как раз собираюсь отплывать.

Корабль Риза стоял на окраине порта, около старого, почти сгнившего причала, среди разношёрстных рыбацких лодок. Довольно большая, крутобокая галера казалась китом, заплывшим в стаю к сардинам. На палубе никого не было, со стороны казалось, что корабль ничей, тем более он совсем не блистал чистотой. Но едва гости вступили на шаткий трап, их встретил высокий, широкоплечий матрос, вооружённый внушительного размера шипастой дубиной.

– Зерно мы погрузили, – доложил он. – Можно плыть, только... Только Кладиз куда-то запропастился. В город пошёл, да нет до сих пор.

– Ну и плевать на него, снимаемся с якоря. Лишь бы стражу на нас не навёл, – махнул рукой капитан.

Они осторожно спустились на палубу, стараясь не попасть в зияющие между досок трапа щели

– Куда нам? В трюме место найдётся? – спросил Вителий.

– Идём в каюту, будете моими гостями. Хоть поговорю с кем-то новым, надоело одни и те же рожи каждый день видеть.

Все пятеро прошли в небольшую надстройку на корме, где и располагалась каюта капитана.

– Неплохо, – проговорил Эйнар, осмотрев небольшое, но уютное помещение. По стенам висели дорогие ковры, ковёр был и под ногами. Слева стоял огромный сундук, справа, около небольшого окошка располагались стол и стулья. Дальнюю стену скрывала парчовая занавесь – там была спальня. – Хорошо устроился, Риз. Почти как во дворце.

– Ну, так всё время в море. Эта каюта стала моим домом. Хочется всё же тепла и уюта. Вы голодны? Садитесь-ка к столу, перекусим немного.

Он позвонил в колокольчик, и спустя мгновение появился матрос, державший на руках большой поднос со всякой снедью.

– Всё уже готово? – удивился Эллирий. – Однако.

– Друг мой, не первый год плаваем. Всех выдрессировал, – засмеялся капитан.

Голодные гости поспешили отдать должное талантам местного кока. Пока они с аппетитом перекусывали, снаружи раздался скрип снастей, хлопнул поднятый парус. Судно качнулось и, едва ощутимо покачиваясь на мелкой волне, двинулось вперёд.

– Не боишься в ночь плыть? – поинтересовался Эллирий.

– А чего бояться. Места эти я знаю, как свои пять пальцев, так что на скалы не налетим. Зато никто за нами не увяжется. Стража боится ночью плавать, да и охоты такой у них никогда не было. Вот в кабаке сидеть и девок мять – другое дело. Тут они впереди всех, – Риз усмехнулся.

– Ну, тебе виднее. Я то сам море, можно сказать, и не видел.

Корабль вышел из гавани – волнение стало сильнее, так что приходилось ловить норовившие упасть со стола тарелки и стаканы. Риз благодушно улыбался, смотря, как гости пытаются не испачкаться, а сам ловко то осушал стакан вина, то цеплял вилкой резанные овощи с большого блюда. В дверь каюты постучали и, не спрашивая разрешения, открыли её.

– Случилось что? – с лица капитана тут же сошла улыбка, но ругать вошедшего матроса он не стал – если человек вошёл без дозволения, значит, дело серьёзное.

– Похоже, погоня за нами, капитан. Три «щуки» следом увязались.

– Точно за нами?

– Кроме нас в море больше никого. Да и вряд ли эти олухи решили устроить себе морскую прогулку ночью.

– Вот это верно, – Риз буркнул какое-то ругательство, вскочил и выбежал на палубу.

Гости, переглянувшись, взяли с собой немного съестного и последовали за ним. Они поднялись на служившую капитанским мостиком крышу каюты, где у румпеля стоял рулевой, и пристроились рядом с перегнувшимся через планширь Ризом.

– Вон, полюбуйтесь, – показал тот на едва заметные сквозь темноту три суденышка.

– Глазастые у тебя парни, если распознали, что за корабли, – удивился Вителый.

– За то им и деньги хорошие плачу.

– А они нас точно догонят? Вроде не приближаются.

– Это только кажется так. Догонят. Мы же гружёные идём, да и корабль у меня не для таких гонок. А их не зря «щуками» прозвали. Одно радует – народу там немного, может и отобьемся.

Как и предрекал Риз, расстояние неумолимо сокращалось. Теперь их разделяло чуть больше полёта стрелы. На носу одной из «щук» появилось ярко-оранжевое пятнышко фонаря. Оно медленно, несколько раз, поднялось и опустилось. Потом раздался протяжный вой рога, после чего сигнал фонарём повторился снова.

– Ты смотри, какие они, – Риз добавил пару словечек покрепче и презрительно плюнул за борт в сторону дозорных. – Требуют парус спустить, – он повернулся к застывшим в ожидании на палубе матросам и скомандовал. – Лучники – готовьте стрелы и огонь, вы трое – быстро проверить пожарные бочки, наполнить, если не полные. Остальным надеть броню и ждать.

– Нам то куда? – спросил Вителый.

– Держитесь со мной рядом. Посмотрите, как эти сейчас драпать будут. А может и не будут...

Дозор приблизился на полёт стрелы.

– Эй, там, на корыте. Вам приказ не ясен. Спустить парус, – донеслось с одной из галер.

– На, выкуси! – Риз сложил фигу и показал её в сторону преследователей.

В ответ о борт стукнула пущенная на удачу стрела.

– Поднять заборол, – скомандовал Риз, и тот час вдоль бортов поднялись деревянные щиты.

18

Прошло лишь два дня, но Александр вновь задумчиво посматривал на спрятанный в ящике комода медальон. Прошли первые страхи, боязнь за собственную жизнь уже перестала быть тем, что ставило под сомнение верность решения. Любопытство, жажда открытий и приключений пересиливали здравый смысл, кричавший – побереги себя.

Сегодня Александр вновь решился испытать судьбу. Да и новых друзей хотелось пови-
дать – то-то обрадуются они, узнав, что он жив, здоров и медальон себе вернул. День про-
шёл в томительном ожидании. Нужно было собраться с мыслями, предупредить начальство
об отлучке, предупредить консьержа, что в течение нескольких дней его не будет дома. Саша
тянул всё утро, представляя недовольный, строгий голос начальника отдела, но, всё-таки,
позвонил на работу и решительно потребовал несколько дней отгулов. Сколько? А кто его
знает, как получится, босс. Аналитический доклад? Ах, какая жалость... Впрочем, ваш заме-
ститель вполне может справиться с ним...

Дождавшись вечера, он позвонил Анне, всё ещё не оставляя появившейся мысли поко-
рить её сердце, показав то, что можно увидеть лишь в кино, но девушки дома не оказалось.
Трубку взяла гостившая у неё тётя, любезно сообщившая, что Анна уехала навестить родите-
лей. Оставался Стрижевский. Компания, конечно, не такая приятная, но Александр, подумав,
что вдвоём веселее, решил позвонить ему. Иван Сергеевич согласился на удивление легко,
но предупредил, что придёт не один, а вместе с Николаем Сартаковым. И уже в конце их раз-
говора он намекнул, что у них возникла кое-какая идея, и он не прочь поделиться ей.

Идея так идея. Александр не придавал этому значения. Стрижевский и Сартаков появились
у него поздним вечером. Уже с порога Иван Сергеевич выпалил:

– Знаешь, друг, мысль появилась у нас одна.

– Я не удивлён, – равнодушно пожал плечами Саша.

– Да ты послушай! Мы хотим остаться там на некоторое время, чтобы лучше познако-
миться с местными обычаями и нравами. Составить представление о социуме, чтобы, в конце
то концов, понять, в каком обществе мы очутились. А ещё... ещё хотим найти второй медальон.

– Социум? – Александр засмеялся. – А второй медальон вам зачем? Да и есть ли
такой же?

– Если есть твой, то должен быть и второй, иначе тот, кто подкинул тебе медальон, не вер-
нулся бы обратно. А зачем он нам – узнаешь немного позже.

– Искать где его будете? Вы хоть представляете себе?

– Думаю, на месте разберёмся. Назовёмся собирателями легенд или составителями жиз-
неописаний – нам всю нужную информацию на блюде преподнесут. Уж поверь мне, друг
мой, я смогу разговорить любого и выведать всё, что мне нужно.

– Охотно верю.

Александр внимательно посмотрел в глаза Стрижевского, словно старался разглядеть
в них нездоровый, безумный блеск. Нет, глаза собеседника были такими же, как всегда, спо-
койными, с задорной искоркой. Он не безумен. Только самоуверен. Слишком самоуверен.

– Хорошо. Как хотите, только не пожалеть бы вам.

Напряжённая тишина воцарила над палубой. Матросы Риза молча смотрели на догоняв-
шие их галеры и мысленно готовились к предстоящей схватке. Кому-то сегодня суждено при-
нять смерть, кто-то уцелеет. Дело ожидалось нешуточным. Даже на памяти Риза не случалось
такого. Были, конечно, потасовки со стражниками в портах, сходились в abordажной схватке
один на один, но чтоб так. Капитан поёжился – на каторгу не хотелось. Ломать камни в душ-
ной темноте штольни, вместо того, чтобы подставлять лицо солёному морскому ветру? Лучше

уж смерть. Риз вздохнул, оглянулся на своих гостей. Те молча готовились к бою, проверяли остроту мечей и упругость луков. По ним не скажешь, что бояться – спокойны, словно каждый день ходят под смертью. Тёртые калачи.

Резкий возглас вдруг разорвал тишину:

– Что за... это что за гадость! Я вляпался во что-то!

Наверно, каждый на палубе в этот момент вздрогнул— голос доносился из каюты капитана, где – все знали – точно никого не было.

– Кто это там?! – Риз почувствовал, как от страха похолодело внизу живота. Он обернулся на Эллирия – тот пожал плечами, но отчего-то едва заметно улыбнулся. Эта улыбка не ускользнула от цепкого взгляда капитана.

– Идёмте со мной.

За дверью каюты слышалась возня и невнятный разговор двоих или троих. Риз вновь почувствовал, как к сердцу подбирается страх, и положил руку на рукоять меча. Призраки завелись? Не мог же на борт без спроса кто-то подняться. А уж тем более пробраться в каюту капитана, когда на палубе стоят вооружённые матросы. Но если это призраки – железяка здесь не поможет.

– Не надо, – прозвучал рядом с ухом тихий голос Эйнара.

– Мне кажется, вы знаете, кто там.

– Не уверен, но догадываюсь.

Риз внимательно, с укоризной, посмотрел на него, но руку с меча убрал. Собравшись с духом, он открыл дверь и вошёл вовнутрь. В каюте оказалось всего лишь трое мужчин, а никакие не призраки. Один лежал на перевернутых табуретах и пытался подняться на ноги. Его ступня застряла между стенкой и сундуком, и он, пытаясь убрать из-под себя табуреты, одновременно силился вытащить ногу, что не очень то получалось из-за качки и темноты. Второй угодил прямым в неубранные со стола объедки и теперь отряхивал испачканную одежду. Третий, запутавшись в занавеси, лежал на полу, пытаясь выбраться из пыльной, тяжёлой ткани.

– Да кто вы такие?! Как очутились здесь?! – закричал взбешённый Риз, и его рука опять дёрнулась к мечу.

– Постой, не шуми, – снова остановил его Эйнар.

В тёмной, едва освещённой крохотным масляным светильником каюте сложно было разглядеть лица, и он спросил, на всякий случай:

– Саша? Ты ли это?

– Да я это, я. Подожди, выберусь, – проговорил запутавшийся в ширме. – Куда нас на этот раз занесло?! В который раз в какие-то неприятности вляпываюсь.

– Вот видишь, Риз, – Эллирий положил руку на плечо капитана. – Товарищи это наши. Так что сейчас мы зададим этим стражником так, что мало не покажется.

– Но откуда они здесь?! Как?!

– И не спрашивай. Я и сам не понимаю, как они исхитряются появиться в нужное время в нужном месте. Вот как сейчас.

– Колдовство какое-то. Ну, раз так, пускай помогают. Вовремя подоспели. У меня сейчас каждый клинок на счету.

Риз вышел на палубу, оставив друзей наедине.

– Так куда в этот раз мы угодили? – осторожно поинтересовался Александр. – Я так понял, мы на корабле в море. На нас, конечно же, кто-то нападает? Угадал?

– Угадал! – засмеялся Эллирий. – Разомнёмся сейчас немного, мечами помашем. Ничего страшного, забава.

– Как это так? – не понял Николай. – Драться?

– А я предупреждал, что это не отдых на Бали. Не бойся. В пекло не лезь, от меня не отставай. Если что, сбежать успеем.

– То-то ты успел в тот раз, – проворчал Стрижевский.

– Бывают осечки, но всё пока обходится. Так что не бойтесь.

– Тебе легко говорить, опыт уже немалый приобрел. Или ты думаешь, что я каждый день с мечом тренируюсь?

– Вот сейчас и научишься. Придётся.

По скорости корабль Риза сильно уступал этим длинным, но очень узким, стремительным, словно шука, галерам, созданным специально для того, чтобы догонять в море и на реке пиратов и контрабандистов. Расстояние уже сократилось меньше чем на полёт стрелы. Команда Риза дружно спустила тетиву. Горящие стрелы, прочерчивая в темноте красивые, яркие огненные дуги, сорвались с тугих луков. Они впивались в борта галер, отчего те стали похожи на украшенные к празднику суда с множеством весёлых огоньков. Однако огни быстро гасли – солдаты были начеку и вовремя успевали заливать водой огонь. В свою очередь их стрелы, рисуя в воздухе огненные дорожки, обрушились на корабль Риза. С глухим стуком впивались они в доски палубы и бортов то тут, то там, но матросы не зевали и споро окатывали палубу и борта водой.

Две галеры сжимали свою жертву, словно в клещах. Третья пока держалась сзади. Риз недовольно покосился на неё. Он понял, что задумал противник. Сейчас его сдавят с бортов, остановят, а эта со всего разгона воткнёт свой таран в корму его корабля. А это конец. Противник неумолимо приближался. Их разделяло всего каких-то шагов двадцать-тридцать, и в ход пошли дротики. Ещё немного, и дело дойдёт до абордажной схватки.

– И долго это будет продолжаться? – спросил у Бирнезия испуганный Николай.

– Надеюсь, что нет, – спокойно ответил Бирнезий и, резко встав, отправил в противника очередную стрелу. Снова спрятавшись за бортом, он добавил. – Ты расслабься, возьми лук, постреляй.

– Я не умею.

– Научишься, смотри, как я делаю. Дело не хитрое. Просто нужно попасть в борт горящей стрелой. Тут доплюнуть можно, не то, что дострелить.

– Давай, разомнись, – отозвался Александр.

Неожиданно рядом раздался глухой стук, и кто-то испуганно вскрикнул. Саша обернулся – между ног сидевшего на палубе Стрижевского воткнулся дротик. Сам доктор заметно побледнел, подался назад, упершись спиной в ведущий на мостик трап.

– С боевым крещением тебя, – пошутил Давыдов. – Повезло, что не левее и не правее.

Иван Сергеевич что-то рассержено пробормотал и, не глядя, метнул дротик обратно. И тут его словно осенило. Невзирая на летящие вокруг стрелы, он вскочил.

– Эх, я дурень! У нас же есть бензин! Костры разжигать брал.

– И молчит! Давай, неси быстрее.

Пригнувшись, Стрижевский сбегал в каюту и принёс оттуда полулитровую жестянку.

– Это всё? – приуныл Саша. – Одной трёх не сожжёшь.

– Осталась ещё одна. Может, и этой хватит. Будем надеяться, что остальные испугаются и сбегут.

Он отвернул пробку, оторвал кусок ткани от своей рубашки и затолкал его в бутылку так, чтобы она пропиталась бензином.

– Эй, вы, что там делаете? – спросил Эйнар.

– Сейчас увидишь.

Александр поджёг фитиль и встал в полный рост. Мимо свистнуло пара стрел, но он словно не замечал их. Глаза искали место, куда можно было бы кинуть бутылку так, чтобы её не успели скинуть за борт. Однако толком ничего не было видно, и он кинул её наудачу. Снаряд прочертил в воздухе огненную дугу и упал на палубу корабля противника рядом с мачтой. От удара фитиль вылетел из отверстия, бензин выплеснулся и растёкся по дереву палубы

огненными струями. Тот час загорелась оказавшаяся рядом просмоленная верёвка. Полыхнувшее пламя загло подвязанный к рее парус, добралось до свёртков со стрелами. Не прошло и двух минут, а огонь уже полностью властвовал на палубе. Солдаты и матросы даже не попытались бороться с ним. Побросав оружие, они бросились за борт, посылая в сторону контрабандистов такие проклятия, что Риз заскрежетал зубами и едва не приказал стрелять по плавающим в воде людям. Когда в воду прыгали последние, выбравшиеся из трюма гребцы, галера была полностью охвачена пламенем. Огненный столб поднимался высоко в небо, освещая всё вокруг ярко-оранжевыми отблесками.

– Что это было? – поражённые до глубины души матросы обступили гостей, ожидая разъяснений.

– Не знаю, – прошептал Эллирий. – Сам вижу такое впервые.

Эйнар и Бирнезий тоже лишь пожимали плечами, а остальные сделали вид, что не слышат вопросов.

Сражение тот час прекратилось, все опустили луки и с изумлением смотрели, как возникший практически из ничего огонь пожирал остатки судна. Александр подошёл к противоположному борту и крикнул:

– Эй! На галере! Если не уберётесь отсюда, с вами будет то же самое!

Спорить с ним смельчаков не нашлось. Кормчий резко переложил руль, и корабль ушёл в сторону, развернулся и направился обратно. Маячившая за кормой третья галера сразу сбавила ход и быстро растворилась во мраке.

– Ну, молодцы! – Риз крепко обнял каждого из непрошенных гостей. – Выручили! Если бы не вы, не знаю, что с нами случилось.

– С нами поплывёте? – спросил Эйнар.

– А куда направляется этот корабль?

– В Рамию, в замок Лаурд.

Весь следующий день дул попутный ветер, и, ближе к вечеру вахтенный матрос крикнул с «вороньего» гнезда:

– Клония!

Александр вышел на палубу и увидел окутанный лёгкой дымкой большой город. Сквозь туман медленно проступали крепостные стены и башни, облепившие их здания, причалы, у которых стояли корабли. Уже был слышен шум улиц, чьи-то крики, звон молота, бьющего по железу... Рядом раздались шаги – Риз, не спеша, подошёл к гостю и вальяжно облокотился о борт.

– Любуешься? Сам хожу в море полтора десятка лет, а тоже люблю смотреть, как приближается город. Сначала его не видно, лишь серая пелена у горизонта, потом различаешь шпили башен, крепостные стены, а потом и остальное. А когда подплываешь к причалам, видишь встречающих, видишь, как они машут тебе руками, что-то кричат. Кругом уже все знакомые. В каждом порту знаешь чуть ли не всех. Ты сам плавал когда-нибудь?

– Под парусом никогда.

– А, да. Эйнар рассказал про тебя кое-что. Я, правда, не совсем всё понял. Какие-то другие миры... Я далёк от этих чудес, для меня главное, что ты не нежить какая-нибудь, а обычный, живой человек. Тень от тебя есть, по ночам ты не превращаешься в волка, так что всё в порядке. Ну, а остальное не важно. Вот, что мне не нравится, так это то, что потом нам придётся подниматься на вёслах вверх по реке. Не люблю я этого, мне нужен морской простор, солёный морской ветер и волны выше мачты...

– Скажи мне, Риз, Лаурд осаждён? Я подслушал разговоры матросов, – перебил Александр капитана.

– Ну, да. Там засел один сумасшедший герцог, или как там его ещё величают. Объявил императору Рамии войну, думал столицу даже взять, но его быстро поставили на место. Из-за чего этот сырбор разгорелся – не спрашивай, не знаю. То ли из-за земли, то ли из-за денег. А, может, из-за красотишки какой-нибудь. Всё как обычно. Герцога этого в замок загнали, осадили, а взять никак не могут – там большой гарнизон и хорошие укрепления. Впрочем, рамийцы особо не стараются – кому хочется со своими земляками воевать. Вот так и сидят. Одни обстреливают замок из катапульт коровьим дерьмом, а те по ночам устраивают всякие гадости. То своруют чего-нибудь, то поймают какого-нибудь офицера, покупают его в выгребной яме, обваляют в перьях и отпускают обратно такого красивого.

Подошёл Стрижевский.

– Мы с Николаем решили остаться в Клонии, – прошептал он Александру на ухо, и Риз вежливо отошёл в сторонку, чтоб не мешать разговору.

– Как вы вернётесь, если не найдёте медальона? Где встретимся?

– Давай через два месяца, а где – в городе решим.

– Не бойтесь? Без медальона вы сможете рассчитывать только на свои силы.

– Да не волнуйся, не маленькие мы. Здесь не так уж и дико, как может показаться.

Пришвартовались как обычно, в стороне, подальше от любопытных глаз, к старому причалу. Гнилые доски и покосившиеся балки нисколько не смущали Риза. И, тем более, не смущало и то, что по соседству оказалась лишь какая-то рыбацкая лодка, такая же старая и гнилая.

– Этот хлам того гляди развалится, – недовольно проговорил Эйнар, когда его нога попала в щель, и он судорожно вцепился в плечо оказавшегося под рукой Бирнезия.

– Смотри под ноги, – посоветовал Эллирий. – Куда идём-то?

– Нужно жильё подыскать друзьям моим, – ответил Александр. – Они останутся в Клонии.

– А, это вы без меня. Не люблю я по дворам чужим мотаться. Возьмите с собой Вителия, он всё знает, человек бывалый.

Эллирий и Бирнезий пожелали товарищам удачи, а сами свернули в сторону городского рынка, где публика посolidнее и трактиры чище. И, что немаловажно, на них никто не обратит внимания. Эйнар с Вителием отправились вместе с Сашей. В центр города решили не ходить – там ничего, кроме постоянных дворов не найдёшь, а это и дорого, да и мало ли что – городской дозор всегда приглядывает за такими заведениями. Пошли на окраину, где жила городская беднота. Они будут только рады принять постояльцев, да и гроши возьмут за уголок в сарае около дров. Так сказал Вителий, однако всё получилось наоборот. Они стучались в один домик за другим. Но никто не хотел брать к себе на постой двух подозрительных на вид мужчин. Не помогали ни уговоры, ни посулы щедро заплатить за приют.

– Придётся в город идти, – уныло проговорил Александр, но тут Вителий указал на стоявшую на отшибе лачугу с заколоченными окнами и дверьми.

– Пустой домик, может и поселиться можно. Сейчас у соседей спросим, что к чему здесь.

Вителий подошёл к соседнему дому и постучал в дверь. Послышался злобный лай собаки, затем шаркающий шаг.

– Кто там? – раздался недовольный мужской голос.

– Эй, хозяин. Мы жильё ищем, увидели, что дом соседний пустует. Там можно остановиться?

Дверь открылась, и на пороге появился тучный мужчина лет шестидесяти с обрюзгшим от пьянства лицом. Показав в ухмылке ряд сгнивших до корней зубов, он прошамкал:

– Ну и кто тут поселиться хочет?

– Да вот, двое наших друзей.

– Не подходящее для них место, – ответил мужчина, осмотрев с ног до головы Ивана Сергеевича и Николая. – В наших местах даже рыбаки уже не живут, здесь обитают только пропившиеся бездельники, отслужившие своё проститутки, да больные проказой и сифилисом, которых не успели отправить на Острова смерти. Ну и те, кого нужда или война бежать заставила. Так что подумайте, прежде чем селиться здесь.

– Ну, что будете здесь жить? – спросил Александр у Стрижевского.

– Поживём. Мы сюда ненадолго.

– Так этот дом никем не занят?

– Уже год как в нём никто не живет. И, честно говоря, никто из местных не будет в нём жить. Даже если прижмёт сильно.

– Что же так? Оборотни и приведения житься не дают?

– Ба! Шутник нашёлся. Всё проще и страшнее. Семья жила здесь. Мужик, баба да ребятишек пятеро. Мужик полюбовницу себе завёл, а жена застучала их вместе, причём на супружеском ложе. И что вы думаете, взяла мужнин тесак, отрубила своему мужское достоинство, а девке всё лицо изрезала. Короче говоря, утопился он в тот же день. А та отомстить решила. Взяла топор да порубила всех в этом доме, даже детишек не пощадила. Вот такая история.

– Жутковато, – произнёс Стрижевский. – Но ничего, поживём.

– Дело ваше, если хотите, открывайте дом да живите. Никто не прогонит вас.

Они попрощались и подошли к дому. Неказистая лачуга после рассказа соседа казалась по меньшей мере замком графа Дракулы. Но никто из пятерых не был чересчур суеверен, так что товарищи смело сорвали с заколоченной двери доски и вошли. Сразу очутились в полутёмной комнате, служившей прежним хозяевам и гостиной, и спальней и кухней. Сквозь пыльные, затянутые бычьим пузырём окна едва пробивался солнечный свет, освещая покрытые толстым слоем пыли участки пола. Почти в центре комнаты находилась печь, служившая и для приготовления пищи, и для обогрева. На ней располагались ряды полок с кухонной утварью (как ни странно, но её даже не растащили), рядом стоял большой стол, а сзади расположились кровати, кое-как сколоченные из досок и заваленные сеном.

– Почти все вещи сохранились, – проговорил Эйнар.

– Ещё бы, после такого, – ответил Стрижевский, поднимая с пола какую-то тряпку с тёмными пятнами от крови.

– Вон, пол весь кровью залит. И вы здесь останетесь?

– Останемся. Наведём порядок, и можно будет жить.

Порядок наводили до вечера – за прошедший год пыли и грязи здесь скопилось прилично. Ветер постоянно нёс сюда песок с берега, и он сквозь щели проникал повсюду. Солнце давно скрылось за крышами соседних домов, когда работы были окончены. Стрижевский нашёл несколько свечных огарков, изрядно обгрызенных мышами, зажгёт их в глиняной плошке. На удивление яркий, жёлтый свет осветил комнату, и она сразу преобразилась, стала уютной. От страхов не осталось и следа, произошедшее здесь уже казалось просто страшной сказкой.

– Нам пора на корабль, – проговорил Александр, пожимая товарищам руки. – Удачи вам и будьте осторожны.

– Тебе тоже удачи. О встрече договорились.

19

Утром корабль снялся с якоря и, миновав длинную песчаную косу, заваленную принесёнными рекой ветками и прочим мусором, вошёл в речное устье. Росший по берегам лес не давал здесь разгуляться ветру. Парус безвольно повис, словно какая-то тряпка, и его без сожаления убрали в трюм. Борты ошестинились рядом тяжёлых вёсел, они опустились в мутную речную воду, скрипнули уключины.

– И... раз! И... два! – донеслись с мостика команды кормчего. Внизу, поддерживая ритм, забухал барабан.

– Ну, всё. Начинается. Сейчас как улитки ползти будем, – проворчал Риз, смотря, как медленно, ужасно медленно, проплывают мимо него берега. – До Салнии рукой подать, а мы два дня тащиться будем.

– Ты спешишь что ли? – усмехнулся, глядя на него, Эллирий.

– Да ты не понимаешь. Нет здесь морского простора и вольного ветра, где корабль летит, словно птица. Это река, и всё на ней какое-то медленное, вязкое, как болото.

– Перетерпи немного и вернёшься в своё море, будет там тебе простору до изжоги.

– Перетерплю.

Корабль медленно продвигался вперёд, и по-прежнему мимо него так же медленно тянулись поросшие лесом берега. То и дело встречались деревни да небольшие, обнесённые деревянными оградами, городки. Проплывали мимо купцы. И так до самого вечера. А когда стемнело, корабль Риза пристал рядом с небольшой деревушкой, где и расположились на ночлег. Александр со спутниками обосновались на первом попавшемся сеновале. Неспешно перекусив захваченным с собой ужином, они улеглись на душистое сено и завели немногословный, неторопливый разговор. Полные желудки изрядно отяжелили тело, и разговор не клеился, каждый то и дело зевал, заражая зевотой другого.

– Ни разу не спал на сеновале, – проговорил Саша невнятным, сонным голосом. – Утром траву из штанов не придётся вытряхивать?

– А ты сильно не ворочайся, – отозвался Бирнезий.

Александр устроился поудобнее, положил под голову одолженный Ризом шерстяной плащ и быстро уснул.

Утром его бесцеремонно растолкал Бирнезий. Остальные уже встали и ушли умываться к реке.

– Сколько времени? – спросил всё ещё не успевший отойти ото сна Александр.

– А кто ж его знает. Часы только в городах есть, а здесь мы по солнцу живём. И оно уже встало.

Зевая и потягиваясь, Александр поднялся на ноги и поспешил за направившимся к реке товарищем. Посёлок тоже просыпался. Из крайнего, у реки, дома вышел дровосек с топором на плече. Бросив приветливый взгляд на гостей, он махнул рукой, желая доброго утра, и пошёл в сторону леса. В соседнем доме хозяйка выводила на лужок бурёнку. Кто-то уже колот дрова. Всё дышало благостью и спокойствием. Зато на корабле жизнь была ключом. Риз громогласным голосом отдавал команды: проверить то, проверить другое, проверить третье и не спать на ходу. Не занятые на вахте матросы в спешке умывались с берега и бежали по трапу на борт, на ходу перекусывая яблоками.

– И здесь никому поспать не дают, – проворчал Саша.

– Ничего, чем раньше встанешь, тем больше успеешь.

Они поднялись на палубу и столкнулись нос к носу с капитаном. Он как-то оценивающе посмотрел на них и проговорил так, словно отдал команду:

– Вы встали. Хорошо, не придётся вас хоть будить. У меня матросы так умотались этой греблей, еле растолкал. А пора уже плыть дальше. Ну да ладно, скоро отчалим. А вы давайте ко мне в каюту, перекусим.

Судно преодолело крутой поворот, едва не натолкнувшись на коряги, каким-то образом оказавшиеся чуть ли не на середине реки, и вахтенный крикнул с «вороньего гнезда»:

– Салния!

Из-за деревьев медленно выползали городские стены. В отличие от того, что Александр видел в Фосее и Клони, стены здесь были сделаны из огромных дубовых брёвен. Когда-то кому-то показалось, что излишне таскать сюда камни, поэтому под топор пошли все окрестные дубы. В результате получилось довольно много свободного места для городских кварталов и кажущаяся неприступной, могучей, прочная деревянная стена. Обмазанная у земли и в стыках брёвен чем-то тёмным, издали она казалась полосатой. Со стороны реки стены города вплотную примыкали к берегу, дополняясь широченным и длинным, от одного угла до другого, помостом-пристанью, где располагались и портовые склады и множество постоянных дворов и, конечно же, местный рынок.

Корабль пришвартовался как всегда в стороне от шумной толпы.

– Я пойду в город, нужно кое-какие дела сделать, – сказал Риз Эйнару. – Вы оставались бы на корабле, если не хотите попасть в лапы стражи – здесь слишком близко от столицы, вас могут искать.

Тот послушался совета, да и особого желания гулять по городу не было. Приближавшаяся ночь располагала ко сну, и никто не нашёл себе лучшего занятия, как лечь и вздремнуть часок-другой, а то и вовсе до утра.

Сон взял своё, и проснулись они лишь утром под мерное поскрипывание уключин плывущего вверх по течению корабля. Эйнар вышел на палубу, где встретил Риза. Капитан недовольно хмурил брови, то и дело оглядывался назад, но, заметив гостя, встретил его доброжелательной улыбкой.

– Далеко мы от Салнии? – спросил Эйнар осмотревшись по сторонам.

– Далеко, вечером в Далии будем.

– Мы что, всю ночь плыли?

– Пришлось убраться поскорее. Я подумал – лучше рискнуть напороться на корягу, чем оказаться в городской тюрьме, а то и в канаве с ножом в животе. Благо небо ясное, луна яркая.

Появившиеся на палубе Эллирий с Вителием озирались по сторонам, с любопытством осматривая окружавшие их берега. Вителий то и дело озадачено чесал затылок, словно не понимал, где они сейчас. Возможно, эти места были ему знакомы, и он был изрядно удивлен, поняв, как далеко они от Салнии.

– Вечером в Далии будем, – пояснил Эйнар.

– Это сколько мы проспали? День и еще одну ночь? – не понял Эллирий.

– Да брось ты. Мы всю ночь плыли.

– Ух, поскорее бы добраться до этого Лаурда, будь он неладен. Надоело мне плавание это.

– Неужто не нравится? – Риз даже обиделся немного.

– Не моё это. Тебе вот море подавай, а мне коня да поле бранное. Ты просто не знаешь, как это, когда мчишься, одетый в броню на вражеские ряды. Они выставляют копья, а ты бросаешь на них своего коня, ломаешь древки, разбиваешь их строй и рубишь головы направо и налево...

– Разошёлся. А по тебе не скажешь, что такой кровожадный.

Между тем, в Клони, Стрижевский и Сартаков не теряли времени. Иван Сергеевич громко постучал в соседский дом. Как и в первый раз, сначала послышался яростный собачий

лай, а спустя пару минут послышались неспешные, шаркающие шаги, тихое ворчание, и дверь открылась.

– А, это вы. Ну, как устроились? – старик шмыгнул носом.

– Устроились неплохо. Поговорить вот только хотели бы с тобой, если не против.

– Поговорить? А о чём со мной говорить таким благородным господам. Хотя, я польщён. Последние несколько лет меня и видеть никто не хотел, не то, чтобы говорить.

– Мы хотим спросить, не знаешь ли ты, где находится храм Лабека?

– Как, вы не знаете?! Однако. По-моему, уж сейчас то каждый о нём знает. Хотите попасть туда, так вам прямая дорога в Далию, там сейчас собираются почитатели Лабека. Оттуда и дойдёте вместе со всеми. Только, как я на вас погляжу, не похожи вы на них. Может вы не с Острова?

– Может и не с Острова. Только ты бы лучше рассказал, как нам добраться до самого храма, безо всяких там почитателей.

– Вас интересуют сокровища храма? Говорят, там много чего имеется. И самое ценное – не золото или драгоценные камни, а амулеты, оставшиеся от древних богов. Только не думайте, что вам удастся что-то украсть. Их стерегут силы нечеловеческие.

– Ничего не хотим мы там красть. У нас другое дело. Мы...

– Да мне всё равно. Хотите грабить храм, грабьте, не хотите – дело ваше. А храм найти несложно. Доберётесь до Альвары, а оттуда на запад, прямая дорога до храма. С пути не собьётесь. А если вы не местные, так вам любой встречный дорогу расскажет.

– А где нам лошадей достать? – продолжал свои расспросы Стрижевский.

– На базаре, конечно. Не знаю, как у вас, а у нас всё на базаре. Всё, что нужно для путешествия, там сможете купить. Были бы деньги.

– А это можно обменять на деньги? – Иван Сергеевич достал из кармана довольно большой кристалл искусственного рубина.

Глаза соседа загорелись, дрожащие руки сами потянулись к камню.

– Дайте поглядеть, – прошептал он, едва не задыхаясь от изумления. – Я ведь когда-то в учениках ювелира ходил, а такого никогда не видел.

– Ответь на мой вопрос, – Стрижевский спрятал кристалл за спину.

– Есть на рынке ювелирные ряды. И не бойтесь, вас никто не спросит, где вы его взяли, особенно если с ценой загибать не будете. И просите за него не меньше четырёх сотен, он того стоит.

– Спасибо, сосед. Вернёмся, отблагодарим тебя. А сейчас возьми хоть это, – Стрижевский порылся в кармане и достал оттуда пару медяков.

– Вот спасибо, уважили старика. Обязательно выпью сегодня за ваше здоровье.

Иван Сергеевич и Николай попрощались и вернулись в свой дом. И тот и другой решили больше не задерживаться здесь. К чему терять время, если впереди долгая дорога и приключения. А в самом конце пути древний храм с загадками и сокровищами. Собрав пожитки, они заколотили окна и двери, после чего направились на рынок.

Их встретил совсем другой мир. Мир кричащих продавцов, зазывающих в свою лавку покупателей, мир денежных мешков, неспешно обходящих одну лавку за другой, скупая всё нужное и не нужное им, мир не поддающихся исчислению толп нищих, бросающихся на каждого встречного в попытке выпросить подачку. Тот тут, то там сновали ловкие карманники, способные незаметно вытащить кошелек даже из самых потаённых мест. Кричали одуревшие от суеты ослы, ржали лошади, хлопали плётки погонщиков. И кругом всё, что только можно себе представить – от самого простого пшеничного зерна до каких-то экзотических благовоний. Они не знали, где находятся эти ювелирные ряды, а спрашивать у прохожих не решались – не известно, на кого нарвёшься в этом бедламе. Приходилось проходить ряд за рядом.

– Иван, смотри-ка, оружие, – дёрнул Николай за рукав Стрижевского.

– Не спеши, у нас ещё денег то раз и обчёлся. Обменяем камень, а потом пройдемся по рядам ещё раз. Ты только запоминай, где чего находится, чтобы опять искать не пришлось.

– Попробуй, запомни тут.

– А ты постарайся.

Оружейники наперебой предлагали клинки. Тут были и самые простые железки грубой поковки, и самые настоящие произведения искусства, с сияющими, словно изнутри матово-голубыми лезвиями, с рукоятью, украшенной драгоценными камнями. Не счесть было ножей и кинжалов, различных метательных приспособлений от луков до самострелов. Глаза разбегались.

– Идём же, Николай. Не стой столбом, – тащил Иван Сергеевич остолбеневшего товарища.

Наконец начались ряды ювелиров, поразившие своей тишиной и спокойствием. Здесь не было толчеи, не было нищих и воров. Из конца в конец ходили стражники, охраняющие покой прогуливающих по рядам благородных дам и их спутников. На Сартакова и Стрижевского посмотрели с подозрением, но трогать не стали, видимо их вид внушал кое-какое доверие.

Они выбрали первую попавшуюся лавку, где не было посетителей.

– Здравствуйте, – ювелир внимательно осмотрел их с ног до головы. – Молодой человек ищет подарок для возлюбленной? У меня много красивых и недорогих украшений. Посмотрите?

– Может, вы посмотрите, что мы хотим вам предложить, – Стрижевский протянул вперёд ладонь, на которой лежал камень.

Ювелир от неожиданности громко икнул. Посмотрел на камень, затем в глаза гостя.

– Это что? – спросил он. – Откуда у вас такой камень?

– Не волнуйся, не украли.

– Позвольте-ка, – ювелир осторожно взял камень в свои руки, посмотрел его на свет. – Такой большой, никогда раньше не видел ничего подобного. Это просто невероятная редкость. И вы хотите с ним расстаться?

– Да, нам нужны деньги.

Ювелир сел за стол, на котором стояли весы, лежали какие-то приспособления. Сначала он тщательно взвесил камень, после чего принялся чем-то тереть его, капать на его грани что-то из своих склянок. «Проверяет, совсем нет к людям никакого доверия», – подумал Иван Сергеевич.

– Думаешь, подделка? – спросил он. – Разве кто может подделать такое?

– Могут, – ответил ювелир, даже не оторвавшись от работы. – Есть умельцы-стекольщики, которые и форму нужную стеклу придадут и окрасят так, что оно засияет всеми цветами радуги, словно бриллиант. Потому и проверяю. А то камушек этот слишком большой. Найти такой просто огромная удача, такое раз в сто лет бывает. А где вы нашли его, если не секрет?

– Это сокровище из древнего клада, – не раздумывая, выпалил Стрижевский.

– Из клада? У нас на Острове и такие клады?

– Не на Острове. Мы, друг мой, везде путешествуем, многие земли видели.

– Везёт же вам. Я тоже в молодости мечтал о неведанных землях, хотел наняться матросом на какое-нибудь судно. Но отец сказал мне – Скарис, забудь о неведанных землях, а то останешься нищим, вот тебе моя лавка, станешь ювелиром, когда я на покой отойду. Ну и вот, я стал ювелиром.

– Думаю, ты не жалеешь.

– Не жалею. Всегда в тепле, всегда сыт... М-да, камушек ваш настоящий. И он просто идеален. Так вы его точно продаёте?

– Продаём, продаём.

– И сколько вы хотите за него?

– Пятьсот.

– Пятьсот? Я вижу, вы неплохо осведомлены о ценах на драгоценности. Только я считаю, что за камень, всё же неизвестного происхождения, это слишком высокая цена. Понимайте, я, не проверяя вас, тоже рискую. Куплю я сейчас его, а завтра придут стражники и скажут, мол, откуда у тебя камень, который сняли с мёртвого тела какого-нибудь вельможи. А я что им скажу? Приходили путешественники, продали мне его? А они спросят, почему у нас их не проверил? Триста пятьдесят.

– Послушай меня, Скарис. Мы сейчас пойдём к другому ювелиру и договоримся с ним хотя бы на четыреста пятьдесят. А ты будешь кусать локти и колени. А что касемо твоей стражи, то вряд ли они на нас что-либо имеют.

– Убедительно говоришь, незнакомец...

– Моё имя Иван.

– Убедительно говоришь незнакомец Иван. Поэтому я соглашусь на четыреста тридцать. Поверь мне, вряд ли кто из этого ряда предложит больше. Его же ещё нужно будет продать так, чтобы поиметь прибыль, а дороже пяти сотен точно не продашь.

– Ну, хорошо, нас устроит твоя цена.

Скарис тяжело вздохнул, утёр пот со лба.

– Я сейчас.

Он вышел и вскоре вернулся с кожаным мешочком, полным золотых монет. Развязав мошну, ювелир высыпал тонкие, блестящие кругляшки на стол и принялся отсчитывать нужную сумму. Ловкие пальцы быстро разделили монеты на две кучки, одну из которых он сгрёб обратно.

– Всё, пересчитайте.

Стрижевский не поленился, всё тщательно пересчитал – ювелир не ошибся, ровно четыреста тридцать.

– Лишнего кошелька не найдётся? – спросил он Скариса.

– Такой пойдёт? – тот извлёк из ящичка полотняный мешочек.

– Пойдёт.

Стрижевский собрал деньги, похлопал ювелира по плечу.

– Спасибо, выручил.

– Не стоит благодарностей, я ведь зарабатываю на этом. Заходите ещё, буду рад встрече.

Иван Сергеевич и Николай вышли и первым делом решили отправиться на поиски подходящих лошадей. Стойла с выставленными на продажу животными располагались на краю рынка, и пришлось пройти немало по всё той же толчее торговых рядов, прежде чем дойти до них. В основном, конечно, здесь были рабочие лошади, которые тянут за собой повозку или плуг. Неказистые, с толстыми, сильными ногами, они спокойно стояли у кормушек, пережёвывая очередную порцию овса. Встретились и годные под седло, но они выглядели не на много лучше тяжеловозов.

– Может, хоть их возьмём, – предложил Николай. – Мы тут сейчас до вечера проходим.

– Не спеши, должны же тут быть и нормальные лошади, на которых и сесть не стыдно.

Разговор услышал стоявший неподалеку хозяин двух мохнатых, словно зубры, тяжеловозов.

– Породистых скакунов ищите? Есть тут одно место, подальше немного, справа. Только там купить таких сможете. Я вижу, приезжие вы, не знаете города. У нас не как в столице, люди попроще, и лошади тоже попроще. Ну, а на взыскательный вкус, только там.

Иван Сергеевич и Николай направились в указанном направлении, и вскоре увидели стойло, где ржали и задирали друг друга от нетерпения пять молодых коней. Эти отличались от других на рынке как небо и земля. Изящные ноги, лоснящиеся чёрные бока, всё было пре-

исполнено той звериной грации, которая восхищает настоящих ценителей. Путешественники замерли, словно вкопанные, невольно залюбовавшись ими.

– Лошадками интересуетесь? – к ним тот час подскочил хозяин. – А деньжата то имеются на таких? Они дорого стоят.

– Ну и сколько это, дорого? – спросил Стрижевский, презрительно прищурившись.

– По пятьдесят за каждого.

– Они хоть объезжены, не скинут?

– Да, под седлом бывали. А ты, что, покупать собрался?

– Ну да, а зачем же мы здесь по-твоему? Возьмём двух, – Стрижевский, не торгуясь, достал из пояса кошелёк и принялся отсчитывать сотню золотых.

Удивлённый хозяин даже застыл на мгновение – не ожидал, что эти двое, по виду хотя и не оборванцы, но и не богачи, так, не торгуясь, купят сразу двух дорогуших коней. Иван Сергеевич глянул на него краем глаза.

– Ну, что застыл, выводи и седлай их.

– За сёдла и уздечки ещё пять, – растерянно пробормотал торговец.

– Ну на, возьми, – Стрижевский отсчитал ещё пять монет и добавил едва слышно. – Жмот.

Продавец сразу оживился, лихо свистнул, подзывая своих работников. Те, незамедлительно, вывели коней, оседлали и подвели к покупателям.

– Зовут то их как? – спросил Николай.

– Да никак, не давали мы им кличек. Сами дадите.

Сартаков легко вскочил в седло – он частенько ездил верхом, так что навык был, Стрижевский же забрался с трудом.

– Ну, что Николай Алексеевич, закупим припасы и в путь?

Они запаслись в дорогу съестным, купили всякую необходимую в пути мелочь, кое-какое оружие и, решив больше не задерживаться, сразу отправились в дорогу. Бесцельно поплутав по городу, посмотрев напоследок его немногочисленные достопримечательности – три фонтана, один из которых, на радость местному сильному полу, венчала сотворённая крисонским скульптором русалка с обнажённым бюстом – Стрижевский и Сартаков покинули Клонию.

20

Далия встретила гнетущей тишиной. Час ещё не был поздним, солнце лишь слегка покраснело, склонившись к закату, но рынок рядом с пристанью удивил своей пустотой. Привычный городской шум, его многообразие звуков исчезли, словно их и не было. На мгновение показалось, что город вымер.

Кормчий негромко окликнул капитана и показал глазами в сторону причалов. Риз в ответ покачал головой, говоря взглядом: не надо, плывём дальше. А сам перегнулся через планширь, стараясь разглядеть, что же происходит в городе. Незанятые на вёслах, все до одного столпились у левого борта в надежде увидеть на берегу хоть одного человека. Но корабль плыл всё дальше и дальше, оставляя город позади. Впереди показалась излучина, Далия вот-вот скроется из виду, так и оставив неразгаданной загадку, но в последний момент со стороны ворот донёсся неясный шум, все увидели как распахнулись высокие створки, и из города хлынула колонна вооружённых людей, возглавляемых десятком всадников. Один из них держал над головой знамя – изображение золотой маски на чёрном полотнище.

– А это что ещё такое?! – удивлённо спросил Эллирий. – Паломники собрались в храм Лабека?

– Похоже на то, – мрачно ответил Риз. – Только, боюсь, не в храм они направляются. Странные дела творятся, друг мой. Думаю, всё к войне идёт, к большой войне.

Корабль плыл дальше, и город, наконец, скрылся из виду.

– Застава скоро, – сообщил Риз. – Как пройдем поворот, готовьтесь, может и драться придётся. А ещё подальше застава рамийцев. И там, может, подерёмся. В этот раз письма от нужного человека у меня нет.

– Руки уже чешутся, – бодро, словно соскучившись по драке, отозвался Эйнар.

– Надеюсь, твоё желание не сбудется, в каждой стычке теряю кого-нибудь. Хватит. Хорошую команду тяжело набрать.

Судно прошло крутой поворот, стараясь держаться ближе к обрывистому правому берегу. Дальше река текла прямо, берега становился пологими. Здесь и стояла застава. Небольшой деревянный причал вдавался на десяток шагов в реку, ближе к лесу виднелся высокий деревянный частокол с возвышавшимися над ним сторожевыми вышками. Зоркий взгляд Эйнара разглядел ещё и ров, но его, видимо, давно не чистили, так что он совсем заплыл и местами зарос высокой, в человеческий рост, крапивой.

Застава была пуста. Над оградой не вился дымок печных труб, на вышках не было видно ни одного дозорного. Да и обычной для речной стражи небольшой галеры не находилось на положенном ей месте.

– Вот это да, – Риз покачал головой. – Все ушли. Видать, неважны дела в Элиаре.

– Тебе ли переживать, – усмехнулся Эйнар. – Без драки обошлось.

– Надеюсь, рамийцев так же проскочим. Вон их застава, за рощей уже видна.

Солнце быстро опускалось за верхушки деревьев, и реку окутали серые вечерние сумерки. Всё разом потускнело, поблёкло, деревья на берегу превратились в неясные тени. С каждой минутой становилось темнее, и Риз надеялся, что может и удастся проскочить незамеченными. В такое время стражнику не до службы. Все мысли об ужине, да о том, как бы вздремнуть, да так, чтобы командир не заметил.

Корабль медленно двигался вперёд, преодолевая сильное течение. Риз, стоя на носу, всматривался туда, где расположилась рамийская застава, надеясь, что везение не оставит его. Может, и они тоже ушли? Но нет. На берегу показались добротные бревенчатые срубы с высокими, крытыми дранкой крышами и возвышавшимися над ними трубами, из которых струился лёгкий сизый дымок. В окнах светились огни, а на улицах мерцали факела на длинных шестах.

Риз вздохнул – нет, рамильцы не ушли, и что сейчас случится, известно лишь богам. Он тихо отдал команду матросам, и они заняли свои места. Двое с мощными наборными луками расположились на носу, чтобы, случись что, быстро заставить замолчать не в меру ретивого дозорного. Вёсла в руках гребцов бесшумно опускались в воду. Ни единого всплеска, ни единого звука. Корабль скользил по речной глади, словно призрак.

– Дозорных нет, – послышался громкий шёпот одного из смотрящих.

– Как так нет? – Риз бесшумно пробрался на нос. – Они там гуляют что ли?

– Небось плюнули на службу и вино лопают.

Корабль уже поравнялся с причалом, но никто так и не поднимал тревоги.

– Эй, смотри-ка, что там понаписали, – пробасил Эллирий, показывая пальцем на сколоченный из досок щит на вбитых в берег двух столбах с намалёванными на нём чёрной краской кривыми, неуклюжими буквами. – «Подойди к причалу и ударь било». Эти рамильцы совсем обленились.

Пронесло – подумалось Ризу. Но в этот момент что-то закрипело, заскрежетало. Корабль быстро сбавил ход, хотя гребцы и старались изо всех сил, остановился и, движимый неодолимой силой, откатился назад. Предательски громко зазвенели на берегу колокольчики, и из домов начали выбегать солдаты. Натянутая в воде между берегов сеть крепко зацепилась за выступающий вперёд на семь локтей таран.

Даже в полумраке было видно, как побледнел Риз. Он обернулся по сторонам – несколько десятков глаз смотрели на него, спрашивая – что делать, капитан? Встречаться с рамильским стражами никому не хотелось.

– Что встали! – закричал Риз, срывая голос. – Сеть рубите!

Несколько матросов прыгнули за борт и принялись рубить канаты. В пару ударов удалось перерубить верхний, а вот с нижним пришлось повозиться. Люди по очереди ныряли под воду и пилили мечами, словно пилой, неподатливую, разбухшую пеньку. А рамильцы уже как-то отцепили свою снасть от противоположного берега и бодренько наматывали на здоровенный ворот коварную сеть, подтягивая корабль к причалу. ежде на везение..ом, как бы вздремнуть, да так, чтобы командир не заметил. ольшой деревянный причал вдавался на десяток шагов в реку, ближе к лесу виднелся высокий деревянный частокол с возвышавшимися

– Эй, вы! – заорал Риз. – Пустите, а то стрел наших отведаете.

– Только попробуй! – ответили ему, и солдаты на причале взялись за луки. – Наших сейчас получите.

– Риз, не стреляй. Они сейчас всех твоих в воде перебьют, и всё равно подтащат нас, – зашептал капитану на ухо Эллирий. – Лучше пусть вылезут, не успеют перерезать же.

– И что дальше? В плен сдадимся? Знаешь хоть, что с нами будет?

– Зачем в плен, мы их на причале сейчас порубим всех.

– Ты что, белены объелся! Их там с полсотни, а нас, если не считать гребцов, два десятка только будет. Они нас сами сейчас в два счета разделают на жаркое.

– Спокойно, делай, как я сказал. Может, другое что придумаем, пока не знаю.

Риз огляделся, словно искал ещё какой-то выход из сложившейся ситуации, махнул рукой и приказал всем выбираться из воды.

– Так бы и сразу, – отозвались рамильцы. – Оружие не забудьте отложить.

Команда тот час положила мечи и щиты на палубу, люди подошли к борту, облокотились на планширь. Казалось, что контрабандисты, смирились со своим положением. Рамильцы тоже успокоились, опустили натянутые луки, закинули за спину щиты.

– Если будет драка, мы идём первыми, – тихо сказал Эллирий, по-прежнему пряча за ногой обнажённый клинок. – Вы тот час поднимаете оружие и за нами следом. Всё поняли?

– Попались, голубчики, – абордажные крюки зацепились за фальшборт и закрепили корабль у причала.

– Капитан кто здесь? – вперёд вышел рослый седоусый воин, видимо командир.

– Я капитан, – ответил Риз.

– Ты что, не знаешь, что на заставах нужно останавливаться? Куда плывёшь? В Лаурд? И, похоже, не впервой – рожа твоя мне знакома, да и корабль, кажись, тоже – в темноте не разглядеть.

– Если я скажу, что не в Лаурд, ты мне поверишь?

– Конечно, нет. Тут перед ним всего одна захудалая деревенька. Вы же не туда ведёте под завязку загруженное судно. Наверняка, оружие в трюме, ну или крицы для кузниц.

– Нет, всего лишь зерно.

– Ладно, хватит препираться. Давайте все на берег, в сарае переночуете, а завтра разбираться будем.

– Мы можем договориться? – Риз едва удержал уже готового броситься Эллирия.

– Договориться? А что ты готов предложить нам? Не думаю, что у тебя хватит денег на всех моих ребят.

– Денег не хватит. А я и не хочу вам предлагать деньги. Я могу предложить вам разойтись по-доброму по-здоровому.

– Что ты сказал?! – возмущённый рамиец сделал шаг вперёд, чтобы схватить наглеца за шиворот и вытащить с корабля, но вдруг замер – меч стоящего рядом с капитаном человека внезапно оказался около его шеи как раз там, где пульсировала жила.

– Сделайте хоть одно движение, он умрёт, – громко сказал Эллирий. – А ты давай, перелезай к нам. Прокатимся вместе немного.

Рамиец понял, что самое разумное с его стороны – подчиниться. Не помирать же из-за своего упрямства; глаза человека, державшего у его шеи клинок, красноречиво говорили, что будет, если он вздумает выкрутасничать. Офицер спокойно перелез через борт на корабль. Тот час несколько матросов вновь прыгнули за борт и перерезали оставшиеся канаты. Другие отрубили веревки абордажных крючьев. Оттолкнулись от причала, вёсла дружно ударили о воду, и корабль пошёл вперёд, увозя с собой незадачливого командира рамийской заставы.

– Как звать то тебя? – спросил Эллирий, убрав свой меч.

– Бреарг.

– Не обижайся, Бреарг. Сам виноват, что не дал нам уйти. А теперь вот придётся тебе пешком по берегу в ночь топать. Ну, ничего, пару факелов дадим, чтобы ноги себе не переломал.

– Давно в Лаурд ходите? Неужели хорошо так торговать? – рамиец спокойно сел на попавшую под руку бочку и принялся лузгать семечки, аккуратно выкидывая шелуху за борт.

– Да я то сам не торговец. Мы тут впятером случайные попутчики. Нужно в Рамию было попасть, вот и свела нас судьба с этим кораблём.

– А что в Элиаре не живётся? Натворили что-нибудь?

– Есть маленько. Да и не по своей вине, но пришлось бежать.

Подошел Риз. Усмехнулся, поглядев на мирно беседующих Эллирия и рамийца.

– Отплыли порядочно. Тебе пора на берег. Хотя, если хочешь, с нами идём.

– Ха, с вами идти, с разбойниками – насмешил. У меня отец сотником был, и дед сотником был. И я сотником был и останусь.

– Ладно, сотник. Сейчас к берегу подойдём ближе, прыгай за борт. На заставе штаны высушишь.

Бреарг остался на берегу, а корабль плыл дальше до тех пор, пока не стало совсем темно. Встав на якорь в небольшой протоке, Риз выставил часовых, а остальным разрешил спать.

На следующий день тёплую, солнечную погоду сменил холодный, пришедший с северным ветром, дождь. Александр накинул на себя плащ с капюшоном и вышел на палубу подышать свежим воздухом. У борта стоял ёжившийся от холода Эйнар.

– Что, насиделся в трюме? – спросил он, стуча зубами.

– Душно там, дышать нечем. Здесь хоть свежо, сосенки вокруг стоят. Там, откуда я родом, такой пейзаж поискать нужно.

– Риз просил настороже быть. Боятся кого-то, наверное, тех, кто Лаурд осаждают. Вот я и сторожу – закоченел уже.

– Да кто нападёт на реке по такой погоде. Сейчас только под крышей сидеть и горячим вином греться.

– Может быть. Но мало ли что. Так что буду стоять дальше.

– Остальные то где?

– У Риза в каюте.

Время шло отвратительно медленно, словно само по себе замедляя свой бег. Вокруг не было ни души, лишь раз на берегу показался лось, вышедший попить воды, да и тот, увидев корабль и человека на нём, поспешил обратно в чащу. К вечеру впереди показалась тёмная громада замка. Величественные башни выплыли из серой мглы, сразу поразив своими размерами и мощью. Эйнар и Александр стояли на носу и, открыв рты, смотрели на приближавшийся город. Лаурд располагался по обоим берегам реки, опоясанный тремя рядами каменных крепостных стен. Внешний ряд проходил над рекой широким двухпролётным мостом, путь под которым преграждала толстая ржавая цепь. Две другие стены находились лишь на левом берегу и соединялись у причалов в одну.

Корабль заметили уже издалека, и над башней взвился зелёный флажок. Спустя мгновение раздался жуткий скрежет, и цепь ушла под воду, освободив дорогу в город. Риза здесь знали, так что никого из гостей не удивило, что в бойницах стены и башни появились фигурки людей, машущие им руками. Над головой медленно проплыли замшелые серые камни, и корабль оказался в городе. Впереди по курсу находился пустой, если не считать полдюжины небольших лодок, причал.

– В хорошие времена здесь было не протолкнуться, – проворчал кормчий. – А сейчас, сами смотрите, никого. Всё война.

Александр лишь рассеянно кивнул, продолжая озираясь по сторонам, рассматривая высокие здания справа и неприступную, высоченную стену по левому борту. На причале уже появились несколько человек военных и десятка полтора носильщиков. Риз с носа приветственно поднял руку – солдаты на берегу ответили тем же.

Борт корабля глухо стукнул о свешенные с причала деревянные кранцы, на берегу приняли брошенные с судна канаты и накрепко привязали их к каменным столбам. Затем перекинули трап, и на палубу поднялись носильщики и трое военных.

– Приветствую тебя, Риз, – один из них крепко обнял капитана.

– Привет тебе, Стиципий. Давно не виделись.

– Давно. Я думал, ты забыл о нас, решил оставить Лаурд подыхать с голоду. Что привёз?

– Немного оружия, зерно, вяленое мясо и вино.

– Прекрасно. Сейчас всё выгрузим, пересчитаем и по деньгам решим.

Стиципий отдал команду носильщикам, и они направились в трюм.

– Послушай, со мной тут пятеро есть, рубаки бывалые. Бежали из Элиары в Рамию. Может, останутся в Лаурде ненадолго? А будет случай, они уйдут, – осторожно спросил Риз, дождавшись, когда спутники лаурдца отойдут в сторону.

– У нас нахлебников и так хватает, – Стиципий вздохнул. – Желающих мечом помахать здесь более чем достаточно. Но, если они умеют ковать и чинить доспехи или печь хлеб, оставим их.

– Они не куют и не пекут. Они хорошие бойцы и могут дать фору любому из твоих головорезов.

– Не болтай ерунды. Им и со мной не справиться, если это те, кто у борта стоят. Двое сосунки какие-то, двое староваты для бойцов, а этот от вина распух.

– А ты проверь их.

– Проверить? Ладно, уговорил, думаю, будет забавно. Но это только ради нашей дружбы.

Стиципий подошёл к пятерке новоприбывших, внимательно, с ухмылкой на лице, оглядел каждого.

– Ну что, кто хочет попробовать против меня? Справится, оставлю вас в замке. А нет, так отправитесь обратно, шагу на причал не дам ступить.

– Давай со мной, – Эйнар сразу вышел вперёд, оттолкнув руку пытавшегося удержать его Бирнезия.

– С тобой? Да ты же ещё мальчишка.

Эйнар усмехнулся и, ничего не ответив, достал из ножен меч. Стиципий пожал плечами и, вдруг, резко выхватил клинок и нанёс удар в голову, да такой силы и быстроты, что все вокруг, даже опытные вояки, ахнули, ожидая увидеть противника с разрубленным черепом. Но тот его легко парировал, поднырнул под руку лаурдца и очутился за его спиной, едва сдержавшись от соблазна огреть того плашмя по мягкому месту. Стиципий едва успел развернуться следом. Последовало ещё несколько ударов, и простых, и с финтами, но безуспешно – мальчишка легко отбивал атаки и разгадывал любую хитрость, словно лет десять провёл в армии. Стиципий начинал злиться, его удары посыпались один за другим, но безуспешно. Эйнар то парировал клинком, то ловко уходил с линии удара. Он с трудом сдерживал улыбку, которую у него вызывали яростные, часто прямолинейные и бесхитростные попытки лаурдца. Отбив ещё несколько отчаянных выпадов, он ловким движением отвёл в сторону меч Стиципия и крутанул его так, что рукоять вырвало из руки. Остриё клинка упёрлось в горло обезоруженного офицера.

– Я тебя убедил?

Стиципий негромко кашлянул и осторожно, пальцами, убрал от горла клинок. Он посмотрел на едва сдерживающего смех Риза, улыбнулся сам и спокойно, словно совсем ничего не произошло, проговорил:

– Вполне. Надеюсь, остальные так же хороши?

– Хочешь сам проверить ещё раз?

– Нет, пожалуй, хватит. Так и быть, отведу вас к герцогу.

Пришлось ждать пока закончат с разгрузкой, за ходом которой, за отсутствием более интересного занятия, пятеро товарищей наблюдали с палубы корабля. Больше часа носильщики таскали из трюма мешки и свертки. Постепенно бывшая вровень с причалом палуба поднималась всё выше и выше. А когда с корабля был унесён последний мешок с зерном, она возвышалась над мостовой на половину человеческого роста. Отпустив рабочих, Риз и Стиципий уединились в каюте, видимо чтобы согласовать денежные расчёты. А когда они вышли, оба казались весьма довольными, лица их немного раскраснелись, и от каждого исходил едва заметный запах хорошего вина. Лаурдец махнул рукой, приглашая идти за ним, и ловко сбежал по трапу на берег.

Город встретил незваных гостей узкими лабиринтами улочек, вдоль которых стояли однообразные серые дома. Застоявшийся воздух пропитался запахами дыма, жаркого из трактиров, проoulки пахли помоями и мышами. Он сильно отличался от довольно чистых городов Элиары. Высокие стены зданий нависали над улицами, лишая их солнечного света, поэтому, когда солнце склонилось к закату, здесь стало совсем темно. По пути встретились фонарики – они зажигали один за другим свисавшие на цепях светильники. Кроме них, да ещё патрулей, никого больше не было видно. Как пояснил провожатый – из-за осадного положения горожане

вечером предпочитают посидеть дома, отдохнуть – вдруг завтра что-то случится. Лишь немногие коротали время до ночи в тавернах. Наконец, Стиципий вывел их на городскую площадь, где и располагался дом правителя, разительно отличавшийся от других нарядностью фасада и присутствием у двери стражи.

– Ждите меня здесь.

Ответив на приветствие солдат, он скрылся за тяжёлой дубовой дверью, а оставшиеся на улице присели на крыльцо в ожидании вестей.

Стиципий отсутствовал недолго. Уже минут через пять, скрипнув, открылась дверь.

– Идёмте.

Они прошли в пустующий тёмный холл и поднялись по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж, где в кабинете их встретил герцог. Он поднялся из-за заваленного бумагами стола и подошёл к гостям. На вид ему было около сорока. Среднего роста, широкоплечий, он напоминал на рабочего-лесоруба. Серые глаза бросали жёсткий взгляд из-под густых бровей, тонкие бледные губы на гладко выбритом лице казались тетивой лука. Остановившись в нескольких шагах, он внимательно, с головы до ног, осмотрел всех пятерых, пристально взглянул каждому в глаза, затем спросил:

– Вы из Элиары?

– Да, – ответил Эйнар.

– Почему вы бежали?

– Слишком много дрались, а это не понравилось властям.

– И это всё? Больше ничего?

– Да вроде нет.

– Как зовут вас?

Эйнар представил каждого, затем представился сам.

– Я разрешу вам остаться в городе, – произнёс герцог, немного подумав. – Но вы не будете зачислены в гарнизон, а это значит, что добывать пропитание придётся самостоятельно. На вас возлагается обязанность являться на сборы ополчения в случае штурма замка. Если откажетесь повиноваться, вас просто выкинут отсюда.

– А где нам жить? Неплохо бы иметь крышу над головой.

– Об этом не волнуйтесь. Около реки много пустующих домов. Если всё ясно, можете идти.

Герцог коротко кивнул на прощанье и вернулся за стол, однозначно дав понять что разговор закончен. Эллирий хотел что-то спросить ещё, но Стиципий потянул его за рукав, тихо шепнув, что не стоит более испытывать терпение лаурдского властителя. Они вышли на улицу. Стало уже совсем темно. Лишь коптящие светильники немного освещали улицы.

– Дорогу обратно найдёте? – спросил Стиципий.

– Найдём.

– Тогда удачи вам. Сегодня лучше переночуйте у Риза, а дом утром подыщите. Кстати, услышите колокол – бегом на главную площадь. Там собирается ополчение. А то... Сами слышали. Герцог не шутит...

21

На четвёртый день своего пути Иван Сергеевич и Николай добрались до Флардии. Они перешли реку по большому деревянному мосту и оказались перед воротами, которые местные называли Закатными. Был полдень, но небо затянули тяжёлые серые тучи, то и дело проливавшиеся на землю дождём. Стрижевский поёжился под плащом – верх рубашки промок и неприятно лип к телу. Хотелось скорее в тепло. Рядом непрерывным потоком в обе стороны шли люди, проезжали повозки. Все куда-то спешили, старались обогнать друг друга на подходе к воротам. Перед воротами желающие попасть в город выстраивались в две очереди – в первой те, кто путешествовал налегке, во второй – большей частью купцы с набитыми товаром повозками. Были ещё третьи, свободно проходившие в город и перекидывавшиеся со стражниками приветствиями.

Довольно многочисленная стража собралась под навесом около костра, по-очереди проверяя въезжающих в город. Дело шло бойко. Купцы сами отсчитывали пошлину за товар, путешественники без напоминаний предъявляли к досмотру завернутое в тряпицу и крепко связанное оружие.

Николай и Иван Сергеевич быстро перевязали крестовины своих мечей куском верёвки, и когда к ним подошёл солдат, сами протянули ему оружие рукоятями вперёд. млю дождём. азывали Закатными.

– Стой, не спеши, – проговорил тот, мельком глянув на мечи, и схватил обеих лошадей под уздцы. – Кто такие, зачем в столицу едете?

– Мы проездом, – ответил Николай. – Едем в Рамию. Решили передохнуть в вашем городе, обогреться. Погода-то вон какая.

– Погода... Да, не сахар. Ладно, проезжайте. Только смотрите, без шалостей. Чуть что не так, головы вам не сносить, порядки сейчас в городе строже стали, особенно насчёт драк.

– Не волнуйтесь, мы обычные путешественники, а не какие-нибудь там разбойники. Вы бы только сказали нам, где остановиться можно. Только чтобы место поприличней было.

– А, здесь недалеко, первый поворот направо. Постоялый двор «Вертел» называется. Там и поспать и поесть хорошо можно, и служанки сговорчивые.

Николай поблагодарил стражника, и они въехали в город. Многолюдный поток тянулся от небольшой, расположенной за воротами, площади по ведущей к центру улице. Повозки занимали всю её середину, оставляя по краям немного места для снующих горожан и приезжих. Путешественники пристроились за нагруженной бочками телегой и, смотря по сторонам, двинулись следом, с любопытством рассматривая высокие каменные дома. Первые этажи, как всегда, были заняты мастерскими, продающими всякую снедь лавочками и дешёвыми забегаловками, из окон которых доносился шум голосов, пьяные выкрики. Останавливаться в них не хотелось, и они надеялись, что порекомендованный солдатом трактир окажется лучше.

Они едва не проехали тот первый поворот, представлявший собой узенькую щель между линией прилепленных друг к другу домов.

– Это здесь? – удивлённо спросил Стрижевский сам не зная кого.

– Посмотрим.

Смело прорезав расступившуюся по сторонам толпу, они нырнули в проход. Запах залежавшегося мусора сразу ударил в нос, Николай поморщился и поспешил к видневшемуся впереди выходу. Они попали на соседнюю, вполне тихую улочку и упёрлись в дом на котором красовалась яркая вывеска с изображением поросёнка на вертеле. У дверей вертелся прыщавый молодой парень, оживившийся при виде подъехавших всадников. Он вытянулся в струну и выпалил заученную фразу:

– Добро пожаловать в «Вертел»! У нас отличная кухня и чистые комнаты!

Стрижевский придирчиво осмотрел фасад и, оставшись довольным, проговорил:

– А, пожалуй, мы остановимся здесь.

– Тогда позвольте проводить вас в конюшню, – парень подхватил поводья и потянул лошадей за собой.

Они прошли через арку на задний двор, где под навесом располагались стойла. Облепившийся от безделья конюх (компанию ему составляла всего одна захудалая кляча) нехотя оторвался от своей бутылки, но всё же принял гостей любезно. С первого взгляда оценив их коней, он вертелся и раскланивался, надеясь на подачку. Стрижевский дал ему мелкую монету, пообещав вознаградить посерьёзнее, если кони будут сыты и в добром здравии. Провожаемые клятвами и заверениями конюха, они поспешили пройти в трактир.

В зале, под потолком, висел лёгкий сизый туман от подгоревшего на сковородках жира. С непривычки немного защипало глаза и нос, но через минуту дым перестал мешать, а донёсшиеся с кухни ароматы жаркого пробудили зверский аппетит. Обстановка была простой, незатейливой. Несколько длинных столов от стены до стены занимали большую часть помещения. Слева от входа располагались полки с посудой, небольшой столик и стул, где сидел хозяин заведения. Народу было немного, всего пятеро мужчин, сидевших порознь. Они лишь покосились на приезжих и продолжили трапезу, не испытывая к ним более никакого интереса. Путешественники присели с краю, подальше от входной двери.

– Что угодно господам? – спросила подошедшая служанка, смазливая девчонка лет семнадцати с томными, зовущими глазами.

– Что у вас тут поесть и выпить имеется? – спросил Стрижевский.

– Если хотите, чтобы быстрее, то поросёнок есть холодный, овощи свежие всякие. Вино только красное осталось, местное. Южное кончилось, а белого уже месяц не видели. Вода ягодная была вроде. Если подождёте, то сделаем всё, что скажете.

– Да что ждать то. Давай, неси поросёнка своего, овощей. Вино сильно кислое?

– Кислятина, хотя, некоторым нравится.

– Давай и вина, и воду ягодную тоже давай. И ещё: выясни насчёт свободных комнат, нам остановиться до утра нужно.

Служанка улыбнулась и исчезла на кухне. Вернулась она минут через пять с огромным подносом, на котором красовалось блюдо с поросёнком, обложенным различными овощами и два кувшина. Поставив всё на стол, она улыбнулась ещё раз и отошла в сторонку.

– Коля, она похоже на тебя глаз положила, – засмеялся Иван Сергеевич, разливая вино по стаканам.

– Да брось ты, ей не важно, с кем спать, лишь бы деньги платили. Кстати, а здесь вилок и тарелок не предлагают? Руками всё есть, что ли?

– Не забывай, что ты не во французском ресторане. Будь проще.

Стрижевский достал свой нож и, отрезав у поросёнка заднюю ногу, впился в неё зубами.

– Неплохо, весьма неплохо, – проговорил он с набитым мясом ртом. – Особенно с дороги. Давай-ка выпьем с тобой за удачу, которая нам очень понадобится.

– Умгу, – ответил Николай.

Они стукнулись стаканами и, в два глотка, даже не поморщившись, опорожнили их и налили ещё. Вино оказалось довольно приятным, хотя и слишком кислым на вкус. Но после отдающей тиной воды из фляг оно было, словно нектар. И вино, и еда, и даже ягодная вода в мгновение ока исчезли в желудках истомлённых путешественников. Николай, довольно улыбаясь, откинулся на спинку стула, думая, не заказать ли ещё что-нибудь, но Стрижевский уже подозвал служанку и попросил её проводить в комнату. Отдав деньги за обед, они поднялись на второй этаж, где располагались номера для постояльцев.

– Эта ваша, – указала она на одну из дверей в коридоре.

Они вошли в небольшую, чистую и уютную комнатку с двумя кроватями. Перина на них пышностью, правда, не выделялась, но оставляла вполне благоприятное впечатление.

– Если что нужно, зовите. Я сегодня здесь допоздна, – служанка ещё раз обольстительно улыбнулась, и вышла за дверь.

Иван Сергеевич и Николай переглянулись, пожали плечами.

– К черту этих служанок, спать что-то хочется, – зевнул Стрижевский.

Побросав все свои вещи, они, не раздеваясь, повалились на кровати, и через несколько минут комнату сотрясал громкий храп.

Проспав весь вечер и ночь, на следующее утро путешественники проснулись очень рано. Солнце только-только поднялось над горизонтом, осветив мягким розоватым светом верхушки крепостных стен и башен. А улицы города ещё кутались в тени сумерек. Поёживаясь от утренней прохлады, Иван Сергеевич и Николай спустились вниз, и вышли из дома к конюшне. Проснувшиеся кони довольно фыркали, тыкались тёплыми носами в щёки хозяевам, предвкусывая необременительную, как и в прошедшие дни, прогулку по лесной дороге. Стрижевский разбудил спавшего конюха и, поблагодарив его, вручил серебряную монету, отчего тот мгновенно проснулся и, сообразив, что щедрые господа собрались уезжать, быстро и умело оседлал им коней.

Желая посмотреть город, они двинулись к Северным воротам. Найти их было несложно. Как сказал конюх, их соединяла с Закатными почти прямая дорога, так что нужно просто ехать по ней и никуда не сворачивать. Путешественники снова проехали через щель между домами и очутились на той самой улице, по которой вчера вошли в город. Только теперь здесь было пустынно, лишь рыбаки и охотники встречались по пути, спешившие до открытия рынка раздобыть что-нибудь на продажу. Сартаков и Стрижевский неспешно ехали по улице, разглядывая дома и находившиеся в них, ещё закрытые заведения.

Час пути прошёл совершенно незаметно, и они подъехали к воротам. Ворота оказались закрытыми. Солдаты городской стражи дремали на лавках под навесом в нише между башней и стеной, выводя такие рулады, что дух захватывало. Судя по всему, они даже не думали открывать ворота в ближайшие несколько часов. Недовольный Стрижевский растолкал лежавшего крайним стражника и, не дав ему опомниться, высказал ему возмущенным голосом:

– Что такое? Почему не открыты ворота? Открывай, давай.

– А ты то кто таков, чтобы командовать тут, – стражник зевнул и хотел было снова лечь, но Иван Сергеевич не дал ему сделать этого.

– Открой, мы спешим очень. Я заплачу.

– Да брось ты душить. Заплатит он, понимаешь ли. В семь откроются эти ворота, как по закону положено. И ни минутой раньше. Если не терпится, езжайте к Закатным, они всегда открыты, Рамийские ещё пораньше открываются. Или поспите вон там, на сене. Время то, – он взглянул наверх. – Всего половина пятого. И приспичило же вам.

Он лёг и сразу начал легонько похрапывать. Стрижевский и Николай переглянулись – делать было нечего, этих не переубедишь. Привязав коней к коновязи, они расположились у стены на разваленном сене. По началу спать не хотелось, но постепенно сон своё, и они уснули.

– Эй, проснись, – разбудил Николая чей-то голос и последовавший за ним лёгкий пинок в поясницу. Он открыл глаза и увидел того самого стражника. – Вставайте, ворота открыты.

Николай нехотя поднялся, разбудил заспавшегося Стрижевского, и они, прыгнув в сёдла, покинули столицу.

Дорога тянулась однообразной серо-коричневой лентой. Город скрылся за лесом, и путешественники, немного поговорив о нём, замолчали. Говорить, почему-то, не хотелось. Каждый думал о своём. День прошёл уныло, благо хоть погода подарила ясное небо, и не надо

было думать, где прятаться, если пойдёт дождь. С наступлением темноты они спешили и отошли в сторону от дороги. Расположившись на небольшой лесной поляне, путешественники привязали коней поближе к небольшому роднику, развели костерок и, поужинав, завернулись в плащи и уснули.

Следующий день ничем не отличался от предыдущего – всё та же дорога, всё тот же лес по сторонам. Лишь изредка попадались небольшие караваны купцов и одиночные путники. Так же редко встречались и деревни. Складывалось ощущение, что к северу от столицы вся жизнь замирает. Путешественники уже успели наговориться обо всём на свете, да не по одному разу, поэтому большую часть времени они снова ехали молча, уныло осматривая однообразные пейзажи. Лишь неожиданно появившаяся развилка разнообразила бедный на события день. Одна дорога превращалась в две. И ни одного указателя, и, как назло, ни души. Да и обе дороги казались одинаково хоженными.

– Ну? – спросил Николай.

– Что ну?

– Куда теперь?

– Спроси что-нибудь полегче.

– Ты не знаешь, куда нам ехать? Здорово, сейчас свернём не туда и заблудимся так, что обратной дороги не отыщем. Так и останемся жить здесь.

– А откуда мне знать. Я что, по-твоему, всю жизнь в этих местах прожил?!

– Нужно было спросить в городе про дорогу.

– Умный, сам то, что не спросил?

Сартаков махнул рукой, сошёл с коня и сел у обочины.

– Может, монетку подкинем?

– Ха, тоже мне, придумал.

– Предложи другое, а я не собираюсь сидеть здесь до ночи.

– Хорошо, давай. Профилем вверх – по правой, короной вверх – по левой.

Стрижевский щелчком подкинул медяк и, поймав его на ладонь, накрыл другой.

– По правой, – торжественно огласил он, подняв руку, и пришпорил своего коня.

22

Три дня спустя после прибытия Риза в Лаурд случилось то, чего так не хотел капитан, боясь потерять хороший доход от контрабанды – город всё же получил независимость. Видимо, всех настолько утомило это противостояние, что император Рамии, будучи человеком разумным, предпочёл прекратить эту междоусобицу. Желая, так же, сохранять контроль над замком, он отдал свою сестру в жёны герцогу Лаурда, чему тот совсем не был против, скорее, наоборот.

В Лаурде был праздник. Праздновали все без исключения, позабыв про свои дела. Пустынные улицы мгновенно наполнились людьми, отовсюду слышался смех, звучала весёлая музыка. Сегодня таверны угощали любого, даже самого последнего бродягу, за счёт казны. Рады были все, даже поначалу недовольный Риз заулыбался и присоединился к общему веселью. По большому счёту, всё для него складывалось, не так уж и плохо. Теперь он мог заняться вполне легальной торговлей, приносившей, правда, меньшую прибыль, но более безопасной.

Огромная толпа собралась на площади перед раскрытыми настежь воротами в предвкушении долгожданного угощения. Радостные крики прогремели над городом, когда на одной из улиц показались повозки, везущие бочки с вином и всяческие разносолы. Охранявшие их стражники с шутками отталкивали подальше желавших поскорее добраться до съестного и прокладывали дорогу сквозь людское море в центр площади. «Налетай!» – послышался возглас старшего, и сотни рук потянулись к раздававшим угощение слугам герцога. Началась свалка, но страже удалось навести некое подобие порядка, так что дело ограничилось несколькими десятками ушибов и отдавленных ног. От ворот донеслись восторженные крики хмельной толпы:

– Ура! Привет первым гостям свободного Лаурда! Добро пожаловать в свободный Лаурд!

Толпа колыхнулась в сторону, едва не потоптав зазевавшихся. Поддавшиеся всеобщему напору, Саша и Эйнар оказались рядом с воротами.

– Смотри! Смотри, Александр! Это же твои друзья!

Тот приподнялся на цыпочках и рассмотрел въехавших в город людей. Увидев их бледные от испуга лица, он рассмеялся и, замахав рукой, крикнул, что было силы:

– Эгей! Иван! Коля! Сюда! Я здесь!

Когда Стрижевский и Сартаков проехали в раскрытые ворота, они сперва растерялись, даже немного испугались. Со всех сторон к ним ринулась огромная кричащая толпа. Неизвестно чему радующиеся люди приветствовали их словно старых друзей, протягивали им свои наполненные вином стаканы и кубки.

– Добро пожаловать в свободный Лаурд! – слышалось отовсюду.

Николай растерянно посмотрел на Ивана Сергеевича, но тот лишь что-то зло пробурчал себе под нос.

– Мы не туда свернули, – проговорил Сартаков. – Налево нужно было.

Они, не останавливаясь, продолжали путь через расступавшихся перед ними горожан. Люди не лезли под коней, но отовсюду тянулись руки с угощением, то и дело путешественники ощущали дружеские хлопки по ногам. Откуда-то слева раздался знакомый голос – голос Александра. Николай обернулся и увидел в толпе знакомые лица. Дернув Стрижевского за рукав, показал на друзей, и они свернули к ним навстречу.

– Привет вам, путешественники. Вы то как очутились здесь? Не сюда же собирались? – Саша, улыбаясь, пожал и тому и другому руки.

– С пути немного сбились, не туда свернули.

– Ладно, дома расскажете, давайте лучше выбираться, а то толпа разгуляется и до утра отсюда не выпустит.

Выбраться из толпы оказалось делом совсем не простым. То тут, то там их хватали за руки, звали в свою компанию выпить вина. Какие-то девицы, завидев Николая, едва не утащили его с собой, и лишь Эллирий, соорудив сердитую рожу, смог отбить его. Вырвавшись на идущую к порту извилистую улочку, друзья, наконец, вздохнули с облегчением. Почти весь город собрался на площади, поэтому улицы его были весьма пустынные. Компания направилась в располагавшийся рядом с причалами дом.

– Вот и пришли, – сказал Эйнар, остановившись перед дверью небольшого, одноэтажного домика, принадлежавшего раньше местному рыбаку. – Заходите.

Стрижевский и Сартаков привязали коней у входа и прошли в дом. Внутри он представлял собой одну большую комнату, в которой витал впитавшийся в стены запах солёной рыбы. Посредине стоял покосившийся стол в окружении колченогих табуретов. Слева от двери находилась огромная, заставленная горшками печь. Вдоль стен, за неимением лавок, лежали охапки соломы.

– Неплохо устроились, – проговорил Иван Сергеевич, садясь за стол. – А я бы перекусил.

– Уху будете? – спросил Бирнезий, подкладывая на ещё горячие угли в топке свежих полешек, чтобы разжечь огонь.

– Будем.

Александр подсел рядом со Стрижевским.

– Ну, как, узнали, где храм? Вы же туда направлялись?

– Туда. Вот только не любят здесь на развилках указатели ставить, ну и оказались в Лаурде. Знали бы – с вами поплыли, уж лучше, чем в сёдлах трястись. Сейчас, правда, терпимо. А в первый день еле с седла слез.

– Лучше ли? – Александр усмехнулся. – Замок в осаде был, чуть ли не с боем прорывались. Сегодня первый день, как её сняли и ворота открыли.

– Решили не просиживать штаны в Клонии, а наши земли посмотреть? – спросил Эйнар, сев напротив. – Или что-то задумали, шепчетесь тут.

– А мы медальон второй ищем, – признался Стрижевский. – Думаем, он в храме Лабека, хотим посмотреть.

– Медальон? Зачем он вам, если один уже есть?

– Хотим никому не мешать, сами попутешествовать... ну и денег подзаработать.

– Денег заработать? Как? Чудеса с ним показывать?

– Может и чудеса.

– И я был бы не против денег заработать, – Эйнар хитро улыбнулся. – Помощь то вам понадобится. Земель не знаете, да и не везде здесь спокойно. Всякое бывает.

– Эйнар, Эйнар! – засмеялся Бирнезий, слышавший разговор. – С каких это пор ты стал деньгами интересоваться? Раньше за тобой такого не замечал.

– А куда без них, – юноша вздохнул. – Не помешают. Не всю же жизнь скитаться.

– А я думаю, любой из вас, кто захочет, может к нам присоединиться, – сказал Стрижевский. – Нам и в самом деле без вашей помощи тяжело придётся. А денег на всех хватит, да ещё и останется.

– А что, – отозвался разлётшийся на сене Эллирий. – Нам всё равно делать нечего, одно и умеем, что мечами махать. Бирнезий вон только у нас рыболов. А тут, кто его знает, может и получится что. Если денег заработаем, оседем в Сибири и заживём спокойно. Я согласен, да и остальные не будут против. Но вот коней у нас нет – загвоздка. И купить их не на что. Риза можно попросить, но, сомневаюсь я, что он так расщедрится.

– За деньги не волнуйтесь – у нас их достаточно, на коней хватит. Тогда предлагаю не терять времени, подготовиться. Думаю, дня нам вполне хватит. Если все согласны, то послезавтра отправляемся в путь.

Утром второго дня семеро всадников покинули замок и направились в Альвару. Первый день пути прошёл спокойно – дорога была пуста, но на следующий день на ней стало не протолкнуться. Прослышавшие о снятой с Лаурда осаде, в замок ринулись караваны купцов. Повозки, одна за другой, шли нескончаемым потоком, и каждый норовил спросить встретившихся по пути всадников, правда ли то, что в Лаурд теперь может пройти любой, правда ли, что там сейчас нужны все эти платья, сапоги, вяленина и многое, многое другое. Ответив так раз десять, путешественники предпочли скакать вдоль очередного каравана галопом и делать вид, что они не слышат сыпавшихся на них вопросов. Лишь на третий день, когда после полудня дорога привела их в столицу Рамии, они обрадовались выпавшему на их долю отдыху.

– Отдохнём по-человечески? – предложил Вителый. – А то надоели эти ночи у костра, холодно уже становиться, осень не сегодня-завтра.

– Согласен, самому надоело, – ответил Стрижевский. – Может, здесь остановимся?

Он показал пальцем на красовавшуюся рядом с городскими воротами таверну с вызывающим умилением названием – «Усталый путник».

– Давай другую поищем, в таких тавернах обычно самое отребье собирается.

– И с чего ты это взял?

– А ты думаешь, в забегаловках рядом с воротами одни усталые путники отдыхают? Здесь собираются те, кому надо быстро из города выскочить, случись что.

– Да ладно тебе, выглядит заведение неплохо.

– Это снаружи, а ты внутри посмотри.

– Вот и посмотрим, не искать же по всему городу другую, – упёрся Иван Сергеевич.

Он слез с коня и первым направился к крашенным коричневой краской дверям, спрятавшимся под арочным входом. Остальные нехотя последовали за упрямым. Оставив коней привязанными у кормушки под присмотром конюха, они вошли в зал таверны. Заведение встретило их густым чадом из кухни, грязными, засаленными столами и закопченными стенами и потолками. Посетителей было лишь пара дровосеков, дремавших за бутылкой вина. Хозяин этого свиарника, немолодой одноглазый толстяк, заметил гостей и тут же оказался рядом с ними.

– Что угодно господам? – спросил он елеинным голосом.

– Переночевать бы нам.

– Есть комнаты, на всех хватит, три золотых, включая постой лошадок.

Эйнар и Эллирий переглянулись – одноглазый загнул слишком хорошую сумму за такую грязь, однако Стрижевский согласился, даже не пытаясь поторговаться.

– Что-нибудь ещё?

– Поест неплохо бы.

Хозяин усадил гостей за стол, а сам побежал на кухню, вскоре вернувшись оттуда в сопровождении служанки. Вдвоём, они несли огромный поднос, заставленный всяческой снедью и вином. Голодные гости поспешили отдать должное мастерству здешнего повара, и на их удивление приготовлено всё было совсем даже неплохо, а вино оказалось просто прекрасным.

– А вы не хотели меня слушать, – ворчал Стрижевский. – Еда хорошая, вино вкусное. А что ещё нужно?

Основательно подкрепившись, оловевшие от обильной еды и вина, путешественники прошли в комнаты и, несмотря на раннее время, легли спать, чтобы хорошенько отдохнуть на нормальных кроватях и с крышей над головой, а не как в предыдущие дни, под открытым небом с седлом вместо подушки.

Довольный трактирщик, проводив гостей отдыхать, развалился на стуле перед конторкой и, разложив на столешнице золотые монеты, ласково погладил пальцами каждую. Сегодняшний день принёс неплохой доход. Он уже достал из выдвижного ящика кожаный мешочек,

чтобы спрятать подальше от любопытных служанок свои кровные, как вдруг над его головой прозвучал насмешливый, очень знакомый голос:

– Эй, Одноглазый, кто это тут так славно погулял?

Хозяин вздрогнул и, побледнев, медленно повернулся.

– Череп? – пролепетал он, увидев перед собой мужчину, лет тридцати пяти, лысого, как колено, с грубыми, словно вырубленными, чертами лица. – А как... ты здесь... я даже не заметил...

– Испугался? – засмеялся тот, отирая пот с лысины. – Напомнить о себе пришёл. Лишь месяц у тебя не появлялся, а ты уже и знать забыл?

– Лучше тебе убраться отсюда. Одни неприятности от тебя.

Трактирщик двинул руку в сторону лежавшего рядом небольшого кухонного ножа, но Череп тихонько покачал головой.

– Осторожнее, Одноглазый. Не забывай, кто я, – заметив, что тот убрал руку, добавил. – Я ведь не собираюсь тебя грабить. Ты мне лучше скажи, кто здесь так славно попиrowsал, богаты ли они, куда едут. Ты же меня знаешь, я в долгу не останусь.

– Денег у них полно, платят не торгуясь. Кто они такие – не знаю. Станные очень. Четверо, похоже, элаиры, трое других откуда-то издалека. Едут, судя по разговорам, в храм Лабека.

– Вот и хорошо, молодец. Надеюсь, ты не станешь их предупреждать, а то смотри у меня.

Разбойник хлопнул трактирщика по плечу и вышел, оставив беднягу в полной растерянности. По началу тот хотел предупредить гостей, но, подумав, чем это ему может грозить, одумался, махнул рукой и вернулся на кухню.

На следующее утро путешественники быстро собрали вещи и, позавтракав на скорую руку варёными яйцами и ветчиной, продолжили свой путь. Александр предложил сначала посмотреть на город, но Стрижевский, отмахнувшись, заявил, что ещё успеется. Он первым вскочил в седло и направился к воротам, поглядывая через плечо на недовольно ворчавших спутников. Им ничего не оставалось делать, как последовать за упрямым.

Покинув рамийскую столицу, они пересекли реку по огромному деревянному мосту, такому старому, что покрывавшие его доски скрылись под слоем пыли и грязи, а кое-где даже проросла трава. Мост скрипел и подрагивал под ногами проходивших по нему людей и колёсами повозок, словно был живым существом, которое с трудом терпит ползающих по нему букашек. Стрижевский, облегчённо вздыхая, ещё долго оборачивался, словно ждал, что это ненадёжное, на его взгляд, сооружение вот-вот рухнет. Но они углубились в лес, и река, город и мост скрылись из виду. На развилке свернули направо, на узкую, безлюдную дорогу. Шум города стих, остался вдалеке, уступив место лёгкому шелесту ветра в кронах деревьев и пению птиц. Запах смолы и цветов вскружил голову, опьянил не хуже вина. Путешественники весело переговаривались между собой, Бирнезий то и дело наклонялся с седла, чтобы сорвать растущий на обочине гриб. Дело шло к полудню, и неплохо было бы пообедать горячей грибной похлёбкой.

Никто не понял, как на дороге появились, словно выросшие из земли, полтора десятка всадников. С мечами наголо, с готовыми к удару копьями, они окружили путешественников. Один из них, совершенно лысый, худой, словно жердь, проговорил, посмеиваясь:

– Я думаю, вы не откажетесь поделиться деньгами с несчастными и обездоленными.

– Что-то ты не очень похож на обездоленного, – ответил Эйнар, положив руку на рукоять меча.

– Смелый очень? Похвально, только глупо. Давайте-ка по-хорошему, сами видите, нас в два раза больше. Гоните деньги и проваливайте. Обещаю, вас никто не тронет.

Эйнар покачал головой и рванул из ножен меч. Остальные последовали его примеру.

– Ну, вы сами напросились, глупцы!

Разбойники думали сразу смять сопротивление горстки, как им показалось, паломников, сбить их в пыль и заставить неуступчивых дураков жрать землю и молить о пощаде. Но всё получилось совсем наоборот. Вчерашние крестьяне, сменившие соху на кусок грубо обработанного, заточенного железа, напоролась на людей, знавших в оружии толк. В мгновение ока, Эллирий, уклонившись от неумелого выпада, снёс голову одному из нападавших. Другого, никак не совладавшего с упрямой лошастью, безжалостно заколол Эйнар. В тот же миг с десятков бандитов бросились наутек, оставив главаря и двоих его верных товарищей на растерзание противнику.

– Беги! – крикнул один из них, а сам бросился на Александра.

Тот, отбив в сторону меч, просто двинул эфесом бедняге в зубы, и разбойник, вылетев из седла, покатился в придорожную канаву. Второй не стал искушать судьбу и тоже бросился следом за главарем. А Черепу не повезло – его конь споткнулся о корягу, и предводитель кубарем полетел сквозь кусты. Оглушённый ударом, хотя и почти не пострадавший, он смог подняться на ноги лишь тогда, вокруг него сошлись кольцом несостоявшиеся жертвы. Эйнар спрыгнул с коня и подошёл к поверженному противнику.

– Ну что, обездоленный, что теперь скажешь?

– Вяжи его, Эйнар, – проговорил Бирнезий. – Властям сдадим, может, деньжат подкинут.

– Лучше убейте меня, – мрачно проговорил разбойник.

– Что это ты так боишься?

– Не хочется на кол садиться, лучше уж голову сруби.

– Слушай, Бирнезий. Охота нам снова возвращаться назад, возиться там с ним?

– Предлагаешь прямо так вот и зарубить?

– Да зачем, пусть идёт.

Разбойник, закрыв глаза в ожидании смерти, открыл их, удивлённо посмотрел на Эйнара. Ему не верилось, что он может так легко отделаться.

– Мы ведь, друг Бирнезий, тоже не без греха.

– Да и то верно, пусть валит отсюда подальше.

Разбойник поднялся, поймал повод одного из оставшихся без седоков коней. Вскочил на него и неспешным шагом направился прочь. Уже в кустах он обернулся и сказал:

– Я не забуду вашей доброты. Если понадобится моя помощь, ищите меня в этих местах... Пока здесь. Чем смогу – помогу.

23

Прошло несколько дней пути. Природа словно забыла о приближающейся осени и расщедрилась на тепло и ясную погоду. Даже ночи около костра казались не такими холодными, как обычно бывает в эту пору. Почти безлюдная дорога петляла по лесным дебрям, взбиралась на холмы, ныряла в ложбины. И, наконец, привела на берег довольно широкой, точно больше ста шагов в ширину, реки. На противоположный берег вёл надёжный, добротный дубовый мост, опиравшийся на быков из огромных камней. Дорога пересекала реку по этому мосту и упиралась в покрашенные тёмной охрой ворота в стене из массивных известняковых блоков, покрывшихся за долгий срок тёмным налетом въевшейся в камень пыли и пятнами лишайников.

– Ну, вот и пришли, – тихо проговорил Вителий и, словно роясь в своих воспоминаниях, добавил. – Его стены расположены квадратом. В центре главный храм, а по краям дома служителей и кладовые. Заблудиться не получится. А реликвии, насколько я знаю, в главном храме хранятся.

– А как попасть туда? Ворота закрыты, – спросил Эйнар.

– А они открываются только по воскресеньям, когда сюда приходят паломники. Если конечно постучать, монахи откроют и пустят нас. Но только мы окажемся под их пристальным вниманием. Такую толпу подозрительных мужиков они точно не отпустят гулять по храму без присмотра.

– Значит, ждать надо.

Путешественники переправились через мост и, никем не замеченные, прошли вдоль реки выше по течению и разбили лагерь на берегу, спрятавшись от посторонних глаз за ельником. Уставшие после проведённого в седле дня, они расседлали коней, стреножили их на краю поляны, а сами улеглись на плащи, давая отдых уставшему телу. Спустя мгновение захрапел Эллирий, потом к нему присоединился Вителий. Лишь Бирнезий, быстро соорудив небольшой костерок, подвесил над ним нанизанные на ветки, поджаренные на прошлом привале куски оленины.

– Перекусите и давайте тоже спать, – он раздал ещё не уснувшим подогретое мясо. – Здесь место спокойное, дозор можно не выставлять. Разве что комары набросятся.

– Дождь бы не пошёл, – проговорил Эйнар, посмотрев на небо.

Впервые за эти дни появились тучи. Надвигаясь со стороны заката, они должны были под утро, а то и раньше, закрыть небо непроницаемой серой пеленой. Бирнезий задрал голову вверх, в задумчивости наморщил лоб, а потом просто пожал плечами.

– А ночь то тёмная будет, – незаметно шепнул Стрижевский на ухо Николаю. – А если ещё и с дождичком... Красота.

– Ты к чему клонишь? Хочешь залезть в храм через стену? Или как ещё?

– А хоть и через стену. У Бирнезия я верёвку с крюком в мешке видел. Закинем, залезем и поищем.

– Все уже спать собрались, разве кого добудишься? – слабо возразил Николай.

– А зачем нам тащить кого-то с собой? Сами справимся. Если кто помешает – так оружие у нас есть...

– Стой... стой, какое оружие? Давай постараемся без этого обойтись. Меня до сих пор трясёт, когда вспоминаю, как тех двоих на дороге зарубили. Всё-таки, прав был Саша, когда сказал, что этот мир меняет, делает нас другими. Мы начинаем чувствовать свою безнаказанность, и превращаемся в безжалостных убийц.

– Спокойно, Николай, давай без лишних эмоций и глубоких философских размышлений. Просто здесь раскрывается наше истинное лицо. Мы не ограничены какими-то рамками

и становимся теми, кто есть на самом деле. Только и всего. И если понадобится защитить свою жизнь любой ценой, я сделаю это не задумываясь о морали и прочих условностях.

– Хорошо, попробуем, – после недолгих раздумий согласился товарищ. – Надеюсь, монахи будут спать.

День сменился ночью. Нависшие над головой тяжёлые тучи скрыли свет луны и звёзд. Лишь багровое пятно от прогоревшего костра медленно угасало в паре шагов от притворившихся спящими Николая и Ивана. Остальные спали, как говорится, без задних ног, выводя порой такие рулады, что захватывало дух, и бежали мурашки по спине.

– Пора, – громким шёпотом сказал Стрижевский и осторожно вытащил из мешка лежавшего рядом Бирнезия верёвку с крюком. – Не теряй времени, поднимайся.

– Ничего не вижу, – пожаловался Николай.

Он поднялся на ноги и сделал несколько осторожных шагов в сторону. Но, немного не рассчитав, наступил на руку раскинувшегося во сне Александра.

– Кто здесь? – хрипло выпалил тот, мгновенно проснувшись. Сартаков услышал, как едва слышно лязгнул выдвигаемый из ножен меч и поспешил ответить.

– Я это. Я. Извини, не видно ничего.

– Куда собрался? А это там Иван что ли? Куда вы вдвоём, в ночь?

– Тихо, не шуми, – шикнул Стрижевский. – В храм мы пошли, ночь сегодня подходящая.

– Но...

– Так не толпой же идти. Чем меньше нас будет, тем больше шансов на успех.

– Подождите, я с вами. Вы ведь – ни тот, ни другой – меча в руках толком не умеете держать.

– Ладно, идём. Только не вздумай больше никого будить.

Осторожно, на цыпочках, они покинули лагерь, на ощупь отыскивали тропу вдоль реки по которой пришли сюда и направились к храму. Над окружавшими его стенами поднималось едва заметное багровое зарево, видимо от горевших во дворе светильников или факелов. Этот слабый свет, словно маяк, показывал путь, не давал заблудиться в прибрежных зарослях.

Трое авантюристов остановились у подножья стены, прислушались – не слышны ли наверху шаги или разговоры стражи. Но ночную тишину нарушало лишь негромкое уханье филина в лесу.

– Они не охраняют, что ли? – усмехнулся Стрижевский и снял с плеча свёрнутую в бухту верёвку.

Здрав вверх голову, он постарался оценить высоту стен, но практически ничего не увидел. Бросать предстояло вслепую. Раскрутив кошку, Иван Сергеевич с силой выбросил её вверх. Спустя мгновение, железный крюк звякнул о камень.

– Тряпкой надо было обмотать, – недовольно проворчал Александр.

Они снова замерли в ожидании – вдруг звук удара переполошил местных обитателей. Но в храме по-прежнему царила тишина.

– А вы боялись, – ответил Стрижевский и начал осторожно подтягивать верёвку.

В какой-то момент крюк зацепился за что-то. Иван Сергеевич дёрнул сильнее – верёвка натянулась, но с места не сдвинулась. Затем он повис на ней всем своим весом – снасть держала.

– Кто первый?

– Давай ты, – предложил Николай. – Я же помню – ты как-то хвастался, что в молодости увлекался скалолазанием.

– Ну, ты вспомнил, – фыркнул Иван Сергеевич. – Ладно, попробую. Вы только верёвку держите немного внатяг.

Он взялся за неё руками, ногами нащупал в кладке швы и, довольно ловко, хотя и кряхтя от натуги, полез наверх. Подниматься было несложно – швы в старой кладке оказались глубокими и широкими, как раз для того, чтобы поставить ногу. Если не спешить, можно не бояться,

что нога соскользнёт. Силуэт Ивана исчез в ночной темноте, и лишь ходившая ходуном верёвка давала понять, что человек над головой старается, ползёт. В конце концов послышалось совсем уж натужное кряхтение, и после этого дёрганье прекратилось.

– Подождите, привяжу, – свесившись вниз, сказал Стрижевский громким шёпотом.

Но, как оказалось, крюк попал в какое-то железное кольцо, вмурованное в кладку – лучше не придумаешь. Иван Сергеевич довольно улыбнулся.

– Залезайте, – снова бросил он вниз.

Николай и Александр поднялись довольно быстро. Для физически сильных молодых людей такой подъём не представлял сложности.

– Нам пока везёт, – шепнул Давыдов. – Дальше то куда?

Устроившись поудобнее на голом камне, они принялись изучать освещённый факелами двор храма. Слабый свет позволял разглядеть лишь вход в, по всей видимости, главный храм, очень напоминавший своим видом здание парижской оперы. Вдоль стен Николай заметил ещё какие-то постройки, судя по рассказу Вителія – кладовые и жилища. Внизу не было ни души. Похоже, все монахи беспечно спали, уверенные в том, что никому не придёт в голову покушаться на их святыни.

– Я, всё-таки, не представляю, как мы что-то искать будем, – покачал головой Александр. – Храм – вот он. Но где ты там думаешь найти медальон? Или надеешься, что внутри есть указатели как в музее?

– Ха, насмешил, – Стрижевский показал товарищу язык. – Поищем, попробуем. Времени у нас много. Да можно хоть каждую ночь сюда наведываться и искать. Монахи всё равно спят, вряд ли кто нас заметит.

– А если заметят?

– А на этот случай у тебя свой медальон есть.

– Всё у тебя легко и просто. Ну, хорошо, попробуем, поищем.

– Ну, так пошли, нечего здесь рассиживаться.

Рядом вниз вела широкая каменная лестница, и друзья осторожно спустились по ней вниз. Площадь перед входом в храм они пересекли спокойно, не спеша, словно совершали прогулку. К чему таиться, если вокруг ни души, а если что, трое спокойно идущих вызовут меньше подозрения, чем, если бы они крались вдоль стен.

Огромные двустворчатые, украшенные резьбой двери оказались незапертыми. Стрижевский медленно приоткрыл одну из створок и проскользнул в щель.

– Сюда, – услышали спутники его тихий голос и направились следом.

Они очутились в огромном тёмном зале. Осторожные шаги отвечали гулким эхом в высоких потолках, шёпот, дыхание казались настолько громкими, что трое авантюристов невольно замерли, ожидая, что их вот-вот услышат, и кто-нибудь появится здесь, чтобы встретить незваных ночных гостей.

– Впечатляет, – негромко сказал Стрижевский, и звук его голоса отразился от стен и сводов.

– Тихо, – шепнул Александр.

У противоположной стены, освещённой двумя факелами, стояла огромная статуя крылатого человека. Статуи поменьше, едва различимые в свете крохотных лампадок, стояли между находившимися по краям зала колоннами. Каждая из них отображала деяния таинственного человека с крыльями. Вон он, держа в руках крошечный росток, наклоняется к земле; другая показывает его сжимающим в руках похожий на язык пламени меч; на третьей он поднимает над головой покрытый письменами шар...

– Не засматривайтесь, здесь вряд ли что найдём, – одёрнул Иван Сергеевич компаньонов. – Ищите вдоль стен, может дверь есть в другие помещения.

Он пошёл по левой стороне, Александр и Николай вдоль правой.

– Смотри, фрески, – Сартаков прикоснулся ладонью к шероховатой поверхности. – Жаль, не видно, а хотелось бы посмотреть.

– Идём, а то Иван опять шипеть на нас начнёт, – отозвался Саша. – В воскресный день с паломниками ходим и посмотрим.

– Если только к тому времени нам не придётся сбежать подальше от этого места.

Уходящий вглубь храма проход нашёлся позади большой статуи. Полутёмный коридор освещали небольшие масляные светильники.

– Слышите? – Стрижевский замер, насторожился. – Кажется, поют. В такое то время?

– Да, из коридора доносится, – Николай приложил ладонь к уху, прислушался.

Они направились вглубь прохода и, шагов через тридцать, когда впереди уже был виден тупик, Иван Сергеевич заметил нишу в стене, в глубине которой начиналась спускающаяся вниз лестница. Пение стало слышно ещё отчетливей.

– Туда.

Стрижевский первым шагнул на крутые, скользкие ступеньки и, едва не упав, раскинул в стороны руки, чтобы опереться о стены.

– Идите осторожно, – предупредил он товарищей.

Спуск показался бесконечно долгим. Каждую ступеньку приходилось нащупывать ногой, держась руками за влажные, замшелые стены. Видно было немного, лишь изредка, при очередном повороте, на стене попадался светильник, бросающий слабый свет на выющую спиралью лестницу. А пение становилось всё сильнее и сильнее. Наконец, впереди забрезжил яркий оранжевый свет. Они очутились в коротком коридорчике, который выходил на галерею, проходящую над огромным залом. Она пересекала его поперёк и выходила на балкон, с которого вниз вела широкая каменная лестница.

– Стойте, – Стрижевский остановился. – Здесь подождём.

Они спрятались за колоннами, упиравшимися в потолок зала. Николай поднял голову и ахнул – выкрашенный чёрной краской свод был покрыт золотыми письменами, похожими на...

– Саш, посмотри, они похожи на те, что на твоём медальоне.

– Есть немного, – кивнул головой тот и перевернулся на спину.

Монахи внизу на мгновение замолчали, а потом запели ещё громче, ещё проникновенней. Слова были непонятны, но мелодия, торжественная и радостная, очаровывала, заставляла забыть обо всём.

Стрижевский подполз к другой стороне галереи и вдруг сдавлено застонал и суматошно замахал руками, подзывая товарищей.

– Смотрите, смотрите!

Александр осторожно посмотрел вниз и увидел, что монахи поют стоя на коленях перед золотой статуей, уменьшенной копией той, что стояла наверху.

– Думаешь, она вся золотая? Может, отделанная золотой фольгой деревяшка?

– Да какая статуя, ты смотри, что у неё на шее висит! – Стрижевский едва не сорвался на крик.

Только теперь Саша заметил медальон, очень похожий на тот, что висел на его шее.

– Ничего не видите, не смотрите, – ворчал Иван Сергеевич. – Теперь дождёмся, когда эти напоятся, спустимся и возьмём его.

Они снова уселись на пол галереи. То и дело кто-либо выглядывал, чтобы посмотреть, не хотят ли монахи уходить. Пение уже смолкло, но служители Лабeka никак не собирались подниматься с колен. Теперь они склонили головы и что-то тихо шептали, отчего окружающее пространство наполнилось неясным, таинственным шелестом. Прошло больше часа, прежде чем монахи поднялись и, без слов, ушли из зала через выходящие на балкон коридоры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.